

208

МАССОВЫЕ ПРАЗДНЕСТВА

УД 208
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИСКУССТВ

W $\frac{33}{268}$ вкл

Ф $\frac{1-79}{12419}$

МАССОВЫЕ ПРАЗДНЕСТВА

СБОРНИК КОМИТЕТА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСКУССТВ

48-2704

«АКАДЕМІА»
ЛЕНИНГРАД
1926

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ
ИМЕНИ тов. ЗИНОВЬЕВА.

Изд-ства «Ленинградская Правда».
Ленинград, Социалистическая, 14.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГУБЛИТ № 23152

Тираж 3.100.—13 лист. Заказ № 3361.

1921 г.

2007338229

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа по изучению массовых праздников, которой посвящен настоящий сборник, возникла по инициативе Отдела Истории и Теории Театра Государственного Института Искусств и вначале осуществлялась его Театральной Лабораторией. С организацией при Институте Комитета Социологического Изучения Искусств весь аппарат и методы, намеченные в работах Лаборатории, были переданы в специально организованное „Бюро по учету массовых праздников и клубной работы“. Этой преемственностью объясняется тот факт, что большинство работ в настоящем сборнике принадлежит членам и сотрудникам Отдела Истории и Теории Театра и что основной темой изучения массового праздника является исследование и закрепление изобразительно-зрелищного характера праздника в его прошлом и настоящем.

Весь сборник, по методам исследования, мы разбиваем на три части, соблюдая в то же время хронологическую последовательность изучаемого материала. Первая часть содержит в себе опыт исторического обзора массовых празднеств на Западе; вторая носит характер мемуаров очевидца и соучастника празднеств и посвящена первым годам Октябрьской революции и третья часть, основывающаяся на планомерном учете, является первоначальной сводкой записей праздников Ленинграда с Октября 1924 по Октябрь 1925 г.)

Условия работы Бюро не позволяли ему до последнего времени развернуть свою деятельность за пределы Ленинграда, но, тем не менее, мы считаем, что это не умаляет значения нашей работы, так как ленинградские праздники, — хотя и отмеченные своеобразными особенностями, могут служить характерным примером празднеств всего нашего Союза.

Несмотря на очевидную необходимость изучения современного массового праздника, Бюро по учету было лишено в начале своей деятельности даже минимальной поддержки в своих работах, что неминуемо сказывается на тех результатах, которые мы имеем на сегодняшний день. И если бы не недавно появившаяся помощь Бюро Агит-Отдела Губкома ВКП(б), Политпросвета ГУБОНО и широкой массы слушателей курсов при Г. И. И. И., то, конечно, мы не могли бы дать и тех сводок, которые помещены в этом сборнике.

Н. Извеков

А. А. ГВОЗДЕВ

МАССОВЫЕ ПРАЗДНЕСТВА
НА ЗАПАДЕ

Массовые празднества на Западе

(Опыт исторического обзора)

1

Октябрьская революция, раскрепостившая широкие массы трудящихся, вызвала к жизни массовые празднества пролетариата, развертывающиеся ежегодно в невиданно мощных масштабах на всей территории СССР. Развиваясь из политической демонстрации, эти празднества вовлекают сотни тысяч трудящихся в организованное выступление, объединенное четкими лозунгами революционной демократии. На наших глазах эти массовые выступления эволюционируют, с каждым годом обретая новые возможности и новые формы проявления самостоятельности масс, охваченных могучим порывом отпраздновать освобождение и торжество труда над капиталом.

На долю современников выпадает ответственная задача изучения празднеств Великой Русской Революции. Это изучение имеет, прежде всего, задание закрепить массовые празднества пролетариата для истории. Вместе с тем, на исследователя ложится и другая задача — путем учета накопленного опыта определить те законы, на основании которых празднество может наиболее целесообразно развернуть самостоятельность масс и вылиться в наиболее яркие и впечатляющие формы. В тесной связи с этим стоит и вопрос о судьбе театра, заново поставленный Октябрьской революцией. Ведь как только широкие массы пролетариата вынесли празднество на улицу — тотчас же явственно обнажилась ограниченность старого буржуазного театра, замкнувшегося в сценической коробке оперно-балетного здания в целях обслуживания немногих избранных. Отсюда — переоценка всех театральных ценностей, приведшая критическую мысль к сознанию, что будущее театра скрыто в тех богатых, но еще неясных возможностях, которые постепенно обнаруживают себя в массовых празднествах революционных лет.

Но для изучения массовых празднеств недостаточно их описательного или же аналитического исследования. Оба эти метода должны найти свое подкрепление в историческом освещении, которое вскрыло бы роль, значение и многообразные формы массовых празднеств на протяжении многовековой истории, как западных, так и восточных стран. Ибо создавать новое можно лишь учитывая опыт прошлого.

Этот основной закон всякой творческой деятельности, всецело принятый научным марксизмом, должен быть применен и по отношению к массовым празднествам, поскольку мы видим в них мощное орудие культурного воспитания широких масс и залог новых форм будущего театра революционной демократии.

Поставленный перед задачей осветить историческое прошлое массовых празднеств, исследователь сталкивается с величайшими трудностями, из них самая главная—отсутствие предварительных работ по изучаемому вопросу. Несмотря на изобилие материала, относящегося к массовым празднествам прошлых столетий, нет ни одного общего труда, освещающего их фактическую сторону или же намекающего их эволюцию. Нет и исследований, определяющих их роль и значение в культурной жизни народов, не говоря уже о том, что никто из ученых не пытался рассматривать массовые празднества в связи с классовой борьбой, в которую они неизбежно и неизменно вовлекались самим ходом истории.

Таковое положение массовых празднеств в кругу исторических знаний объясняется, прежде всего, тем обстоятельством, что в течение XIX века, когда главным образом и развивались методы и научные интересы присяжных историков, массовые празднества, стиснутые развитием производственного капитализма, сошли на нет и почти исчезли из обихода городской и сельской жизни. Живой опыт историков XIX века не мог подсказать им интерес к различным проявлениям коллективного начала в массовых празднествах. В окружении капиталистического строя, когда господствующий класс боялся организованного выступления масс, роль и значение массовых празднеств, естественно, оставались скрытыми от исследователей. Казалось бы, что историки театра, которым ближе всего область празднеств и торжеств, могли бы заглянуть в их историю. Но здесь мешало иное обстоятельство: театр рассматривался как отрасль литературы и история театра сводилась к истории литературной драмы, т. е. словесного искусства по преимуществу. А так как массовые празднества не были вплотную связаны с художественно-литературным творчеством, то они и не входили в кругозор историков драмы. Таким образом, огромная область коллективного творчества осталась необследованной, а в тех редких случаях, когда тот или иной ученый заглядывал в историческое прошлое массовых празднеств, его подход был обусловлен или узкими интересами провинциального летописца или же чисто эстетическим любованием «давно минувшей стариной», ее пышным великолепием или же примитивной простотой. Но смысл и значение массовых празднеств прежних времен оставались не выясненными, ибо окружающая жизнь не подсказывала необходимости их изучения и не устанавливала опре-

деленных точек зрения. Редкие исключения (к которым следует отнести работу Ж. Тьерсо «Песни и празднества Французской Революции» от 1908 г. и отдельные попытки других ученых), не опровергают общего положения.

Современники и очевидцы массовых празднеств русской революции находятся в ином положении. Для них смысл и значение массовых празднеств вскрывает сама окружающая жизнь. При свете Октября они могли разглядеть их агитационно-политическое значение и их роль в формировании классового сознания пролетариата и в подготовке его к классовой борьбе. Вместе с тем они явились свидетелями, как на этих массовых празднествах изживалась разобщенность современного капиталистического общества, сменяясь единением в мощном коллективе трудящихся. Они явились очевидцами постепенного роста самостоятельности широких масс в различных отраслях художественного творчества, так как синтетический характер наших празднеств давал широкий простор зарождению из недр революционного быта музыки, песни, слова, новых зрительных образов и новых форм праздничного единения, причем искусство не разъединяло, а напротив, сближало каждого участника с жизнью, охватывая ее во всей полноте политического и социального бытия. Именно здесь, на массовых празднествах, преодолевался тот разрыв с народными массами, который определил аристократический характер искусства буржуазного общества и завел его в тупик эстетизма и бесплодного формализма. Отсюда же, из густых колонн первомайских или октябрьских демонстрантов, приоткрывались смысл и значение массовых празднеств далекого прошлого. Иными словами—на празднествах Красного Календаря Советской России мы впервые увидели массу в ее подлинном, неискаженном облике и этот решающий факт определяет теперь отношение историка и теоретика массовых празднеств к изучаемому историческому материалу, вскрываемому заново при свете Октябрьской революции.

Исходя из этих данных мы и попытаемся дать «опыт исторического обзора» массовых празднеств. Естественно, что при отсутствии подготовительных работ (на что мы указывали выше), наш очерк не может выйти за пределы первоначального «опыта». Изобилие и разнообразие исторического, мало обследованного материала, требует сужения темы статьи. Наша работа ограничивается изучением материала, доставляемого *Западной Европой* и довольствуется указанием на неотложную необходимость привлечь к сравнительному исследованию массовые празднества Востока, все богатство которых может быть вскрыто лишь специалистом—востоковедом. В пределах же западно-европейского материала мы ограничиваемся определением основных видов массового

празднства, выбирая из разных стран наиболее характерные явления с целью показать, во первых, многообразие существовавших в свое время форм массового празднства, и во вторых, их обусловленность классовыми интересами того общества, в котором они зародились и идеологию которого они пропагандировали. При этом мы привлекаем только те массовые празднства, в которых проявляется, в той или иной форме, самодеятельность их участников и оставляем в стороне театрализованные зрелища (напр., бой быков в Испании) и т. п., где масса принимает участие только как зритель. Наше внимание сосредоточивается преимущественно на празднствах, развертывающихся на площадях и улицах города, так как неисчерпаемое богатство сельских празднств и обрядов требует совершенно иного подхода и характеристика их выведет бы нас далеко за пределы, положенные размером настоящей статьи.

2. Церковная процессия и ее театрализация

В эпоху преобладания натурального хозяйства, а также в пору развития феодального порядка, когда самыми крупными земельными собственниками на Западе были монастыри и высшее духовенство, средневековая церковь играет роль господствующей силы, определяющей хозяйственное, политическое и духовное развитие Европы. Поэтому неудивительно, что она рано начинает стремиться к тому, чтобы овладеть массовыми празднствами и, подчиняя их своему влиянию, тем самым сделать их орудием пропаганды своих интересов и укрепления своей власти. В силу этого, скромная религиозная процессия, первоначально служившая лишь целям религиозного культа, быстро разрастается и превращается в организованное пышное шествие. Привлечение к ней массы населения, не принадлежащей к церковной организации, становится сознательной целью церковных властей, а богатство монастырей и церковных землевладельцев позволяет придать этим шествиям характер пышного зрелища, захватывающего простых зрителей роскошью костюмов, искусно изобретенной игрой с вещами и целым рядом других способов театрализации церковного обряда, расширенного до массового празднства и свободно включающего в себя как остатки языческих праздников, так и новые формы празднств, народившиеся в процессе развития денежного хозяйства, городов и цехов.

Театрализация церковной процессии приводит не только к включению в прежние шествия, имевшие место в дни церковных празднств, целого ряда театральных моментов, но и к учреждению

новых празднеств, назначение которых связуется уже неразрывно с воздействием на массу населения путем пышно организованной процессии. Таково празднество, учрежденное в 1264 году и носящее название праздника „Тела Христова“ (Corpus Christi) ¹ в котором организованное шествие является центральным моментом, своего рода ежегодной демонстрацией церковников. Быстро развиваясь, церковная процессия предстает пред нами в законченной форме в XV—XVI веках, когда она прочно входит в жизнь города и служит мощным орудием пропаганды в руках церкви, заключающей союз с королевской властью и с наиболее зажиточными слоями городской буржуазии.

Опираясь на акты городского архива в Брюгге за 1513—1530 г.г., опубликованные в Известиях Фламандской Академии Языка и Литературы ², мы можем восстановить характерную картину церковной процессии в одном из главных центров развивающейся торговли и обрабатывающей промышленности (г. Брюгге, во Фландрии).

Накануне того дня, когда процессия должна развернуться по улицам города, население извещалось о предстоящем событии особыми указами, оглашавшимися на рынке, из окна с медной решеткой, в присутствии двух городских чиновников, при чем народ звоном городского колокола созывался на площадь. Эти указы точно определяли время и место процессии и предписывали ряд мероприятий, необходимых для поддержания порядка во время шествия.

Таким образом, городские власти брали под свое попечение и под свою ответственность религиозную процессию и обязывали граждан считаться с ней, как с твердо установленным явлением. Городские указы запрещают производить торговлю во время шествия и предписывают закрытие всех помещений, торгующих вином. Запрещаются также светские игры и увеселения, при чем на управляющих домами накладывается штраф в случае нарушения данного предписания. Особое внимание указы обращают на то, чтобы „Большой Рынок“ и улицы города были вычищены и освобождены от всего, что могло бы помешать свободному продвижению шествия.

Городские власти назначают особых людей, поручая им наблюдать за порядком процессии, при чем все промышленные и торговые гильдии и цехи приглашаются беспрекословно повиноваться распоряжениям этих комиссаров. Ослушникам и нарушителям порядка указы грозят

¹ Празднуется в католической церкви в четверг после Троицы.

² *de Processiën generalen en de Hallegeboden te Brugge door Edw. Gailliard.* Verslagen en Mededelingen der koninklijke Vlaamsche Academie voor Taal en Letterkunde. 1912. стр. 1000—1026.

„немедленной отправкой в тюрьму“ и наказанием „по усмотрению судей“. О том, что было кого наказывать, свидетельствует указ 1526 г., в котором говорится, что „некоторые бездельники бросали камнями в костюмированные фигуры (personagen), которые шли в свои процессии и играли“; это указывает, с одной стороны, на участие в процессии театральных игр мистериального характера, с другой, что с продвижением реформации нарастало и недовольство этими старинными церковными традициями. Против „богохульников“ приходилось уже бороться суровыми мерами, вплоть до прокалывания языка раскаленным железом (указ от 1489 г.), и королевский эдикт от 1517 г. предписывает зоркое наблюдение за всеми проявлениями кощунства.

Охраняемая городской и королевской властями, процессия церковников разворачивается по улицам города с большой пышностью. В шествии участвует иногда весь Городской Совет, иногда лишь представители его, но присутствие городских чинов, а также старшин гильдий и цехов в общем является обязательным. К ним примыкает король или принц со свитой, если они находятся в городе в день процессии. Процессия объединяет духовенство всех церквей и монастырей города, при чем каждая группа несет свои хоругви и знамена. На всем пути шествия, из окон домов вывешиваются ковры и цветочные украшения, а на главной площади выстраивается особый альтарь (Trezoor), накрытый дорогими покрывами, на который и ставится принесенная процессией реликвия.

В особо торжественных случаях реликвия окружается во время шествия большими восковыми свечами, которые несут 24 представителя от города и 24 от религиозных братств и обществ. Кроме того, несут до 300 факелов, украшенных красными и белыми розами. Городские старшины идут, согласно предписанию, в черных костюмах, с трехфунтовыми свечами в руках, а „кающиеся“ шествуют в белых одеждах, босые, с непокрытыми головами и с горящими факелами в руках. Женщины идут отдельно от мужчин, при чем один из указов разрешает женщинам только тогда присоединиться к шествию, когда пройдут мужские группы. Нередко городские указы предписывают участникам быть чисто и опрятно одетыми и идти во время шествия „не поднимая шума и смеха“. В частности это относится и к детям, ученикам церковных школ, также непременно участвующих в процессии.

Водом к устройству процессии служат самые различные события: чума в городе, дурная погода, внезапная болезнь испанского герцога, въезд короля, заключение мира с Венецией, перемирие с Францией, война „с Великим Турком“, избрание нового Папы, рождение Балда-долиде Филиппа II и т. п.

Все наиболее важные политические события отмечаются процессией, число которых заметно возрастает к концу XV века¹, оживляя будничную жизнь большого торгового города.

3. Массовые инсценировки

В тесной связи с идеологией христианской церкви, стоят и так называемые *мистерии* XIV—XVI в.в., неразрывно связанные с возвышением городов и развитием городской буржуазии, организовавшейся в гильдии и цеха. Экономический расцвет городов создал профессиональные корпорации, которые и овладевают теперь массовыми празднествами города, надолго, однако, оставаясь под влиянием церковных учений, но в то же время, все более явственно внедряя в свои празднества чисто светские интересы, подсказанные развитием торгового капитализма.

Проблема массового самодеятельного празднества разрешается средневековым городом двояким способом. С одной стороны, мы видим своего рода „передвижной театр“, в котором каждая отдельная гильдия или цех берут на себя оборудование особого помоста, поставленного на четыре колеса и исполнение на нем части всей массовой постановки. Эти „телеги“ (англ. „пэджент“ — pageant), имели два яруса. В нижнем ярусе любители - актеры одевались, в верхнем, открытом со всех сторон, они играли, так что все зрители могли их видеть и слышать. Эти „пэджент“ выезжали в город и играли в различных его частях одновременно, так что на каждой улице исполнялся один из эпизодов всего действия: по окончании данного эпизода, „пэджент“ уезжал на другую улицу или площадь, а его место занимала другая „телега-театр“ со следующим по порядку эпизодом. Такой распорядок мы встречаем в Англии и во Фландрии на исходе Средних Веков, а также в Испании XVII века.

Во Франции, Германии и Италии установился другой способ инсценировки. Здесь все действие сосредоточивалось на площади, и распределялось по различным ее местам, на которых и выстраивались отдельные беседки, стройки и домики (лат. mansiones, франц. maison, дом), служившие для исполнения отдельных сцен.

Как в том, так и в другом случае корпорации брали на себя инициативу и всю организацию массовой инсценировки, к участию в которой привлекалось до 500 любителей-актеров, игравших пред многими десятками тысяч зрителей в течение нескольких дней подряд. Характерным для этих постановок является сочетание серьезных

¹ С февраля 1479 г. до июля 1491 в Брюгге имели место 154 процессии, т. е. в среднем по 12 процессий в год.

сцен, иллюстрирующих те или иные эпизоды из священного писания, с ярко бытовыми, комическими и фарсовыми сценами, отражавшими быт городского населения и ставшими точкой отправления уже чисто светского театра городской буржуазии.

Так как подробная характеристика мистерий привела бы нас к необходимости обрисовать целую главу из истории европейского театра и отвлекла бы нас от нашей прямой цели, мы ограничиваемся частичным воспроизведением современного описания одного из главных моментов этих массовых постановок, именно шествия всех участников инсценировки по городу, пред началом массового празднества. Костюмы, атрибуты, колесницы, группы и отдельные фигуры — обрисованные в приводимом нами описании, вовлекаются впоследствии в действие, как только все шествие, пройдя по городу, расположится в указанных и оборудованных заранее местах на площади. Исключительная пышность и величелие, которым отмечено это шествие, характерно уже для самого позднего периода мистерияльных постановок, накануне их исчезновения в XVI веке в связи с утверждением придворно-аристократического театра, идущего из Италии эпохи Возрождения. В то же время, приводимое нами описание иллюстрирует богатство и роскошь французских городов эпохи мощного роста торгового капитализма.

„Распорядок триумфальной и великолепной процессии мистерии апостольских деяний, имевшей место в Бурж в воскресенье, в последний день апреля 1536 года“ записан королевским секретарем Жаком Тибу (J. Thiboust) и гласит следующим образом:¹

„Около шести часов утра, бургомистр и старшины вышеназванного города (Бурж), в сопровождении городских чинов, числом 36, в красных и зеленых одеждах, бургомистр со старшинами на мулах с чепраками, а городские чинов пешком, при чем у каждого был в руках белый жезл — отправились, в целях поддержания порядка среди толпы народа, в аббатство и монастырь Сэн-Сюльпис в Бурж, где уже собралась большая часть граждан, которые должны были изображать действующих лиц мистерии. После обеда, на которой присутствовали все собравшиеся, граждане разошлись по комнатам и другим местам, для них приготовленным, для переодевания и облачения. Монахи монастыря встретили их с почтением и радушием и предложили им, не скупясь, угощение и вино.

Около десяти часов в названное аббатство прибыли судебные власти, чтобы оказать устроителям мистерии помощь и

¹ Имеется переиздание этого описания XVI века. Bourges, 1836 (на франц. яз.) и немецкий перевод в книге М. Boehn, Das Bühnenkostüm. Berlin, 1921.

ознакомиться с распорядком указанной процессии. Для этой цели забили в барабан, а трубачи и флейтисты заиграли, приглашая тем самым каждого встать на свое место. Тотчас же отправились на определенные места, на большую окруженную стенами площадь с тремя большими воротами. Через первые ворота, расположенные со стороны церкви, вошли все участники, а к другим воротам, ведущим к садам аббатства, окруженным заполненными водой рвами, так, что отсюда никто не мог войти—отправился уполномоченный, и, встав на возвышение, вызвал всех участников по очереди, согласно списка, в котором значились их число, их имена и прозвища. Судебные власти—бург-мистр и старшины, пропустили их затем через третьи ворота на площадь, раскинутую вокруг пруда, так что обозрение всего распорядка не доставляло труда. Лошади и триумфальные колесницы, рай и ад остались на первом большом дворе. Последний выходил на пригород Сэн-Сюльпис, ворота которого были широко раскрыты. Около 11 часов стали выходить из аббатства в следующем порядке: впереди *наместник короля и королевы Наваррских*, на муле, с белым жезлом в руке. Его сопровождали 12 сержантов с белыми жезлами в руках, которые освобождали путь и прокладывали дорогу среди толпы. Народ собрался в названном пригороде в таком огромном количестве, что лишь с величайшим трудом удавалось освободить узкий проход. Шествие открывали пять трубачей, один горнист с четырьмя швейцарскими барабанщиками и два флейтиста. За ними следовали две адские фурии—голые люди, с длинными волосами на многих частях тела, с длинными волосами на голове и бровями ниспадавшими до подбородка; кроме того, они как бы были покрыты язвами, а из их пасти, казалось, извергался огонь.

За ними следовали, горделиво шествуя, четыре маленьких дьявола, одетые в материи диковиной окраски, с трещотками, позолоченными шлемами и крыльями, которые непрерывно двигались.

За ними шли, великолепно выступая, шесть других дьяволов, четверо в диковинно окрашенных одеждах, с блестящими, частью позолоченными, частью посеребренными. Остальные двое были одеты в фиолетово-красный и оранжевый бархат, весь усеянный вышитыми змеями, ящерицами и ехиднами и другими зверями. У всех были большие крылья, ниспадавшие с плеч до ног. Они могли расправлять и опускать их по своему усмотрению. Кроме того, у всех были трещотки и позолоченные и посеребренные шлемы. Они изрыгали огонь из ушей и ноздрей и держали в руках изготовленные в форме змей огненные палицы, которые ежечасно переменялись особо для того приставленными людьми, так, что они непрерывно могли извергать огонь.

Затем следовал огромный дракон, примерно 12-ти футов длины,

непрестанно двигавший головой, глазами и хвостом и высовывавший язык, с которого часто струилась пламя. Между его крыльями, которые могли двигаться, сидел сатана, одетый в красный волосатый, узорчатый бархат, опоясанный длинной змеей, все время, вертевшей головой и хвостом. На других частях его тела видны были малые змеи и драконы, также двигавшиеся. Его крылья были снабжены зеркалами; он часто расправлял их. Его шлем был наполовину срезан и закрывал только голову; он был позолочен и усеян змейками и ящерицами, извергавшими огонь. В руках он держал скипетр, из которого в четырех местах струился огонь. Огонь этот заготовлялся другим дьяволом, нарочно для сего приставленным, на обязанности которого лежало также управление движениями дракона.

Далее шел Велиал, наместник ада, в огненно-ярком бархате, вытканном различного рода зверьем. Вокруг шеи он нес живую черепашку, окованную золотою цепью, стоимостью от 300 до 500 талеров. Головной убор его пышно вздувался. Его крылья из разноцветной отсвечивающей тафты были украшены вышивками, шлем и трещотка были посеребрены. Он извергал огонь через ноздри, держал в руке огненную палицу и выступал горделивее других. За ним следовал Цербер, привратник ада, одетый в красивый красный волосатый наряд, усыпанный маленькими золотыми мордами. Также были украшены и его крылья. На его шлеме красовались три позолоченные головы, часто извергавшие огонь. В руке он держал адские сковороды, рассыпавшие такое множество искр, что казалось, будто их только что вынули из печи. Руки и ноги названных дьяволов были так устроены, что когти их раздвигались и сжимались при ходьбе, как у павлина.

Затем шла Прозерпина; с ее длинных груди все время капала кровь, а иногда и огонь. На ней был посеребренный шлем.

В след за этими дьяволами везли *ад*, длиной в 14 и шириной в 8 футов. Он имел вид скалы, на которой стояла горящая, покрытая пламенем, башня. В ней находился Люцифер, но видны были только его голова и туловище. На нем медвежья шкура, на волосах которой висели блестящие. На шлеме его были две морды, различной окраски. Он непрестанно изрыгал огонь и держал в руках змей и ехидн, двигавшихся и изрыгавших огонь. На четырех углах скалы стояли 4 маленькие башни, в которых виднелись грешники, подвергаемые различного рода мучениям. С передней стороны скалы появлялась огромная змея, извергавшая огонь из пасти, из носа и ушей. Из трещин выползали всевозможные змеи и большие жабы. Ад управлялся и передвигался с помощью находившегося внутри его некоего количества людей, приводивших в движение различные орудия пытки, расположенные в особые для сего предназначенных местах, так, как было приказано.

Позади ада, немного отступя, шел бесноватый в платье из зеленого шелка, усеянном золотыми яблоками, с воротником из желтого переливчатого шелка. На нем была шапочка диковинной формы, усеянная камнями; его вел его отец, держа его на длинной позолоченной цепи. Отец был одет в зеленый шелк, с воротником судейского образца.

За ними следовал слепой и его слуга, в красном и сером шелку. У слепого была лира, на которой он мог играть. Выглядели оба отлично, каждый в своем роде.

Далее несли расслабленного на носилках, которые были окрашены в зеленый цвет, убранные позолоченными картузами и закрыты разноцветной материей. На нем была рубашка оранжевого цвета—из шелка и матерчатый головной убор.

Затем следовали один за другим одержимые всевозможными болезнями, слепые, хромые, бесноватые, горячечные и другие больные, все в тяжелых шелках, одетые гораздо богаче, чем им подобало. Всего числ. м от 18 до 20 человек.

Затем шли, играя, два барабанщика и один флейтист, шествруя перед толпой евреев и евреек, изображавших ариан, саддукеев, фарисеев, героев, сатрапов и носильщиков, всего около 50 человек. Все они были хорошо одеты, на античный образец, в бархат, в шелк, дамасскую ткань и тафту разнообразных цветов. Все были в шляпах, богато украшенных вышивками и камнями. Среди них ехали верхом на лошадях три трибуна, одетые в шелка и дамасскую ткань, с опрокинутыми назад зубчатыми воротниками, причем на каждом зубце висела шелковая кисточка или жемчужина.

Затем следовал наместник Гиерополиса на большом верблюде, отлично сделанном, который вращал головой, раскрывал морду и высывал язык. Военачальник вел его на шелковых возгах, на которых висели богатые золотые кисти. На спине имелось сидение с богатыми подушками. Перед Иродом шли маленькие дети. Некоторые из них несли арфы, лютни, малые скрипки и волынки, на которых они отлично играли, остальные пели. На триумфальной колеснице, обвешанной голубыми и золотыми тканями, усеянными девизами Ирода, находилось сидение в форме цветка. На нем сидели двое детей в куртках из голубой тафты, с голыми руками и ногами, на голове лавровый венок. Перед ними стоял на колеснице небольшой стол со спинетом, на котором они искусно играли одной рукой, держа в другой триумфальный венок, посреди которого висели на шелковых лентах две белые дощечки с надписями, исполненными золотыми буквами.—На одной (было написано): „Достоинство, развешенное на многих—гибнет“; на другой: „Почести надлежит распределять по заслугам, а не по чину“. Эту колесницу вели и двигали четыре стрелка...

Предшествуемый знаменщиком верхом на коне, 28-ю маврами с палицами, вазами, лавровыми и триумфальными венками, затем двумя пышно украшенными конями, выезжал *Нерон* на высоком станке, восьми футов ширины и десяти футов длины, увешанном до земли спадающей золотой парчей, на которой вытканы были, словно живые, большие орлы. На станке стояло сиденье, также покрытое золотой парчей. *Нерон* восседал на нем, одетый в военное платье из синего бархата, вытканного растениями в античном вкусе... Его осанка была горделива, его внешность великолепна, а станок вместе с его особой несли восемь пленных королей, которые находились внутри, так что видны были только восемь коронованных голов с золотыми коронами. За ними следовали трубачи, горнисты, барабанщики и флейтисты.

Затем везли *Рай*, восьми футов ширины и двенадцати футов длины. Он состоял из открытых тронов нарисованных в виде облаков, внутри и снаружи находились ангелочки, херувимы и серафимы и всякие власти небесные, сработанные рельефно, со сложенными кистями рук, в непрестанном движении. Посредине было сидение в форме радуги, на которой были изображены троица, отец и сын и св. дух; за ними два золотых солнца на троне. На четырех углах находились сидения, на которых восседали в богатых одеждах четыре добродетели: справедливость, мир, истина и сострадание, а рядом с божеством находились три маленьких ангела, шествовавшие около рая, распевавшие гимны и песнопения в созвучии с музыкантами, флейтами, арфами, лютнями, скрипками и виолами.

Всем шествием руководили судебные власти, бургомистр и старшины и часть устроителей, все на мулах, с черными чепраками, держа в руках белые жезлы, имея полномочия следить за порядком, установленном в аббатстве. И порядок ничем не нарушался и все прошло так спокойно, что даже представить себе трудно, почти казалось это чудом, принимая в особенности во внимание множество чужого народа, заполнявшего улицы“.

В связи с упомянутым нами выше стремлением церкви включить в свои празднества и процессии остатки языческих празднеств и тем самым удержать население под своим влиянием, нельзя не указать на своеобразные формы, которые приняла церковная процессия в Испании XVI—XVIII веков, соединившись с театральными представлениями недавно появившихся *профессиональных* комедиантов и с танцами и увеселениями народа. Описание очевидцев путешественников, побывавших в стране инквизиции и религиозного фанатизма, отмечают это характерное сочетание языческих и христианских элемен-

тов в пестрой картине городского праздника, на котором выступают вместе с церковниками и придворными, сопровождающими церковную процессию в день праздника „тела христова“—также и диковинные фигуры великанов, мавров и драконов. Поставленная на колеса, движется „Тараска“—огромная женщина-змея из картона, приводимая в движение спрятанными в ней людьми, заставляющими ее проделывать разные шутки над зрителями. Театральные представления и танцы весьма непристойного характера неразрывно скрепились с этим церковным празднеством.

4. Празднество „глупцов“

Но в недрах церкви скрывался и дух протеста против нее, который сурово подавлялся господствующими властелинами церковных княжеств. Этот протест проявляется в увеселениях под новый год, праздновавшихся низшим *духовенством* и известных под именем *празднества ослов* (*asinaria festa*).

В различных местностях оно носит разные названия: очень часто оно именуется *«Празднеством глупцов или шутов»* (*festum stultorum, fatuorum, follorum*) иногда—празднеством субдиаконов, т. е. первого чина низшего духовенства, которое обычно руководило всем представлением, а также празднеством жезла или посоха (*festum baculi*) в связи с характерным для него обрядом.

Это празднество распространилось главным образом во Франции. Первое упоминание о нем относится к концу XII века. В сочинении ректора богословия в Париже (*И. Белетус*) говорится о четырех видах празднеств, справлявшихся в церкви (после Рождества) дьяконами, священниками, мальчиками—прислужниками и субдьяконами, «имеваемыми глупцами» (*quos vocamus stultorum*). Одновременно это празднество засвидетельствовано и для собора Парижской Богоматери (*Notre Dame*). В 1190 г. клирикам этого собора запрещают чинить бесчинства во время названного празднества, петь светские песни, носить маски, употреблять деревянные рамки—переплеты со свечами, отводить руководителя празднества с пением и шествием из дому в церковь и обратно и видоизменять церковные песнопения.

Из дальнейшего описания явствует, что преобладающую роль в день этого празднества играли субдьяконы, к которым обычно существовало пренебрежительное отношение. Они избирали своего представителя и в этот день передавали ему жезл (*baculus*), в знак его руководящей роли на весь последующий год. Эта передача жезла или

посоха являлась, таким образом, центральным местом празднества; она определила одно из его названий, также как и пренебрежительная кличка (*stultorum*) „глупцов“, данная низшим чинам духовенства.

„Бесчинства“, творимые в церкви во время празднеств, не так легко расшифровать, исходя из декретов и указов церковных властей, запрещавших и восстававших против разгула в стенах храма. Декрет папы Иннокентия III (1207) открыто указывает на непристойные жесты и вредную похоть выявляемую субдьяконами перед лицом народа. На широкое распространение и давность традиций этих празднеств указывает огромное число запрещений, издававшихся на протяжении всего средневековья, начиная с конца XII века.

Рукопись, известная под названием *Missel des Fous* (служба, обедня шутов), опубликованная в 1888 г. французским ученым F. Bourguelof знакомит нас с песнопениями и музыкой, специально сочиненными для этого пародийного богослужения. Здесь впервые встречается характерное название: празднество ослов (*asinaria, festa*) а также и известные стихи под названием „Греза осла“:

«*Orientis partibus adventavit Asinus.*

(Из восточных стран пришел осел и т. д.)

Припев на французском языке («Хе, господин осел, что вы так поете, так кривите красивый рот, вы получите достаточно сена и овса для засева») повторяется в каждой из 9 строф.

В первоначальном своем виде действие разворачивалось примерно так: после славословия, пропетого певцом среди церкви, все выходили из храма дабы привести осла, который доживался у главных ворот. Последние были закрыты. Здесь, у ворот, собирались клирики, каждый со своей бутылкой в руке, причем глава каноников запевал хвалу „январю“, т. е. новому году. Двери храма раскрывались и осла вводили в церковь, при чем пели вышеприведенные стихи „*Orientis partibus*“ и т. д. Согласно древнему церемониалу в этот день кадили только при помощи кровяных колбас и сосисок (*cum boudino et saucita*).

Другой источник XIII века рассказывает о процессии, где также фигурирует осел, на котором восседает красивая девушка с ребенком на руках, изображая евангельский рассказ о бегстве в Египет. Процессия двигалась по улицам гор. *Бовэ* от собора к церкви св. Стефана. Осла с восседающей на нем девушкой подводили к алтарю и служили обедню канонического характера, во время которой, однако, священнослужитель, вместо обычных слов (*ite, missa est*), трижды кричал по ослиному и народ отвечал ему таким же криком.

Весьма вероятно, что наиболее яркие и совершенно непристойные с точки зрения церкви и общественной нравственности „деяния“ клириков на этих празднествах не попали в церковные записи и потому остались скрытыми от историков. До нас дошли в большинстве случаев уже редактированные и исправленные, согласно указаниям запретительных декретов, тексты этих своеобразных служб, ощупью намечавших первичные формы антирелигиозных настроений.

Интересно отметить, что учителя церкви восстают в эту эпоху не против самого „празднества ослов“, а только против излишеств и скандальных бесчинств, часто разыгрывавшихся в течении празднества. Когда в XIV веке против празднества ополчается высшее духовенство и короли, то местные причты не особенно стремятся подчиниться запретам. Эти празднества пользовались популярностью не только среди низших клириков, но и среди горожан, которых привлекала необычность зрелища. В 1445 году богословский факультет в Париже обратился ко всем епископам Франции с посланием, в котором он обрушивался на это празднество и доказывал его происхождение от языческих обрядов. Благодаря этому посланию мы узнаем новые подробности „празднества ослов“: „Можно видеть священников и клириков, во время службы носящих маски и чудовищные личины. Они танцуют в хоре, переодетые женщинами, сводниками и министрелями. Они поют непристойные песни. Они едят по углам алтаря черные колбасы, в то время как священник служит обедню. Там же они играют в кости. Они кадят вонючим дымом, исходящим от подошв старых башмаков. Они прыгают, бегают по церкви, нисколько не стыдясь. А затем они разъезжают по городу в грязных повозках и тележках, вызывая смех своих спутников и сотоварищей, проделывая непристойные жесты и произнося постыдные и грязные слова.“

Ученые богословы ополчаются против обычая выбирать „архиепископа глупцов“ и одевать его в митру, снабжать его посохом и носить перед ним кресты, словно перед священником, идущим со св. дарами. Они негодуют, что миряне одевают церковные одежды, что клирики наряжаются шутами и что на празднестве исполняются театральные игрища и показывается игра марионеток.

Когда возвание богословов стало оказывать свое воздействие, и епископы разных городов стали стеснять и запрещать празднество, то духовенство трех церквей в г. Труае постановило устроить игры, в которых под видом аллегорических фигур лицемерия и т. п., были жестоко высмеяны епископ и его сообщники по борьбе с этим празднеством. Пришлось издавать декреты и против таких „игр“, а также запрещать обычай брить бороду старшине празднества, усаженному на особых подмостках среди толпы. Борьба с „празднеством

осла" ¹ продолжается до конца XIV и начала XV в. Национальные и провинциальные соборы встают против него, причисляя его к недозволенным зрелищам и игрищам скomoroxов. Под влиянием такого осуждения это празднество отделяется от церкви, переносится на улицу и площадь и здесь передается от клириков горожанам, принимая новые формы и смешиваясь с чисто светскими праздничными обычаями и театральными фарсами ремесленников и буржуа. Но в пору своего расцвета, в эпоху средневековья, это празднество выявляло в ярких чертах глубокую рознь, существовавшую между высшим и низшим духовенством, рознь, которая позднее, в годы Великой Французской Революции, вылилась в определенные формы политической борьбы.

5. Цеховые празднества в Нидерландах

Особое место среди городских празднеств эпохи торгового капитализма занимает выступление так наз. „риторических камер“ или риториков (*Rederijkers*) в Нидерландах XV—XVI веков. По четкости организации многообразно разветвленной сети драматических и поэтических кружков, „риторики“ выделяются из общей массы городских „поэтических“ обществ позднего средневековья и являют собой интереснейший пример самостоятельности нового класса торговой буржуазии.

„Риторические камеры“ начинают образовываться в конце XIV века, вытекая из различных истоков. Они возникают из церковных братств, шутовских сообществ и из союзов стрелков, собиравшихся ежегодно на состязания для стрельбы из лука, позже из ружей. Первоначально, литературная деятельность этих „камер“ или кружков ограничивалась сочинением и исполнением пьес духовного содержания. Но постепенно поле их деятельности расширилось и захватило всю область „риторики“, т. е. поэзии и ее устного исполнения, и с этих пор члены камер стали называться „риториками“ — *Rederijkers*. Эти общества ремесленников и купцов в Нидерландах взяли на себя попечение о поэзии, также как мастерзингеры в Германии, уделявшие преимущественное внимание музыке. Каждая „Камера“ имела свой герб с символическим значением, снабженный соответственной надписью или девизом (*Devies*), нередко составлявшимися в форме загадки-шарады. В Нидерландах мы встречаем среди наиболее знаменитых и древних „камер“: „Альфу и Омегу“ в Ипре (уже в XIV веке), „Фиалку“ в Антверпене (с 1400 г.). Такие же общества с аналогичным „цвети-

¹ Обширная литература об этом празднестве указана у *E. K. Chambers*. *The Mediaeval Stage*, v. II. Oxford, 1903.

стями" наименованиями имеются в Брюсселе (с 1401 г.), в Генте (с 1448 г.), в Брюгге (с 1528 г.), а также в целом ряде других городов и местечек южных и северных Нидерландов (Гарлем с 1503 г., Амстердам с 1517, Роттердам, Лейден и др.). В течение XV века почти каждый город Южных и большинство городов южной части Северных Нидерландов имел свои „камеры риториков“, позднее, в XVI и в XVII столетиях начавших развиваться также и в деревнях.

Каждая „камера“ возглавлялась особым бюро старшин, в состав которого входили: декан, знаменосец, шут и „фактор“. Последний, исполнял не только обязанности секретаря, но и присяжного стихотворца, перелагавшего все возложенные на него поручения в стихотворную форму. „Фактор“ являлся главным ответственным поэтом камеры; остальные ее сочлены могли ему помогать, добровольно сочиняя пьесы и стихи, но главная их обязанность сводилась к исполнению порученных им ролей при театральных представлениях.

Все камеры различных городов образовывали род художественного союза, учрежденного в целях соревнования в области поэтического и актерского искусства. Вошедшие в союз кружки считались „свободными“, в отличие от „несвободных“ камер, которые могли войти в союз только после „конкурсного“ испытания на одном из празднеств. Попытка централизовать камеры, предпринятая в 1493 году Филиппом Красивым, собиравшимся подчинить все кружки одной „суверенной камере“ гор. Гента, окончилась неудачей. Отдельные сообщества не признавали распоряжений „центра“ и ревностно охраняли свою независимость.

Главным связующим звеном между двумя-тремя сотнями кружков, существовавших в XVI веке, являлись их „поэтические состязания“. Первоначально эти состязания примыкали к празднествам стрелков, повсеместно справляемым гильдиями св. Георгия и Себастьяна. „Риторики“ сопровождали стрелков, направлявшихся на состязание в один из городов и устраивали свои поэтические соревнования, разыгрывая те или иные пьесы. На одной из картин¹ Альслота (Aalsloot) мы видим торжественное шествие стрелков на площади города Брюгге. В стройном порядке идут их отряды, стреляющие из ружей, а впереди каждого отряда везут или ведут огромные маскированные фигуры, являющие собою, вероятно, отголосок древних масляничных игрищ. Окна домов, выходящих на площадь, заполнены зрителями, во множестве собравшимися посмотреть на торжественное шествие. Так и первое поэтическое состязание камер, от 1408 года

¹ Процессия св. Гудулы на площади в Брюсселе.

в Andenaerde, являлось, по существу, празднеством стрелковой гильдии. Но в течение XV века „риторики“ обособляются от стрелковых гильдий и организуют свои празднества самостоятельно. То одна, то другая камера берет на себя инициативу и устраивает празднество. Постепенно выработался обычай, согласно которому, камера, выигравшая первый приз, приглашала другие камеры на празднество, назначая его на следующий год. Городские власти щедро отпускали средства на устройство подобных торжеств.

Приглашение рассылалось в форме стихотворения, в котором указывались условия состязания, тема поэтических произведений и установленные призы. Победители получали обычно серебряные, позднее и жестяные сосуды¹.

Первый приз выдавался за лучшее драматическое произведение, сочиненное на заданную тему. Но и за лучшее исполнение его на сцене присуждались такие же награды. Далее шли призы за стихотворения, за песни и за мелкие поэтические импровизации. Весьма характерно, что с течением времени награды стали выдаваться за оформление целого ряда иных моментов празднества. Так, например, назначались призы за наиболее пышный „вход“ в город (in open) богато костюмированных сочленов камеры, за лучшую иллюминацию гостиницы, в которой останавливались „риторики“ на время трех-четырех-дневного празднества, за самый красивый рисунок на знамени, за наиболее удачную реплику шута и т. п. Соревнования по поводу наиболее пышного „входа“ и блестящих иллюминаций превратили эти празднества в дорого стоящее удовольствие: „Но страна была богата и городские власти охотно и щедро отпускали необходимые средства“². Участие художников в состязаниях обеспечивало нарядность и привлекательность внешнего оформления празднества. Как видно из архивных документов, опубликованных van der Straeten³, участники состязаний нередко получали награды в виде нескольких бочек вина, при чем акты всегда указывают сорт вина (бургундское, из Пуату и т. п.), его цену, место разлива и место, где оно было сообщено. При этом заключении празднества нередко разыгрывался под вечер теми же членами камеры веселый фарс на простом деревянном помосте, сооруженном на площади, вблизи той

¹ Отсюда, от назначенной в качестве приза, драгоценности (juweel) ведет свое происхождение наименование общегородского состязания — Landjuweel; если приглашались только отдельные камеры на состязание в одном из сел, то празднество называлось Hagespel.

² См. Te Winkel, Grundriss der Germ. Philologie, II B. I. Abt, стр. 481, где указана литература по данному вопросу.

³ Van der Straeten. Le théâtre villageois en Flandre. Bruxelles 1881 г., 2 т.

гостиницы, где праздновали свое торжество победители в этих своеобразных театральных состязаниях. К наиболее знаменитым из общегородских празднеств относится состязание в 1539 году в Генте (в котором принимали участие 19 камер) и Landjuweel 1561 года в Антверпене, богатство и разнообразие которого давно уже обратили на себя внимание историков¹. Насколько были распространены эти состязания видно из того, что за период от 1500 до 1565 года сохранились сведения о 63-х празднествах.

Драматические празднества и состязания риторических камер интересны не только, как замечательный образец самодеятельной художественной работы торговой буржуазии, в эпоху, когда она завоевывала свои права от феодальной аристократии и духовенства, но и как пример тесной связи искусства и жизни, организованной в четкие формы кружковой деятельности. Нет сомнения, что эти камеры или кружки во многом содействовали развитию духа солидарности и классового сознания, который проявился в форме активной политической борьбы в годы первой буржуазной революции, вспыхнувшей в Нидерландах в 1557 году и приведшей к победе буржуазии над остатками феодализма. Историки литературы, рассматривавшие деятельность риторических камер преимущественно с эстетической точки зрения, обычно подчеркивают малую художественную ценность их творений, связанных узким кругом поэтических формул и правил. Но если двухвековая работа камер и не привела к расцвету драматической поэзии, которая могла бы по своей художественной законченности равняться с произведениями Шекспира или Мольера, возникшими в окружении меценатствующей придворной аристократии, то она подготовила живое участие широких слоев населения в разрешении моральных, богословских и политических вопросов, сыграв весьма определенную роль в деле осознания молодой буржуазией своих классовых интересов и противопоставления их старому порядку. Агитационный характер пьес, разыгрывавшихся на празднествах, вызвал в годы нидерландской революции введение предварительной цензуры (1559 г.). Но эта мера запоздала, так как десятилетия, предшествовавшие ей, уже приучили население к критической оценке происходящих вокруг событий, освещавшихся в театральных представлениях „риториков“, в особенности в излюбленных ими фарсах, с точки зрения революционно-настроенного класса, который и выступил вскоре на активную защиту своих интересов в Нидерландской революции 1557 года, с оружием в руках борясь с испанским владычеством и охраняемыми им остатками феодализма.

¹ См. Edw. van Even. Het Landjuweel te Antwerpen in 1561. Leuven. 1861.

6. Празднества ремесленных цехов в Нюрнберге

Такой строгой и прочной организации праздничной жизни, какая существовала у „риторических камер“ в Нидерландах, германские ремесленные цехи не знали, хотя во многом *нюрнбергские мастер-зингеры* напоминают своих фландрских сотоварищей. И здесь, в Нюрнберге XVI века, мы находим театральные представления любителей-ремесленников, также участвовавших сперва в мистерияльных постановках религиозного характера, а затем выработавших свой светский театр, дошедший до нас во многих образцах, в том числе и в произведениях башмачника-поэта Ганса Закса, сочинявшего для своих сограждан-актеров трагикомедии и масляничные игры (Fastnachtspiele). В кругу нюрнбергских ремесленных цехов мы встречаем и ряд празднеств массового характера, из которых наиболее известно так наз. Schönbartlaufen. Возникновение этого празднества относится к концу XIV века и в течение полутора веков оно является достоянием цеха мясников, получивших привилегию „наряжаться и устраивать шутки в масках“ на маслянице. До нас дошло около 30 рукописей, снабженных рисунками в красках, изображающими различные моменты этого масляничного увеселения, что свидетельствует о популярности данного празднества¹, во время которого представлялся случай одеть на лицо маску, что было запрещено в Германии XV века. Первоначально «Schönbartlaufen» означает шествие мясников по городу, а затем и все празднество, примкнувшее к этому дню. Оно возникает из жизни цехов и из обрядов и игр на маслянице, когда ряженые собирали по домам продукты (рыбу и раков), при чем впереди шли замаскированные рабочие, расчищавшие дорогу шествию, размахивая ветками с зеленой листвой. Эта ветка с листвой превращается затем в небольшой зеленый куст, снабженный особым приспособлением для фейерверка—его то мы и видим в руках различных костюмированных персонажей, изображенных в живописных позах на страницах рукописей, повествующих об этом празднестве. В середине XV века сыновья патрициев покупают у мясников право на маскированное шествие, что влечет за собой усиление внешнего богатства всего празднества и в особенности костюмов его участников. Одежды из полотна сменяются костюмами из шерсти и атласа, меняется также и покрой платья и головной убор, превращающийся теперь в шляпу

¹ Пользуюсь переизданием рукописи, имеющимся в библиотеке б. Протопопова, ныне Музея Актёров в Ленинграде: Das Nürnberger Schönbartbuch. Nach der Hamburger Handschrift hrg. von Karl Drescher. Weimar 1908.

с многими перьями, вместо прежней простой войлочной шапки. Возрастает и число участников шествия, достигая иногда 150 человек (1539 г.).

Рисунки рукописи отражают наглядно различные моменты праздника, длившегося иногда три дня подряд. Здесь и танцы, и музыка, и выпивка у трактира, здесь же и многообразные колесницы, которые участвуют в шествии, помогая оформлению различных группировок. Среди колесниц имеются: сад с деревьями, с которых прыгают люди; ветряная мельница, окруженная лошадьми, подвозящими муку; колодезь с ведром, черпающим воду; домик ремесленника с прилавком, на котором расположены различные инструменты соответствующего ремесла и т. п. Здесь же мы встречаем колесницы на фантастические темы, то в форме дракона, то в форме большого куста с людоедом. Центральная колесница изображает „ад“ в форме башни, на которой размещены ряженные в диковинных дьявольских масках. Этот „ад“ является остатком средневековых мистерий, где он служил центром комических выступлений фарсового характера, нередко выполнявшихся профессиональными акробатами и скоморохами. В 1539 году, на одной из колесниц изображавших „ад“, была поставлена фигура воинственного защитника реформированной церкви, Андрея Осияндера, который и высмеивался во время шествия. Последний подал жалобу в городской совет, вслед за чем последовало запрещение шествия и уничтожение праздника. Вероятно, что дерзкое поведение ряженных и их частые столкновения с почтенными гражданами, в частности с итальянскими купцами, явились главной причиной запрета, который оправдывает и Ганс Закс в одном из своих стихотворений, находя что в этом празднестве повсюду обнаруживаются революционные и беспокойные тенденции.

Интересно отметить, что среди многочисленных увеселений этого праздника, мы находим различные танцы, исполнявшиеся по традиции отдельными цехами. Так, например, мясники танцуют так наз. Zämer-tanz, во время которого участники держатся за ремни, по форме своей напоминающие колбасу. Ножевщики танцуют с обнаженными мечами, образуя из мечей различные, искусно сплетенные фигуры, при чем на сложенных таким образом мечах танцуют один или два танцора. Бочары пляшут, держа в руках обручи, и группы их живописно переплетаются во время танца. Оружейники, изготавливающие панцыри, выступают в полном военном вооружении, и, подражая рыцарским турнирам, сражаются на копьях. Но главный источник веселья—импровизованные шутки ряженных на колесницах и масок, сопровождающих их (на игрушечных, из материи сделанных лошадях)—остаются скрытыми от взора историка.

7. Рыцарские игры и празднества придворно-аристократического общества

Начиная с эпохи феодализма, когда крупные землевладельцы, сеньеры, взяли на себя покровительство мелким земельным собственникам-вассалам и обязали их военной службой, начинают складываться различные игры и празднества военного характера, вскоре принимающие форму организованных турниров. После развития городов, эти празднества не исчезают. Напротив, они развиваются и становятся одним из пышных зрелищ, при помощи которого дворянство охотно агитирует в свою пользу среди городского населения. Турниры театрализируются и, оставаясь в среде дворянства, вызывают подражания среди других слоев населения города—ремесленников и буржуа. Таким образом в город вливается еще один вид зрелищ, формы которого определяются преимущественно традициями рыцарского, дворянского класса. вступающего тем самым как бы в борьбу с празднествами церковными и цеховыми, оспаривая у них влияние над городом. Так как имущая часть города обычно соединялась с высшими сословиями на почве отстаивания общих интересов, то эти дворянские празднества находят в нем сочувственную среду, являясь в то же время средством выявления самодеятельности придворно-аристократического общества.

Последнее выработало в своей среде многообразные празднества, которые, оставаясь в пределах дворца или замка и отмечая все семейные и политические события, связанные с той или иной знатной семьей или династией, дали повод к развитию праздничной музыки, пения, танцев в так называемых интермедиях и междуявствиях, впоследствии эволюционирующих через пасторали к оперно-балетному театру. Эта интернациональная подготовка оперно-балетного театра внутри дворца не входит в кругозор нашей статьи. Но о ней необходимо вспомнить, говоря о дворянских празднествах, вынесенных на улицу и приобретающих массовый характер, ибо они также способствуют эволюции празднеств по направлению к оперно-балетному театру придворно аристократического общества XVII и XVIII вв.

Возникшие еще в средневековье воинские упражнения дифференцируются на определенные виды и приобретают национальные особенности, распространяясь по всей Западной Европе. Намечаются три основных типа рыцарских празднеств: 1) турнир в собственном смысле слова—являющийся собою сражение между двумя партиями, 2) джостра (фр. joute, нем. Tjost)—ряд поединков один на один, 3) „багордо“ (фр. bohourd, нем. Buhurt)—маневрирование с оружием в руках.

В Италии в XIII и XIV веках распространен наиболее второй тип — „джостра“, которым празднуется всякое общественное событие. Первоначально это — военное упражнение, в котором рыцарь учится управлять конем и владеть копьем. Но в XIV веке джостра, развиваясь, приобретает характер спортивного состязания и вокруг нее начинается создаваться спортивная обстановка. Удары копьем классифицируются и нормируются, специальные судья и нотариусы, сидящие на трибунах, оценивают и записывают удары, победитель получает особый приз. На площадь города съезжается большое количество приглашенных рыцарей и состязание длится иногда несколько дней, развертываясь в оживленное празднество. По сторонам поля устраиваются трибуны с ложами для судей, для дам и для знатных зрителей, намечая ярусы и ложи будущего рангового театра. Площадь переполняется народом и Петрарка, рассказывая о венецианской джостре 1364 г., устроенной по случаю взятия острова Крита, говорит: „Внизу нет свободного местечка, так что, как говорится, и зерну негде упасть: огромная площадь, самый храм (св. Марка), башни, крыши, портики, окна, не только полны, но переполнены и набиты: невероятное множество народа скрывает лицо земли, и радостное, многочисленное население города, разлившись вокруг по улицам, еще увеличивает веселье“¹. Трубят трубы при выезде на разукрашенных конях рыцарей, одетых в блестящие ткани и доспехи. Вызов на бой театрализуется, и сам поединок или сражение двух групп приобретает драматический характер.

Турнир — сражение двумя отрядами, — развивается во Франции, откуда и передается в другие страны. Здесь две партии рыцарей сражаются мечами и палицами и бьются год конец в общей свалке. Въезд участников, иногда до 400 человек, происходит по партиям во главе с предводителем отряда. После стычек один на один и атак в сомкнутом или рассыпном строю начинается общее сражение более опасное и бурное, чем джостра.

Багордо — третий вид военных празднеств, — совсем устраняет опасность для участников его и облекается в изящную форму „оружейной игры“ с многообразными кавалерийскими эволюциями, в которых рыцари показывают свое умение владеть оружием и конем, или же особую ловкость при преломлении копья о специальное чу-

¹ Интересный очерк посвященный этим трем видам рыцарских военных празднеств в Италии XIII—XIV вв. читатель найдет в содержательной статье *М. Гуконского* „Турниры в Италии на исходе средних веков“ в сборнике „Средневековый быт“ изд. Время 1925 г. Из иностранных монографий укажем на книгу *R. Coltman Clephan*, *The Tournament, its periods and phases* London. Methuen & Co

чело воина („квинтана“) или в кольце, подвешенном на пути (corso all'anello, courses des bagues).

Турниры в их различных видоизменениях устраивались чаще всего по случаю свадьбы, рождения, заключения мира и в связи с иными событиями; близко затрагивавшими интересы феодалов. Государь или сеньер, собиравшийся устроить турнир, оповещал о нем города и замки через посредство глашатаев. На турниры стекались знатные рыцари, которые вывешивали из окна дома, в котором они останавливались, свое знамя и посылали свои шлемы и щиты судьям турнира, которые выставляли их на видном месте. Эти щиты и шлемы обозревались дамами, которые имели право отвода того или иного рыцаря. Затем рыцари давали клятву соблюдать все законы турнира и только после соблюдения этих формальностей допускался их въезд на площадь состязания. Характерно, что во Франции этот въезд рыцарей очень рано облекается в явно театральную форму¹.

К концу XVI века театральный характер турниров сказывается особенно ярко. Для примера можно взять празднество, устроенное во Флоренции в 1579 году по случаю свадьбы Франческо Медичи герцога Тосканского с знаменитой венецианкой Бианка Капелло. Благодаря описанию одного из придворных художников, Гуальтеротти, принимавшего деятельное участие в декоративном оформлении праздника, мы имеем подробные сведения о всех его деталях. Празднество раскидывается на дворе дворца Питти в окружении садов Боболи. Оно происходит ночью, и 1.800 различных источников света создают феерическое освещение дворца, сада, особо выстроенных гротов и декораций с перспективными полотнами. 16 гравюр, приложенных к описанию, дают наглядное представление о колесницах, на которых въезжают рыцари, костюмированные в связи с тем или иным замыслом декоративного убранства колесницы. Мы встречаем здесь театрализацию выхода рыцарей, облеченную в пышную форму барокко. Под артиллерийские выстрелы раскрывается грот, открывая вид на Венецию и бурное море (перспективная декорация). Выезжают колесницы в форме персидского трона, в форме огромного дракона о 5 головах с разверзающимися крыльями. Далее следуют колесница „Ночи“, заполненная аллегорическими фигурами (эфир, небо, сон, ночные птицы, тени и животные), при чем „Ночь“ изображает известный певец Сассини, который поет под музыку П. Строцци слова мадригала Палле Ручеллаи в сопровождении звуков виолы. Затем въезжают

¹ Разбор турниров, как формы зрелища, подготавливающей появление оперно-балетных постановок при дворах французских королей, дан в первой главе книги Н. Prunières. *Le ballet de cour en France* P. 1914.

колесницы—Венеры, влекомой лебедями; Азии и Африки—в форме серебряной раковины; колесница в форме горы, которая разверзается, открывая вид на рошу с дикими зверьми. Выезжают „Дельфин“ с раскрывающейся пастью, „Марс“ на колеснице в форме огромного скорпиона, при чем в момент, когда Марс читает свои приветственные стихи, на копье его загорается звезда. После диковинного шествия свиты богини Фетиды в сопровождении вереницы фигур, олицетворяющих Адриатическое море, выезжает последняя колесница в форме венецианской галеры с различными персонажами и полным военным снаряжением корабля.

С каждой из колесниц сходит один из рыцарей, участников состязания. Но само состязание (поединки у барьера) уже отступают на задний план, предоставляя первое место пышной театральности костюмов, колесниц, декораций, иллюминаций и эффектных группировок отдельных моментов парадного шествия. Введение вокальной и инструментальной музыки, хоровое и сольное пение уже готовят, вместе с многообразными декорационными эффектами на мифологические или фантастические сюжеты — оперно-балетные постановки и оперный театр, который через два-три десятилетия спустя (вскоре после 1600 г.) утвердит на сценических подмостках те же элементы аристократического празднества, придав им более стройную драматическую композицию. Связь между оперно-балетным театром XVII века и характеризованными нами празднествами гораздо более тесная, чем то обычно предполагают историки музыки, мало затрагивающие бытовое окружение изучаемого ими искусства¹.

Столь же пышной театральностью отличаются и кавалерийские состязания, которые мы находим в той же Флоренции, а также во всех центрах придворно-аристократической жизни первой половины XVII века. Но если описанное нами выше празднество в Палаццо Питти 1579 года является примером самодетельного театра аристократического общества, в котором и зритель и исполнители являются членами одного и того же замкнутого придворного круга, то кавалерийские празднества, так наз. *feste a cavallo*, развертываются не на закрытом дворе или в саду дворца, а выносятся на площадь города и тем самым становятся доступными, как зрелище, всему городскому населению, агитировать которое в пользу того или иного князя они и предназначены. Укажем для примера на кавалерийское празднество во Флоренции 1616 г., устроенное по случаю прибытия князя Урбин-

¹ О соотношении празднеств и оперно-балетного театра см. статьи А. Гвоздева в „Очерках по истории Европейского театра“ (*Academia*, 1923 г.) и в сборнике „О театре“ временнике Отдела Истории и Теории театра ГИИИ (*Academia* 1926).

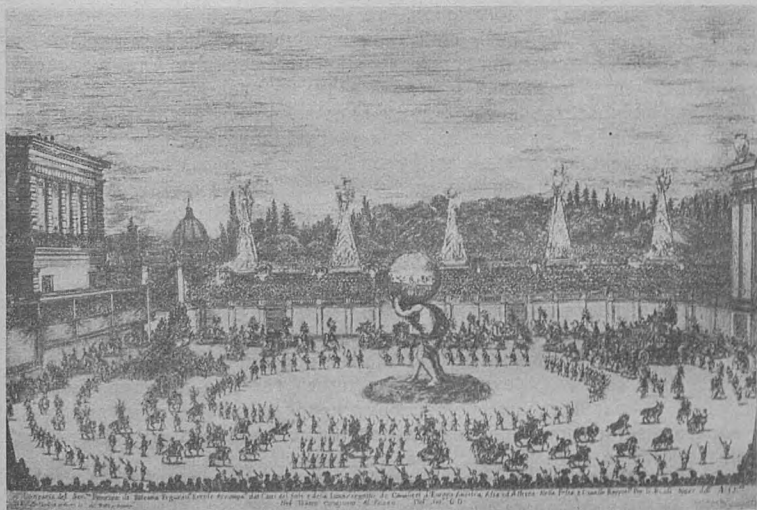
ского (principe d'Urbino), и запечатленное на 5 гравюрах Калло (Guerra di Bellezza). Военный парад, в котором принимают участие конница и пехота, облекается в драматическую форму, снабжается прологом и эпилогом и выполняется так, как фиктивная битва двух экзотических королей (Лидии и Армении), сражающихся за красоту возлюбленных ими принцесс. Эскадроны конницы и отряды пехоты появляются на арене в богатых костюмах различных цветов для каждого отряда, а въезд их предводителей совершается на богатейших колесницах, окруженных толпами маскированных персонажей. После парадного шествия и сражения, проведенного по заранее намеченному декоративному рисунку, начинается *конный балет* (il Balletto a Cavallo). Такое же празднество, также гравированное Калло, было устроено в 1615 г. на той же площади Санта Кроче во Флоренции, при чем одна из гравюр Калло в точности передает 15 фигур, которые образовывали во время сражения конница и пехота, при чем три последних чертежа намечают эволюции „Конного балета“, когда всадники заставляют гарцовать своих коней под звуки инструментов и пение хора. В заключение празднества все участники проезжают вместе с колесницами по улицам Флоренции, распевая песни и ослепляя толпу, собравшуюся ночью, блеском сотен факелов и пышностью маскарадных костюмов. Характерно, что главными устроителями такого военного празднества являются придворный балетмейстер (A. Ricci), художник Джулио Париджи и музыкант Джакомо Пери—все трое работники оперного театра, который через несколько лет оформляется во Флоренции¹.

С этими празднествами следует сопоставить „Карусели“, получившие широкое распространение во Франции XVII века в эпоху расцвета абсолютизма. Особенно прославилась своей сказочной роскошью „карусель“ 1662, на парижской площади (между Лувром и Тюильри), получившей свое название от этого празднества. На площади были выстроены громадные трибуны для многих тысяч зрителей, в течение двух дней созерцавших многообразные рыцарские игры, в которых участниками выступали Людовик XIV, его родственники и ближайшие придворные. Отдельные отряды были костюмированы под „римлян“, „персов“, „турок“, „индейцев“ и „дикарей“.

Во французских „каруселях“, также как в итальянских „багордо“, чисто декоративная сторона зрелища разработана особенно богато. Помимо преломления копий в различных сочетаниях, здесь играют главную роль живописные группировки коней и всадников, в быстром

¹ Описание этих празднеств с приложением гравюр Калло, можно найти в брошюрах, хранящихся в Публ. Библиотеке (Guerra d'amore и Guerra di Bellezza) изд. 1615 и 1616 г.г. во Флоренции.

беge образующие заранее намеченные хореграфические фигуры. Пышность и блеск, окружавшие эти дворянские празднества при Людовике XIV, быстро поблекли, и карусели исчезли вместе с разложением французской монархии в следующем столетии. Остатки их доживают

еще некоторое время свой век в официозных празднествах при различных дворах, в том числе и в России 19 века, все более обезличиваясь в кругу дворян офицеров кавалерийских полков.

§8. Королевские въезды

Среди городских празднеств, к соучастию в которых привлекался весь город, особое место занимают *въезды* королевских особ, принцев, послов и других знатных лиц, прибытие коих в город давало повод к разверстке пышных шествий и великолепных церемоний, имевших целью внушить народу особое уважение и высокое представление о мощи и величии королевской власти. Учитывая эту агитационную цель, нетрудно понять, что на подобные зрелища не жалели затрат и что в ход пускались всевозможные средства, дабы ослепить народ внешним великолепием и окружить королевскую власть ореолом празд-

ничного величия. Начиная с эпохи средних веков и кончая царствованием Людовика XVI, т. е. вплоть до падения монархии в Великой Французской Революции, подобные въезды являлись во всех странах средоточием всевозможных увеселений и празднеств. Если до 15 века приходится черпать сведения о въездах из сравнительно скудных и сжатых описаний хроникеров, то начиная с 16 века появляются специальные издания, посвященные подробному описанию распорядка самого въезда, прохождения торжественной процессии по улицам города, украшений улиц, площадей и домов, а также различных увеселений, театральных представлений, живых картин, фейерверков и иных зрелищ и увеселений, располагавшихся по пути шествия или же устраивавшихся в день въезда в различных частях города. Материал этот, поражающий своим изобилием и богатством подробностей, до сих пор еще не изучен и заключенные в нем характерные бытовые детали еще ждут своего исследователя¹.

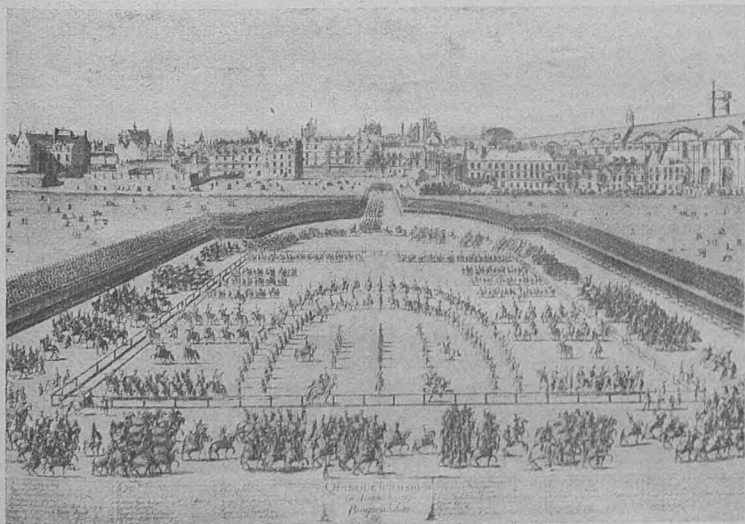
Согласно старинной традиции, французские короли совершали свой „въезд“ в Париж через ворота Сен-Дени, въезжая в город после коронования, после свадьбы или после победоносной войны. Для встречи их собирались епископ и духовенство города, университетская коллегия, парламент, религиозные братства и ремесленные цехи, старшины купеческих гильдий, судьи и старшины города—все в роскошных одеждах. Собравшиеся шли навстречу королю, доходили до пригорода и образовывали затем шествие, распорядок которого был закреплен и разработан в мельчайших деталях. Король въезжал в город под огромным балдахином из голубой ткани, усеянной золотыми лилиями, и шествие направлялось к собору (Notre Dame), сопровождаемое звоном колоколов и церковными песнопениями. По пути его следования улицы были украшены цветочными гирляндами, а дома—роскошными коврами. Вечером начиналось угощение народа, танцы и различные увеселения, обычно заканчивавшиеся блестящим фейерверком.

Каждая страна вырабатывала свои особенности при проведении таких „въездов“. Богатой Фландрии принадлежит в XV и XVI веках первое место по роскоши и изобретательности, проявляемых при устройстве торжеств. Позднее ее первенство начинает оспаривать Италия, вводящая ряд новых приемов в подражание триумфальным

¹ Перечень главнейших описаний въездов можно найти в каталоге Vinet, *Bibliographie raisonnée* etc. и в каталоге костюмной библиотеки Липперхейде, ныне включенной в состав библиотеки по истории искусств в Берлине. (*Katalog der Freih. Lipperheidischen Kostümbibliothek Berlin*). Описание ряда въездов имеется у Bapst, *Essay sur l'histoire du théâtre* 1893 и в труде Макса Германа (*Forschungen zur deutschen Theatergeschichte des Mittelalters u. d. der Renaissance Berlin 1914*) обстоятельно исследовавшего въезд испанской принцессы в Брюссель в 1496 г.

въездам римских императоров. Участие первоклассных художников в украшении улиц и в изобретении диковинных зрелищ придает этим „въездам“ особый интерес в глазах историка искусств.

Во Фландрии „въезды“ нередко служили поводом к выступлению литературно-драматических обществ, так наз. „риторических камер“, о которых мы говорили выше. В 1508 году при въезде Максимилиана I в Гент на определенных пунктах шествия выстраиваются сценические подмостки, на которых устанавливаются „живые картины“,

изображающие ту или иную сцену на библейский или исторический сюжет. Латинские надписи на подмостках или же на свитках, которые держали в руках исполнители, разъясняли аллегорический смысл картины, обычно содержавшей тот или иной намек на события из жизни королевских особ и тем самым являвшейся как бы пластическим комплиментом по их адресу. Таковые сцены для живых картин выстраивались иногда в два или три этажа, в зависимости от изображаемого сюжета, и весьма походили на те большие картины, которыми те же фламандские художники украшали церкви XV—XVI вв. Иногда „живые картины“ заменялись нарисованными фигурами, также

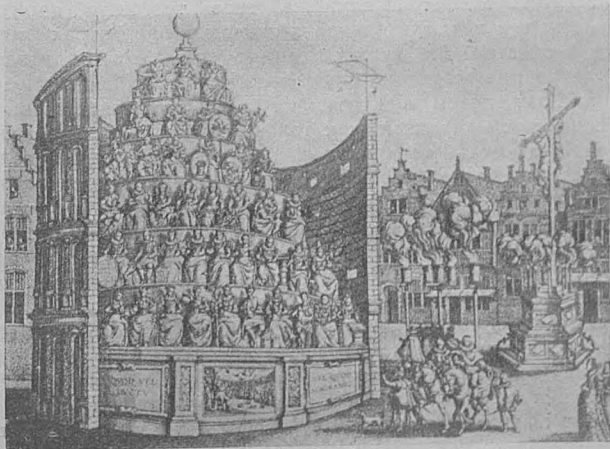
размещавшимися по различным этажам двух и трехъярусных триумфальных арок с богатыми архитектурными украшениями. Изобилие триумфальных арок со вставными картинами особенно характерно для въездов 17 века. Среди художников, принимавших участие в украшении города и в изобретении таких картин и триумфальных арок, мы встречаем имена Гуго ван дер-Гуса и Рубенса.

Особо пышные зрелища являли собой костюмы участников шествия. Существовал обычай обновлять для таких празднеств весь гардероб городских властей и придворных служителей. Бархат и шелк различных цветов, украшенные драгоценными камнями, кружевами, вышивками и галунами, чередовались с роскошными панцырями, шлемами и оружием военных чинов, а также с богатым убранством коней и колесниц.

Иллюминация города входила как неотъемлемая часть в распорядок „въезда“. Факелы в руках участников шествия, факелы прикрепленные к столбам, расставленным вдоль улиц, лампы и фонари с разрисованной бумагой, бочки с горячей смолой, выстроенные в различных сочетаниях на площадях—все это усиляло праздничный вид города. При въезде 1508 года в Гент, хроникер насчитывает 1872 факела, освещавших улицы, переполненные народом. Заключительный фейерверк завершал празднество, и на старинных гравюрах нередко можно встретить фигуры, занятые зажиганием ракет.

К „въездам“ часто приурочивались различные турниры и рыцарские игры, балы и банкеты. При въезде Маргариты Пармской в Брюссель в 1565 году рыцари выходят на ристалище, одетые в звериные шкуры, а наглухо закрытый остроконечный шлем придает им вид диковинных птиц. К „въезду“ нередко приурочивается празднество на воде и состязания на лодках, как например при въезде Марии Медичи в Амстердам в 1638 году, или же бои на верблюдах и травля медведей (1595, Антверпен). Зрелища, устраиваемые на пути шествия, варьируются самым разнообразным образом. В виде живых картин показывается то дикий лес с дикарями и дикарками (въезд Карла V в Брюгге 1515 г.) или же устраивается особая вращающаяся сцена на открытом воздухе (*theatrum versatilis*), которая сперва показывает в аллегорических фигурах ужасы войны и разорения Бельгии, а затем, после поворота всей сцены (40 футов ширины и 60 футов высоты)—аллегию мира и победы, олицетворяющую успокоение страны (въезд Альберта и Изабеллы в Антверпен в 1602 г.). В другой раз, при въезде Генриха II в Руан в 1550 г., по дороге устраивается большой искусственный лес, со всевозможными растениями и деревьями, долженствующий изображать селение бразильских дикарей; здесь можно было

видеть попугаев, летающих среди листвы тропических деревьев, 300 голых людей, украшенных наподобие американских дикарей, при чем среди них находились 50 настоящих дикарей, недавно вывезенных руанцами из Америки. При этом была разыграна целая сцена, изображавшая как европейские моряки проводят меновую торговлю среди туземного населения Америки. После этого следовало сражение между двумя племенами дикарей, и сожжение селения побежденных. Исполнителями явились вышеуказанные 50 дикарей и французские моряки, побывавшие в Америке. Эти сцены наглядно отражают откровенный

грабёж вновь открытых земель Америки и эксплуатацию туземного населения колоний, куда устремлялись интересы купцов в эпоху первоначального накопления торгового капитала.

Среди процессии „въезда“ неизменно встречаются богато убранные или диковинно задуманные колесницы, принимающие то форму гигантского слона с башней на спине, то дельфина, то корабля с парусами и моряками. На этих колесницах также разыгрываются иногда аллегорические сцены или же колесница служит для введения хитроумных пиротехнических эффектов.

К празднеству примыкают нередко спортивные и акробатические упражнения. Так мы встречаем при въездах канатоходца, с факелами спускающегося с высокой церкви или же лиц, одетых на подобие рыб,

которые прыгают в воду с высоты 27 футов, совершая при прыжке различные обороты всего тела (Руан 1550). Танцы и угощение у фонтанов, из которых бьет вино, дополняют общую картину „взездов“, столь характерную для эпохи борьбы королевской власти за влияние на города и на торговую буржуазию в период роста торгового капитала.

9. Празднества в Италии на заре торгового капитализма

Самобытную почву, на которой вырастает театр нового времени, образуют *празднества* Италии на заре торгового капитализма, инсценируемые с исключительной пышностью при дворах церковных и светских властей. Все художественные силы страны вовлекаются в оформление многообразных форм праздничной жизни. Музыканты, певцы, танцоры, поэты и художники всех родов искусств находят применение своим талантам, как только герцог, дож, пала или кардинал решают отметить то или иное событие устройством великолепного пиршества, въезда, шествия, процессии или иного театрального зрелища. Развитая художественная жизнь страны, богатство светских властелинов, князей церкви и магнатов-купцов, избыток творческой энергии мастеров архитектуры, скульптуры, декоративной живописи и прикладных искусств — позволяют придать внешнему оформлению этих празднеств столь богатый и искусный вид, что Италия уже в XVI веке занимает по изобретательности, красоте и мастерству технического оборудования празднеств *первое место* среди других европейских государств и вскоре берет на себя руководящую роль в оформлении праздничного быта монархической Европы, обучая иностранных художников искусству творить празднество и высылая своих мастеров во все уголки придворно-аристократической культуры дворянства. В самой Италии создается особая профессия устроителей празднеств — „festainoli“, — которые разъезжают от двора к двору, распространяя по всей стране новейшие изобретения в области праздничных увеселений. В роли таких режиссеров-постановщиков выступали лучшие художники, в том числе и универсальный Леонардо да Винчи.

На этих празднествах вырабатывается техника, внутренняя структура и эстетика будущего постоянного театра. Здесь же слагается состав его посетителей и определяется его установка на зрителя. Здесь же протекает процесс перехода от изобразительных средств и целей средневекового театра к технике и заданиям театра нового времени.

Ряд празднеств разворачивается под открытым небом, на улицах, на площадях, раскидываясь в шествиях и процессиях по всему городу. Некоторые из них продолжают традиции церковных процессий,

усложняя их опытом мистериальных постановок, в которых шествие костюмированных актеров по улицам города являлось наиболее пышной частью массового зрелища. Так грандиозная процессия „Тела господня“, устроенная папой Пием II в 1462 году в Ватербо, движется к собору по улицам, затянутым теньвыми зонтами и украшенным висящими на стенах зданий коврами, венками и другими декоративными вещами. По пути шествия расставляются небольшие сценические подмостки, на которых разыгрываются сцены исторического и аллегорического характера, при чем кардиналы берут на себя оборудование декоративного украшения отдельных кварталов города и инсценировок на отдельных подмостках. На площади перед собором демонстрируется полет: „дева Мария“, поддерживаемая „ангелами“, возносится в „рай“, исполняя хвалебную песнь. В том же году, тот же папа устраивает процессию, в которой принимают участие, наряду с „ангелами“ — музыкантами, также и силачи-акробаты, потешающие публику многообразными гимнастическими упражнениями. Приемы церковных мистериальных постановок начинают затем служить чисто светским целям при инсценировках *въездов* королевских особ. Эти въезды составляют широкую ветвь празднеств Италии.

Когда герцог Борсо прибывает в 1453 году в Реджо его встречают у городских ворот инсценировкой, которая затем разворачивается в торжественное шествие по городу. Патрон города, св. Просперо, парит в воздухе при помощи особой машины, над ним висит балдахин, поддерживаемый „ангелами“, а под ним вращается диск с 8-ю ангелами-музыкантами, которые испрашивают у святого патрона городские ключи и скипетр и передают их затем с приветствиями и хвалебными речами герцогу. Когда шествие с многообразными аллегорическими колесницами достигает площади перед церковью св. Петра, то с фасада храма слетает св. Петр с двумя „ангелами“ и надевает на голову герцога лавровый венок, после чего он снова взлетает наверх. А на площади перед собором „ангелы“ слетают с соседнего здания и передают восседающему на золотом троне герцогу символы мира — пальмовые ветви. Веревки, по которым движутся летающие фигуры, искусно драпируются гирляндами.

Но на смену таким шествиям, разрабатывавшимся по средневековой традиции, в XVI веке появляются чисто светские массовые процессии, задуманные как подражание триумфальным шествиям римских императоров. В 1443 году при торжественном въезде Альфонса в Неаполь флорентийцы показывают гражданам Неаполя великолепный „триумф“ (trionfo) — процессию, в которой двигаются всадники в костюмах различных народностей. На огромной триумфальной колеснице помещается вращающийся шар, на котором восседает „Юлий Цезарь“,

в стихах разъясняющий аллегорический смысл многочисленных образов и фигур шествия. Такие „триумфы“ в античном, римском стиле особенно охотно устраивались в Риме, вызывая в памяти прежнее величие древнего города. Здесь можно было видеть шествие римского сената, плененных королей, захваченных в плен турок, колесницы с маскированными певцами и т. п. В 1500 году, Цезарь Борджиа инсценирует „триумф“ Юлия Цезаря на одиннадцати пышных колесницах, нисколько не скрывая намерения возвеличить свою собственную персону реставрацией античных образов.

В особенности прославлены в истории празднеств колесницы, развезжавшие во время карнавала во Флоренции, где толпы ряженных, сопровождавшие их пешком и верхом, распевали песни в честь той или иной аллегии, инсценированной на колеснице. Здесь уже ярко прорывается жизнерадостность эпохи, освободившейся от церковной опеки, и песни в честь Вакха и Ариадны или Париса и Елены, которые поются здесь, полны утверждения чувственной земной радости. Лоренцо Великолепному принадлежат лучшие образцы этой карнавальной поэзии, своеобразно преломляющей выступление на общественную арену нового класса — торговой буржуазии.

Празднества во время карнавала мы встречаем не только во Флоренции, где они нашли свое литературное отражение в карнавальных песнях, но и в других городах Италии, в особенности в Риме. Здесь устраиваются всевозможные состязания (на лошадях, буйволах и ослах, бег юношей и стариков), военные игрища с показательными сражениями и парадом вооруженных граждан, а в 1491 году кардиналы посылают друг другу колесницы, переполненные богато разодетыми масками, шутами и певцами, декламирующими непристойные стихи. Толпы народа приветствуют в 1459 г. папу Пия II шествием с факелами, — а в другой раз папа щедро угощает народ, собравшийся перед дворцом.

Колесницы являются неотъемлемой частью празднеств, своего рода передвижной сценой, декорировка которой поручается художникам, изображающим все более замысловатые украшения и костюмы действующих лиц. Вазари, труд которого, посвященный жизнеописаниям итальянских художников, является неистощимым источником сведений о праздничной жизни Италии, рассказывает, например, о колесницах, декорированных живописцем Андреа дель Сарто для гильдии купцов, отвозивших свои товары при платеже налогов на таких, художественно оформленных, колесницах. В Венеции, той же художественной обработке подвергается корабль (bucintoro), принимающий различные формы и снабженный хитроумными машинами для декоративных эффектов с полетами и пантомимой. Он вводится в действие во время

ежегодно повторявшегося праздника, Венеции, когда дож выезжал „обручаться с морем“ в знак величия и власти торговой Венеции над Адриатическим морем.

Итальянские художники, специалисты по устройству празднеств, вскоре выносят свое искусство далеко за пределы Италии. В XVI и XVIII вв. их можно встретить при всех дворах Западной Европы — в Испании, Франции, Англии и Германии. В то же время и иностранные художники приезжают в Италию учиться художественному оформлению праздничной жизни, как например, Иниго Джонс, художник блестящего двора Елизаветы в Англии, или же Иосиф Фуртенбах из более скромной Германии. Доведенное до высшего мастерства искусство декоративного оформления праздничной жизни распространяется из Италии по всей Европе, накладывая единообразный отпечаток на придворные празднества и развивающийся из них оперно-балетный театр XVII века.

10. Празднества французской революции

В XVIII веке—в эпоху подготовки Великой Французской Революции и обострения борьбы между дворянством и духовенством, с одной стороны, и притязавшей все сильнее на политические права буржуазией, с другой стороны—массовые празднества не находят благоприятной почвы для своего развития. Духовенство утратило свою прежнюю власть над населением, дворянство потеряло блеск и силу, постепенно разлагаясь в замкнутой среде в атмосфере беспечного эпикурейства, а поднимающаяся промышленная буржуазия еще слишком молода и дезорганизована, чтобы проявить себя в массовых выступлениях и празднествах. Правда, попрежнему тянутся церковные процессии в дни церковных празднеств в католических странах, а семейные празднества королевской семьи отмечаются пышными зрелищами. Но эти празднества становятся чисто официальными торжествами, лишь внешне объединяющими разрозненное классовое общество.

Но как только буржуазия одерживает свою первую победу над старым порядком—в первые же дни французской революции 1789 г.—поднимается волна массовых празднеств, сопровождающая все главные этапы развития революционной борьбы буржуазии с остатками феодального строя. В дни французской революции происходит сплочение и объединение широких масс мелкой и крупной буржуазии, и могучий подъем классового сознания тотчас проявляется в массовых торжествах и празднествах, стихийно выливающихся на улицы и площади

Парижа и столь же стихийно захватывающих всю территорию революционно настроенной Франции.

Характерно, что празднества Великой Французской Революции первоначально следуют старым образцам, выработавшимся в окружении церкви и двора. Накануне открытия Учредительного Собрания (т. е. 4 мая 1789 г.) депутаты приглашаются герольдами, опубликовывающими свое извещение на всех площадях и перекрестках—принять участие в общей процессии и присутствовать при торжественной обедне. Процессия устраивается в Версале по традиционному церемониалу старого режима. Король идет вслед за чашей со святыми дарами, окруженный принцами крови, рядом с королевой, которую сопровождает обычная в таких церемониях свита. Депутаты идут—располагаясь по избирательским группам, дворяне отдельно от „третьего сословия“, а группы духовенства разделены королевскими музыкантами, дабы отделить высшее духовенство от низшего. Но этот веками установленный распорядок шествия, равно как и характер праздничной процессии, шествующей к месту богослужения, оказался вскоре разбитым революцией вместе с разрушением основ старого порядка.

Уже 15 июля того же года депутаты третьего сословия совершают свой торжественный вход в Париж в сопровождении народа—победителя Бастилии. Сдержанное поведение народа сменяется теперь приветственными, ликующими криками, к которым присоединяются шум барабанов и звуки музыки. На этот раз музыка уже не церковная, а военная, и барабаны сливаются с грохотом пушечных выстрелов, сопровождающих церемонию торжественной присяги депутатов. Начинается новая эра празднеств, и после освящения знамен вновь сформированной национальной гвардии 27 сентября—день первого национального праздника революционного Парижа, наступает знаменитое 14 июля 1790 года, когда на „Празднестве Федерации“ Париж впервые созерцает себя в новом праздничном облике, в отражении восторженного энтузиазма представителей 83 департаментов, собравшихся в этот день на Марсовом поле для празднования годовщины взятия Бастилии. В этот день Париж оказался запруженным несчетной толпой, влившейся в город со всех уголков провинциальной Франции, толпой объединенной единым подъемом, выразителем которого стала песенка „са іга“, произвольно родившаяся в толпе и подхваченная всей массой. Под эту песню устраивалось и подготавливалось к празднеству обширное Марсово поле, которое новые граждане привели в надлежащий порядок для встречи многих тысяч гостей-демонстрантов. Под эту песню выросли трибуны на Марсовом поле, триумфальные арки, украшенные в античном вкусе по образцу римских памят-

ников, и перекинулся понтонный мост через реку Сену, а посредине поля был воздвигнут „алтарь отечества“ с широкими лестницами и античными барельефами, носившими надписи: „Нация“, „Отечество“, „Закон“, Конституция“. Вокруг этого алтаря расположились солдаты и духовенство, и пение религиозных гимнов чередовалось со звуками барабанов¹.

Дождаясь центрального момента торжества, огромная толпа провинциальных депутатов поет песни и танцует. Перед „алтарем отечества“, во время произнесения присяги (*serment de la Federation*), войска потрясают оружием, знамена поднимаются вверх, звенят трубы, звучат барабаны и гремят пушки. А торжественное пение *Te deum*, сочиненного композитором Госсеком, сопровождается планомерной артиллерийской стрельбой, „музыкой пушечных выстрелов“, созданной революцией. „Устройство праздника „Федерации“ в годовщину взятия Бастилии особенно содействовало сближению солдат с парижскими „патриотами“: каждый полк послал на это празднество своих делегатов, которые разнесли потом „якобинскую заразу“ по своим частям“².

Вслед за „Празднеством Федерации“ следует ряд других дней, отмеченных гражданскими массовыми торжествами. Таковы похороны Мирабо и день „Жертв Нанси“—вырабатывающие тип гражданских похорон, а также перенесение праха Вольтера в Пантеон, превращающееся в триумфальную церемонию. Праздник Конституции 1792 г. отпразднованный на Марсовом поле, характерен тем, что в нем впервые отсутствует церковно-религиозная церемония, до этого еще удерживавшаяся по традиции от старого режима в числе прочих элементов гражданских празднеств. Так постепенно видоизменялось лицо празднеств, отказываясь от традиций старого режима и вырабатывая новые формы, соответствующие духу времени.

В 1793 году празднества революции приобретают уже *антирелигиозный* характер. 20 брюмера справляется „Праздник Разума“. Собор Парижской Богоматери (*Notre Dame de Paris*) переименовывается в „Храм Разума“; в нем происходит, в присутствии членов Конвента, церемония, целью которой является, по терминологии того времени, „принести в жертву Свободе все остатки предрассудков фанатизма“. В церкви устанавливается театральная декорация, изображающая греческий храм с надписью „Философии“, а на маленьком

¹ Julien Tiersot. *Les fêtes et les chants de la révolution française*. P. 1908 г., имеется русский перевод Ж. Тьерсо „Празднества и песни французской революции“. Изд. Парус. Пг. 1917.

² См. Н. Лукин. *Новейшая история Западной Европы в I стр.* 151. Гос. Изд-ство 1925 г.

алтаре горит факел „Истины“. К алтарю сходят с двух сторон женщины в белых одеждах и преклоняются перед факелом. Актриса, изображающая Свободу, в белом одеянии с синим плащом, в красной шапке и с пикой в руках, также преклоняется пред алтарем в то время, как хор поет гимн, обращенный к Свободе (сочиненный Шенье и Госсексом). Такие „празднества“ Разума имели место во всей французской провинции.

Объявление „отечества в опасности“, защита Франции от внешних врагов и гражданская война внутри страны на время отвлекают население от празднеств. Но как только обозначается победа революционных войск, тотчас же устраивается „празднество торжества революции“ (30/XII—93) на Марсовом поле. Художник Давид определяет его оформление, изображая 14 армий республики при помощи 14 колесниц, заполненных солдатами и ранеными, в сопровождении девушек, одетых в белые одежды, с пальмами в руках. Колесница—аллегория Победы—замыкала собой шествие, в котором принимали участие все члены Конвента.

Но самым богатым и вместе с тем наиболее организованным торжеством явилось празднество Высшего Существа (Fête de l'Être suprême), явившееся как реакция по отношению к культу Разума и выдвинувшее Робеспьера на первое место в числе вдохновителей торжества.

На заседании Конвента от 18 флореаля II года Республики Робеспьер выступает с проектом организации национальных празднеств, которые должны стать мощным орудием общественного воспитания. Он предлагает установить празднества, одни в определенные даты, другие в каждую декаду, заменившую в революционном календаре прежнее воскресенье. Последние должны были праздноваться в честь Высшего Существа, Природы, Человечества, Французского народа, благодетелей человечества, мучеников Свободы, Республики и отмечать дни годовщин революционных событий. Республиканская религия должна была по этому грандиозному замыслу целиком сменить обряды и празднества христианской церкви.

В том же заседании художник Давид доложил свой проект „Празднества Высшего Существа“, назначенного на 20 прериала. Через три дня Комитет Общественного Спасения поручает Комиссии заняться организацией национальных празднеств и следующим своим постановлением предписывает подготовить осуществление проекта Давида. До празднества оставалось меньше месяца, но за это время успели проделать огромную подготовительную работу. На только что учрежденный Национальный Институт Музыки (Консерватория) выпадает задача подготовить население к празднеству, так как по проекту

Давида весь народ должен был принять участие в исполнении, повторяя припевы грандиозного хора в 2400 человек. Члены Национального Института Музыки взяли за трудную задачу подготовить всю массу городских обитателей к празднеству и научить народ петь. Для этой цели созываются дети начальных школ на спевки, а музыканты и композиторы Франции, объединенные в Консерватории, расходятся накануне праздника по районам Парижа и организуют из групп заранее созданных граждан хоры, составляя их из лучших голосов каждого района. Таким образом в каждом районе образовался хор в 50 человек, что позволило составить общегородской хор от 48 секций в 2.400 человек. Кроме того, вечером, накануне празднества, по районам Парижа обучалась пению и остальная часть населения, которая должна была подхватывать припевы торжественного гимна в честь Высшего Существа. Сохранившиеся рекомендательные благодарственные отзывы различных районов свидетельствуют о том, что граждане — музыканты, среди которых мы встречаем композиторов Мегюля, Далейрака и др., с честью выполнили свой республиканский долг.

10 пририала (8 июня 1793 г.) в 5 часов утра барабанщики уже сзывали население Парижа на празднество. Печатники получили особое разрешение работать всю ночь, исполняя поручения Консерватории. Море цветов покрывало Париж, все дома были завешаны ветвями деревьев, цветами и трехцветными лентами. После барабанщиков зазвонили колокола всех церквей, а в 8 часов прогремела пушка — сигнал к началу шествия. Граждане, собравшиеся в 48 секциях, образовали столько же колонн и направились к центральному месту сбора — в сад Тюильри. Колонны шли, разделившись на двое: с одной стороны мужчины, с другой женщины, по шесть человек в ряд. В центре шли юноши, по 8 чел. в ряд. Особые комиссары — „граждане артисты“ — отводили колонны на указанные места, наблюдали за порядком, раздавали мужчинам кленовые ветви, а женщинам — корзинки с цветами, а также напечатанные стихи гимна.

Вся масса участников празднества расположилась вдоль аллеи сада, а место, окружающее бассейн, было отведено для 2400 районных делегатов, образовавших хор, разбиваясь на группы матерей, стариков, юношей, девушек и детей. Посредине бассейна стояла статуя Мудрости, воздвигнутая по рисунку Давида и временно покрытая покрывалом, изображавшим „чудище Атеизма“. Надписи „утешительные для народа и грозные для деспотов“ и гирлянды из цветов украшали все входы в сад. В 12 часов на балконе Тюильри появились члены Конвента, которых народ впервые увидел в официальных костюмах депутатов. После речи Робеспьера, народ запел гимн Выс-

шему Существу и тысячи голосов, повинувшись условным знакам руководителей, стройно слились со звуками оркестра и хора.

Затем Робеспьер сошел вниз, взял факел и зажег черный покров, скрывавший памятник. „Чудище Атеизма“, сделанное из картона сгорело, и среди пламени, под шум и треск петард, появилась белая статуя Мудрости. После этого Робеспьер произнес вторую часть своей речи.

За этим прологом следовала центральная часть празднества. Под звуки барабанов все колонны двинулись из сада Тюильри к Марсовому полю. Посреди шествия (48 колонн) — шли члены Конвента, окружая красную колесницу, влекомую 8 быками, на которой помещались „предметы, необходимые для питания тела и духа“ — плуг со снопом ржи и типографский станок.

Огромная процессия в строгом порядке прибыла на Марсово Поле, где возвышалось громадное сооружение, на вершину которого встали члены Конвента. Ниже расположился грандиозный оркестр из духовых инструментов и певческие хоры всех театров. По бокам разместились 2.400 человек общегородского хора, составившегося из районных хоров; справа — старцы и юноши, слева — девушки и матери. Колонны мужчин и колонны женщин развернулись по всему полю. Таким образом население Парижа образовало огромный хор, так расположенный, что он мог следить за звуковыми и световыми сигналами руководителя и дирижера Госсека и пропеть гимн, в который были включены слова клятвы, приуроченные к припеву популярного революционного гимна Марсельезы.

Трижды повторялась клятва „уничтожить тиранов“, и трижды сотни тысяч голосов сливались воедино в ликующих звуках Марсельезы, впервые за многие тысячи лет воспевая гимн свободы, равенства и братства.

Такого праздничного подъема последующие празднества французской революции, после падения Робеспьера, в дни термидора и снижения революционной энергии — уже не достигают. Правда, мы можем наблюдать еще интересные шествия, как например 20/III 1794 г. когда ученики школы, изготавливающей пушки, явились в Конвент, предподнося пушку, порох и селитру, „украшенные цветами и революционными эмблемами“. Или же мы видим последнее празднество устроенное Комитетом Общественного Спасения и организованное все тем же художником Давидом 10 термидора, в котором принимают участие артисты всех театров, разделенные на шесть групп (музыканты оркестра, певцы, танцоры, певицы, танцовщицы и поэты), причем артисты и артистки балета исполняют во время шествия пантомимы и военные танцы. Но того подъема, который проявлялся в прежних

празднествах, нет и следа, также как нет и широты замысла и размаха в композиции всего праздника.

Гражданские празднества французской революции дали возможность развернуться революционному зодчеству, воздвигавшему „алтари отечества“ и триумфальные арки, и музыке, сопровождавшей все торжества. Простота и четкая, геометрическая правильность характеризуют стиль революции так же, как и характер общей композиции массовых празднеств, которые содействовали возникновению нового народного искусства „санкюлотов“, исчезающего вместе с падением якобинцев.

11. Гражданские празднества в современной Америке

Найдя в коллективном подъеме Великой Французской Революции богатую почву для своего развития, массовые празднества почти совсем исчезают в XIX веке с переходом к промышленному капитализму и с обострением классовых противоречий в капиталистическом обществе. Правда, в католических странах во дни церковных празднеств религиозные процессии все еще тянутся по улицам города, но отделение церкви от государства и уничтожение монастырей и все возрастающая сознательность широких масс населения под влиянием народной школы, естественно-научных и социалистических учений — отторгают от церкви все большее количество ее приверженцев, и церковь окончательно теряет ту власть, которая ей была присуща, как организатору общественной и хозяйственной жизни в далеком прошлом средневековья. Сельско-хозяйственный капитализм коренным образом видоизменяет жизнь деревни и вытесняет прежние обряды и празднества по мере интенсификации и концентрации хозяйства и усовершенствования сельско-хозяйственной техники. В городах кое где сохраняются еще общегородские празднества, как например в Ротенбурге на реке Таубер в Баварии, где население города ежегодно празднует годовщину снятия осады с города инсценировкой массового зрелища, повторяющего ряд моментов исторического события. Доживают свой век и придворные празднества, коронации, карусели, исчезая по мере ограничения королевской власти или замены ее республиканской формой управления. Но все эти остатки прежних форм, некогда опиравшиеся на реальную базу экономического уклада жизни, остаются неоправданными в условиях роста промышленного капитализма и указывают скорее в прошлое, чем в настоящее и будущее массовых празднеств. Театры, народные гулянья, народные сады и игры — учрежденные буржуазией XIX века, являются лишь суррогатом мас-

сового праздника, не заполняющим образовавшегося пробела. Поэтому то и кажутся искусственными и лишенными твердой почвы те попытки возродить массовые празднества, которые исходят от интеллигенции и насаждаются в начале XX века в Америке и в Германии. Тем не менее и их следует учесть в нашем обзоре.

Наиболее деятельным пионером в этой области выступает Америка, где „гражданское празднество“ или „гражданский театр“ (Civil theatre), вовлекающий в действие многие тысячи участников из среды мелкой буржуазии и интеллигенции, все чаще начинает вступать в соревнование с обычными формами буржуазного театра. Теоретиком и практиком массового театра является в Америке Перси Мак Кей (Percy Mac Kay). Начав работать над массовыми инсценировками в 1905 году, Мак Кей вскоре переходит от скромных первых опытов к все более широким заданиям. В 1909 году он ставит в Глоустере (Массачусет) массовое зрелище „Кентерберийские, паломники“, с 1.500 участниками. В 1913 году новая инсценировка или „маска“, как называют американцы этот вид зрелищ, выдерживает свыше ста представлений в различных частях страны. В 1914 году, при праздновании 150-летней годовщины города Сент Луис, число участников достигает уже 7.500 чел., и Мак Кей развертывает с большим режиссерским искусством величественное массовое зрелище, ночью, среди гор и водопадов, захватывая внимание стотысячной аудитории.

Далее следует празднование 300-летия со дня рождения Шекспира на городском стадионе в Нью-Йорке, с участием 2.500 актеров, танцоров и музыкантов, как любителей, так и профессионалов, исполнивших серию сцен из обширного шекспировского репертуара. Мак Кею удается затем добиться от некоторых городских муниципалитетов учреждения особых фондов для постановок и для устройства постоянных „театров под открытым небом“. С какой широтой развертываются такие инсценировки в Америке, можно заключить хотя бы из того, что во время репетиций постановки „Калибана“ в Бостоне, каждый из участников и тысячи членов их семейств получали особую ежедневную газету.

Целевая установка массовых празднеств в Америке выясняется из следующих слов Мак Кея, неоднократно выступавшего в печати с истолкованием и защитой проводимых им заданий: „Идея гражданского театра как такового включает в себя пробуждение сознательности народа по отношению к самодеятельности (self government) в часы досуга. Для этой цели организуются все искусства театра, и население привлекается к соучастию (переставая быть простым зрителем); вырабатывается новая техника, готовится постоянный кадр художников (а не коммерсантов искусства), выключается доходность

предприятия для частных лиц путем привлечения общественных средств и субсидий, и вся работа посвящается служению на пользу общества. Таковы главные принципы, открывающие новые и более благородные горизонты искусству театра¹.

Массовый театр противопоставляется, следовательно, замкнутому, интимному—„художественному“—театру, который за последние годы усиленно насаждается в Америке многочисленными любительскими кружками. Противники Мак Кея не раз упрекали его в том, что его деятельность служит препятствием к укреплению художественного театра в Америке. Но Мак Кей убежден, что массовый театр выполняет более широкие общественные задачи, чем профессиональный театр обычного типа. Ему рисуется, что вовлечение в устройство „Гражданского“ праздника плотников, электротехников, печатников, прессы, художников, актеров, музыкантов, певцов и целого ряда других слоев населения всего города с прилегающими к нему окрестностями—шире и глубже захватывает общество, чем постановка той или иной пьесы на сцене старого театра. Организация различных отраслей художественного труда и объединение их одной целью открывают, по его мнению, широчайшие возможности художественно-общественной инициативы.

В целях наибольшего воздействия массового праздника на зрителей Мак Кей добивается, чтобы в нем „живая речь сочеталась бы одновременно с пантомимой, освещением, музыкой, движением“. Он разрабатывает в теории и в практике новую технику массовых постановок, добиваясь синтеза многих искусств в одном нераздельном целом „гражданского праздника“.

На основании 20-тилетнего опыта Мак Кею удалось вовлечь в работу над массовыми празднествами многие режиссерские силы Америки. В том числе и директоров богато организованных театроведческих институтов—Бэкера (заведующего Университетским театром в Иэль) и Стивенса (заведующего Театральной Лабораторией Технологического Института в Питсбурге). Последние разрабатывают методы массовых постановок в своих театроведческих институтах и применяют их на практике к большим гражданским празднествам, при чем тема подсказывается историей данной личности или города. Так возникли постановки Бэкера в Плимуте 1921 г. и Стивенса в Сент Луис („Миссури сто лет тому назад“).

Таким образом методика массовых постановок вошла в круг университетских дисциплин. Здесь, в театроведческих лабораториях,

¹ Об американских массовых постановках см. главу „Civil Theatre“ в книге Oliver Saylor. „Our american theatre“ New York, 1923 г.

каковые существуют с надлежащим оборудованием пока что только в Америке, разрешается ряд практических вопросов: как наилучшим образом распланировать массовую постановку в данной местности, учитывая все живописные возможности, заключенные в сочетании морского берега и полей или гористой местности и долин. Или же здесь выясняется значение *слова* в массовой постановке и проблема его замены более выразительными средствами, сильнее приковывающими к себе внимание массы, как то: мощным светом прожекторов, световыми надписями, трубными звуками, громкоговорителями, музыкой, радио и т. д. Закрепление методов массовых постановок научно-экспериментальным путем в американских театроведческих институтах представляет собою совершенно новое явление, знаменательное для XX века и несомненно глубоко поучительное ¹.

Массовые празднества в современной Западной Европе не носят столь широкого масштаба, как в Америке. Но и здесь мы встречаем попытки буржуазно настроенной демократии обосновать массовые зрелища и инсценировки. Мы находим их в Швейцарии, где их защитником является Ромэн Ролан, а также на юге Германии, в Баварии и в Прирейнской области, где их систематически культивирует Народный Союз Театров (Bühnenvolksbund), стремящийся вовлечь сельское население в массовые инсценировки вновь возрождаемых христианских „мистерий“ или же пьес вроде „Орлеанской Девы“ и „Вильгельма Телля“ Шиллера, с целью пропаганды христианских и национальных идей. Для пропаганды местных массовых постановок (Heimatspiele) союз устраивает курсы для руководителей, определяющие методы работы, игры и выбор репертуара. Для характеристики социального состава таких „Heimatspiele“ интересно привести следующее обращение союза к своим сочленам: „Землевладельцев дворянского происхождения, а также их жен и дочерей просят устраивать до четырех раз в год в своих замках или в иных подходящих помещениях вечера, на которые приглашалось бы сельское население, лица духовного сана, учителя, чиновники и врачи из ближайших и прилегающих окрестностей“ ². Классовый характер подобных празднеств не требует особого истолкования.

¹ В связи с затронутыми вопросами см. книгу *E. W. Bates*.—*The Art of Producing Pageants* (W. Baker C^o 1926) и *R. Holt*—*List of Music for Plays and Pageants* (Appleton 1926), *Francis Haire* «*The Folk Costume Book*» (Barnes and C^o 1926) разрабатывающие методы постановок гражданских празднеств, их оформление, музыку и костюм.

² См. «*Das deutsche Theater. Jahrbuch für Drama und Bühne*». Band I—II K. Schröder Verlag. 1924 а также журнал *Der Bühnenvolksbund* за 1925 г. и ряд пьес, опубликованных издательством союза.

12. Пролетарские массовые празднества

Массовым празднествам, с буржуазной идеологией, в Германии противостоятся пролетарские массовые инсценировки с коммунистическими лозунгами. Таковы инсценировки, ярко отражающие революционную борьбу пролетариата, на темы: „Спартак“—в Лейпциге 1920 г., где выступало 900 участников перед 50 тысячной рабочей аудиторией, „Бедный Конрад“ 1921 г., 1.800 участников, „Война и мир“, „Французская революция“ „Борьба за нефть“—1922 г.—далее, массовые постановки в Галле: „Томас Мюнцер“, на тему из крестьянской войны XVII в. (1925 г.), и „Война и Интернационал“, на полях Трептов под Берлином (1925 г.). Но эти пролетарские празднества, являющиеся первыми попытками революционно настроенного пролетариата оформить свои боевые лозунги в форме массового самодетельного праздника, являются уже отголосками массовых празднеств Советской России.

В силу диалектики развития, капиталистический строй, уничтоживший массовые празднества, создает почву для нового их развития. Условием последнего является борьба пролетариата за свою организацию, и по мере укрепления ее в тяжелых условиях борьбы с хищническим и культурным капитализмом XIX в., по мере роста классового сознания пролетариата и его приобщения к культурной жизни ценой упорных завоеваний и героических побед, создается та новая почва, на которой и вырастают органически массовые празднества пролетариата. Мы встречаем их в Советской России при первых же победоносных шагах пролетарской революции, и Октябрь 1917 года открывает перед исследователями новую страницу в истории массовых празднеств, изучению которой и посвящен сборник „Массовые празднества“, изд. Гос. Институтом Истории Искусств.

Петергоф, Июль 1926 года.

А Д Р. П И О Т Р О В С К И Й

ХРОНИКА ЛЕНИНГРАДСКИХ
ПРАЗДНЕСТВ 1919—22 г.

Хроника Ленинградских Празднеств 1919—1922 г.

1

Каждая новая маевка, каждая новая Октябрьская годовщина, накапливая все новый материал, все далее отодвигает первые героические годы становления Советских Революционных Празднеств. Годам этим, полным своеобразных и смелых начинаний, осуществлений и неудач, тем легче исчезнуть из памяти искусствоведов, что достижения их не только никем не учитывались, но и почти не оставили после себя документальных материалов, за исключением разве газетной хроники и случайных бумаг, сохранившихся в архивах отдельных учреждений и лиц.

Настоящая статья должна явиться опытом первоначальной „хроники“ революционных празднеств в Ленинграде, за годы 1919—1922, хроники не претендующей на полноту и равномерное освещение. Это— набросок к «истории», которой советские празднества конечно заслужили, хотя еще и не дождались.

2

Делая исходным годом хроники—год 1919-й, мы тем самым отсекаем не только специфически окрашенные празднества семнадцатого года, но и в высокой степени замечательную дату первой годовщины Октября (7—XI—18). Эта дата представляет для исследования две исключительной ценности проблемы. Массовое убранство города художниками-футуристами, во первых; первую постановку Мейерхольдом «Мистерии-Буфф» в театре Консерватории, во вторых. Значение того и другого огромно. Гигантский опыт раскраски десятков тысяч аршин холста, маскировки целых зданий и скверов, проведенный в восемнадцатом году, имел во многих отношениях решающее значение для судеб изобразительного искусства в революционные годы. Также бесспорно влияние „Мистерии-Буфф“ на позднейшую эволюцию «театрального Октября». Но в истории революционных празднеств оба начинания явились лишь несколько преждевременными попытками левого фланга профискусства наложить печать своего стиля и миропонимания на новое бытовое явление массовых торжеств, попытками, не имевшими ни успеха, ни прямого продолжения. Дальнейшая магистральная традиция празднеств развивалась независимо от них, при том в трех основных направлениях. Это 1) обслуживание празднеств традиционным художественным производством, спектаклями, концер-

тами и т. д., 2) от масс идущее, обрядово-бытовое оформление празднеств, 3) новые формы зрелищ, вырастающие из праздничного быта.

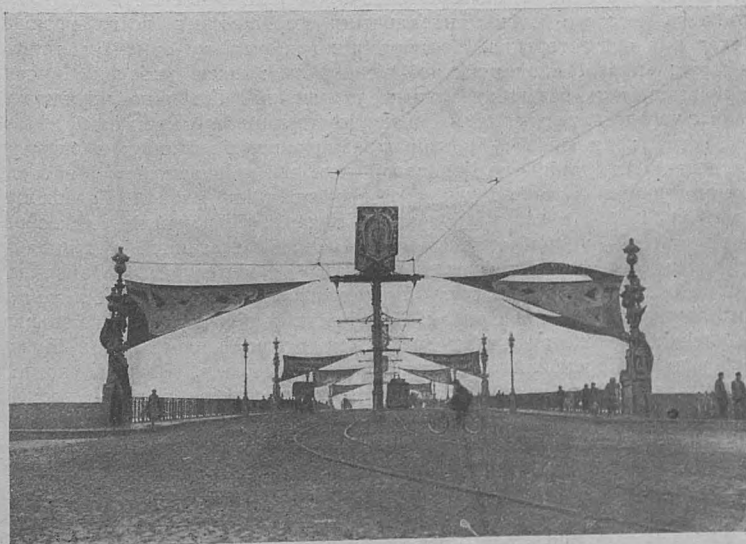
В первом случае мы имеем дело с художественной продукцией, в формальном отношении мало замечательной, но поставленной в чрезвычайно своеобразные, порою почти фантастические условия потребления и распределения. Искусствоведческий интерес сосредоточен здесь по преимуществу в организационной и житейски-бытовой стороне дела. Вторая и третья линии тесно переплетены и теоретически, и практически. Бытовой праздничный обряд и массовое зрелище в практике Ленинградских празднеств находятся в постоянном взаимодействии и взаимно определяют друг друга. Размежевание между ними часто трудно, а иногда и бесплодно. Эта двойная линия праздничного быта и искусства идет путем любопытнейших и радикальнейших формальных новообразований, бесспорно вырастая в одно из крупнейших слагаемых нового стиля. Заложенные в семнадцатом году основные формы массового шествия—демонстрация протеста, праздничная манифестация, революционные похороны, и массового собрания—митинг, сходка,—медленно вызревали в восемнадцатом и девятнадцатом году. Их зрелищная обрядность, в значительной своей части сложившаяся еще в годы первой революции и реакции, изменялась и усложнялась медленно. Постепенно устанавливались постоянные даты празднеств, т. н. Красный календарь. За первомаем в течение 18—19 года присоединились дополнительно «Кровавое Воскресение» (9/22 января), День Парижской Коммуны (18 марта), День Красной Армии (23 февраля), Память Июльских дней (3—16 июля), Октябрьская Годовщина (7 ноября). Установились традиционные центры праздничных шествий; сперва—Марсово поле (Поле Жертв Революции), а позднее и Дворцовая площадь (Площадь Урицкого). Но обрядовая сторона продолжала ограничиваться шествиями с оркестрами, знаменами и пением, и лишь маевка 1919 года внесла некоторое обновление: на поле Жертв Революции была воздвигнута наковальня, по которой ударяли (символическая присяга) вожаки проходящих колонн.

3

Средой, где определились и выросли первые серьезные попытки зрелищного оформления, вытекающего из самих обрядово-бытовых основ празднества, явилась в девятнадцатом году Красная Армия. Это не было случайностью. Красноармейские части, вобравшие наиболее активную молодежь, вырвавшие эту молодежь из традиционного житейского уклада, естественно являлись наиболее подвижными и энергичными ячейками нового быта. Военная организация и дисциплина легко придавали массовый характер и значение возникавшим

в Красной Армии начинаниям. Не малую роль играл и агитационный момент, правильно учтенный военными полит-отделами. Вот почему в годы 1919—1920 первенство Красной Армии, в деле строения празднеств, неоспоримо.

✓ В годовщину Свержения самодержавия, в марте 1919 года, командой красноармейцев было разыграно в Железном Зале Народного Дома своеобразное «игрище» о Февральской революции (Руководитель *Н. Г. Виноградов*). Игрище «Свержение самодержавия» было

явлением во многих отношениях замечательным. Замечателен был состав участников: красноармейцы, взятые непосредственно из казарм, замечателен был метод создания текста: почти полностью импровизационный. И замечательно было драматургическое и сценическое построение целого. Обрядово-бытовой принцип манифестации и митинга полностью лег в основу этого построения. «Игрище» развертывалось на двух, на скорую руку сколоченных, деревянных мостках, расположенных в противоположных концах площади, казармы или зала. Мостки соединялись «дорогой манифестаций», — нешироким (сажени две), но длинным (сажень 30—40) проходом. Девять эпизодов,

из которых состояло «игрище», исполнялись поочередно, а иногда и одновременно на обоих мостках, изображавших последовательно: первый (площадка реакции)—Зимний Дворец, полицейский участок, ставку; другой (площадка революции)—завод, фронтовой комитет, Революционный штаб. Перемены места действия обозначались при этом совершенно условно. Основные перипетии выражались в шествиях, атаках и иных переходах массы участников с одних мостков на другие и разворачивались в соединительном проходе. Манifestация «к Дворцу», с пением «Спаси господи», и заключительная штыковая атака на него же были центральными перипетиями всего игрища. Декорация отсутствовала. Костюмами и гримом были отмечены только «враги»: «царь», «полицейские», «генералы»; масса «рабочих» и «солдат» выступали без театральных украшений. Довольно неуклюжий диалог чередовался с песнями. Видное место занимал митинговый массовый говор, крик, спор¹. Много раз разыгранное в казармах, в лагерях, на лестницах зданий, на Дворцовой площади «Свержение» приобрело окончательную свою форму к дню празднования Второй Годовщины Октября (1919 г.), когда и получило название «Красный Год». К основному материалу прибавилось нечто в роде балаганной интермедий, с участием буффонных фигур «капитала», «министра», «генерала» (интермедия изображала пору «Временного Правительства»), и заключительная часть, посвященная Октябрьскому перевороту. На противостоящих мостках стояли здесь друг перед другом «Керенский» и «Вождь рабочих». «Керенский» звал на помощь юнкеров. Вокруг «вождя» группировались рабочие. Следовал «штурм» рабочих вдоль прохода под стрельбу в упор нацелившихся юнкеров, «штурм» не раз увлекавший за собой зрителей, теснившихся по краям прохода. В этом виде «игрище» исполнялось уже не случайной командой красноармейцев, а своеобразной военной организацией, «Красноармейской Театрально-Драматургической Мастерской» (Основатель—Н. Г. Виноградов. Сущ. с мая 1919 по май 1920 года).

Здесь нет возможности останавливаться на любопытнейшем быте и повседневной работе этой, сложившейся в разгар гражданской войны, военно-художественной ячейки. Но необходимо отметить дальнейшие этапы ее деятельности. Следующий день Революционного календаря, «Кровавое Воскресение», был отмечен новым празднеством, организованным Мастерской в Железном Зале Народного Дома (9/22 января 1920 года)². Приемы празднества остались теми же. Основные его вехи: рабочий митинг посредине зала. Песня «Спаси господи» и шествие

¹ Любопытный текст «игрища» так и остался не напечатанным.

² Текст также не издан.

через залу «к дворцу». Расстрел. Пение «Вы жертвою пали» и похоронное шествие. Суд. Шествие «ссылных на каторгу». Каторжная песня. Революционная концовка. Речь политического оратора. Общий митинг. В празднестве участвовало до ста человек.

И как бы примитивны ни были и замысел и выполнение этих первых праздничных игрищ, не трудно установить, что уже в них наметились, пусть в зародыше, стилистические черты и композиционные приемы,

легшие в основу большинства позднейших торжеств. Принцип двойной, а точнее (считая «проход»), тройной площадки, резко порывавший с единой иллюзорной сценой традиционного театра, был плодотворным переходом к нетрадиционному, несценическому, а, если угодно, «топографическому» пониманию «пространства». Именно такое понимание и такое использование расчлененного пространства сделало возможным великие празднества 1920 года. В них таилось зерно подлинно праздничного толкования «места», как истинной реальности, в отличие от иллюзорности и условности сценического «пространства»¹. И наряду

¹ О «реальности» места в празднестве см. также мою статью «Празднества 1920 года в сборнике «За Советский Театр» изд. «Academia».

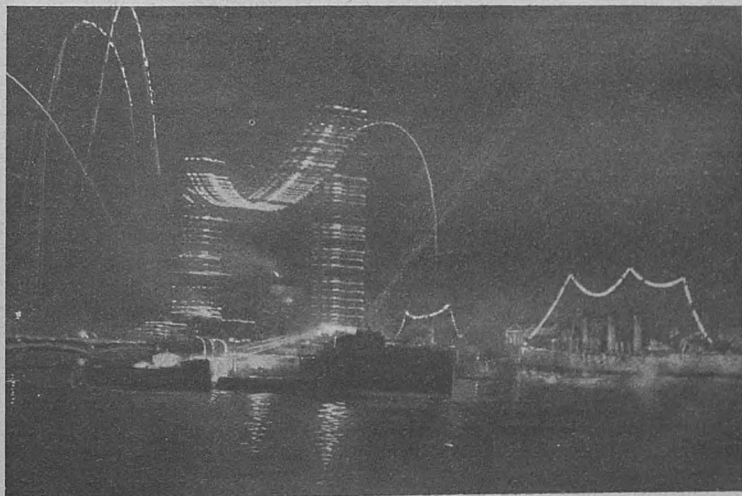
с этим, принцип расчленения площадки, возникший из новых бытовых условий казарменных и уличных зрелищ, а никак не из соображений стилизаторского характера, возвращал праздничный театр к традициям динамического народного театра, своеобразно предвеляя ряд постановочных принципов позднейшего советского левого спектакля. Едва ли существенно, что внешним толчком к введению «прохода» в празднестве «Свержения самодержавия» послужила, повидимому, довольно превратно понятая молва о «мостике» японского театра; решающим обстоятельством является не это, а бытовая удобность и внутренняя закономерность нового принципа членения площадки и быстрое укоренение его в традициях революционных празднеств.

2) Также твердо вошло в праздничную традицию композиционное строение этих первых празднеств. В центре композиции—«масса», толпа рабочих, революционеров, «хор», согласно действующий, поющий, говорящий. «Хору», выходящему без всякой театральной маскировки, являющемуся костью от кости зрителей и обеспечивающему постоянное активное и фактическое участие зрителей в празднестве, в развитии действия противостояли «маски», сугубо театральные, то символические, то буффонные фигуры «врагов» революции. В празднестве «Свержения самодержавия» такими «масками» явились «царь», «Гапон», «полицейские». Все они проходят как постоянные фигуры сквозь ряд последующих празднеств. Существенным для дальнейшего развития оказалось и эпизодическое строение празднества, скрепленное массовыми шествиями, и совершенно условное понимание сценического времени (переброски от 1905 к 1917 году и дальше, без занавеса и антракта), понимание, ставшее возможным благодаря единству проходящего сквозь все действие неменяющегося «хора».

Красноармейская Театрально Драматургическая Мастерская успела осуществить еще одно празднество, посвященное второй годовщине создания Красной Армии (23 февраля 1920 года). День праздника закончился массовым зрелищем в цирке Чинизелли. Участниками явились красноармейцы гарнизона во главе с «Мастерской» (всего до 150 человек). Зрелище это, названное «Меч мира»¹, было повторено в Цирке и к третьей годовщине Красной Армии, но с участием уже не «Мастерской», к тому времени расставшейся, а сводных военных команд. «Меч мира» носил черты своеобразного смешения широких, в массовой работе и бытовом опыте найденных, стилистических приемов празднества с индивидуальной авторской и режиссерской трактовкой. В тексте исторические события: Врестский мир, организация Красной Гвардии и Армии, защита Петрограда, довольно

1) Текст издан Политуправлением Петроградского Военного Округа 1921 г.

искусственно чередовались с аллегорическими фигурами и скитаниями трех библейских волхвов. Красноармейцы говорили белым стихом, а Троцкий разрывал «свиток» Брестского договора с жестом актера классической трагедии. В постановке наблюдалось подобное же, далеко не органическое, сочетание принципов, заимствованных из праздничной традиции (действие на двух помостах и на цирковой арене, штыковые атаки, хоры) со стилизаторскими приемами условного и старинного театра. Все же ряд мотивов этого диковинного зрелища сохранился и

в последующих празднествах. Военный парад, как органическая часть зрелища, инсценировка боя, освящение знамени, символический дождь красных звезд часто встречаются и позднее. Вот общая характеристика праздника в современной газете («Красная Газета» 1920 г. № 36/912). «После Октября. Неуверенность в завтрашнем дне. Наступление германских войск. Козни врагов в тылу. Распад царской армии. Но вот положено основание Пролетарской Армии. «Какое число сегодня?» спрашивает тов. Троцкий. — «23 февраля». — «Запомните этот день. История вписала его красным». Сжато но с исчерпывающей полнотой, окидывает революционное зрелище «Меч мира» — двухлетнюю работу Красной Армии».

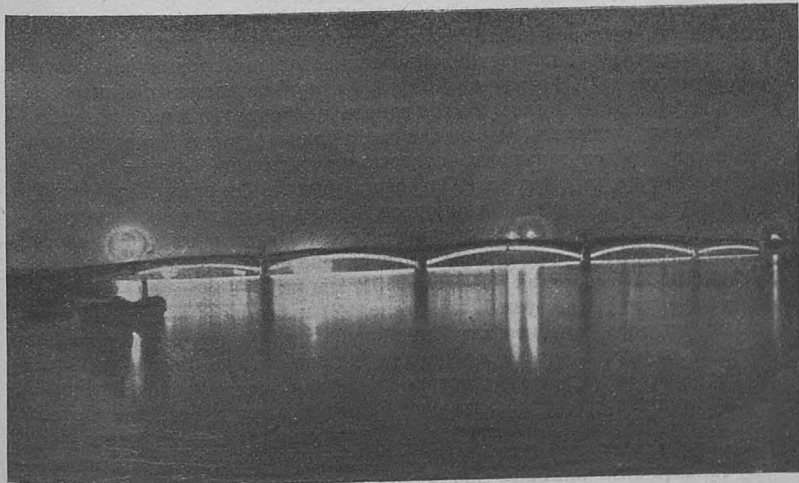
Это было последней работой Красноармейской Мастерской. Но линия военных празднеств продолжалась. Месяц спустя, день Парижской Коммуны был впервые за революцию ознаменован зрелищем „Гибель Коммуны“¹, поставленным в Оперном театре Народного Дома. Празднество это не обнаружило каких либо новых формальных и стилистических достижений и явилось, в сущности, больших размеров любительским историческим спектаклем. Значение его в том, что, осуществленное при участии сводных красноармейских команд, оно дало организационный опыт и размах для последовавшего всего шесть недель спустя большого военного зрелища у Фондовой Биржи.

За этой первомайской „Мистерией Освобожденного Труда“ (организатор Д. Н. Темкин, режиссеры—Анненков, Кугель, Масловская), последовали в коротких промежутках: 2) массовое зрелище „Блокада России“ (организатор М. Ф. Андреева. Режиссер—Радлов. Художник—В. Ходасевич), поставленное на открытии „Острова Отдыха“ 20 июня 1920 года, далее 3) большое празднество у Фондовой Биржи „К Мировой Коммуне“ 19 июля 1920 года, поставленное для Второго Конгресса III Интернационала (организатор М. Ф. Андреева. Режиссеры—Марджанов, Петров, Соловьев, Радлов, Пиотровский), 4) военный праздник в честь III Интернационала в Красногородских лагерях (состоялся второго августа 1920 года, организатор—Г. Е. Горбачев, режиссер Пиотровский). И, наконец, 5) грандиозное „Взятие Зимнего Дворца“ (организатор—Д. Н. Темкин, режиссеры: Евреинов, Кугель, Анненков), разыгранное на Дворцовой площади в третью годовщину Октября. Эти пять празднеств представляют монументальнейшее развитие и завершение линии военных массовых зрелищ и, вместе с тем, пожалуй, наиболее эффектный этап в традиции советских торжеств. Зрелища эти развивались при все возрастающем числе участников (1-го мая—две тысячи человек, 19-го июля—до четырех тысяч, 7-го ноября—до шести тысяч человек); при все усложняющейся планировке (площадкой первомайского зрелища служили ступени и портал Фондовой Биржи, 19-го июля празднество разбросалось не только на портале Биржи, но захватило и боковые ее парапеты, и ростральные маяки, и круглые сходы к Неве, и оба моста, Биржевой и Дворцовый. А 7-го ноября для „Взятия“ понадобилась вся Дворцовая площадь, где была построена двойная, соединенная мостом площадка, самый Зимний Дворец, Александровская колонна и арка Штаба), при все более детализованном сценарии и исполнительских приемах. Формальному анализу четырех из этих празднеств посвящена упомя-

¹ Автор Г. Гидени.

нутая уже статья в сборнике „За Советский Театр“. Пусть к ним присоединится сейчас краткое описание пятого празднества: „Блокада России“.

Оно состоялось, как уже сказано, на открытии „Острова Отдыха“ в специально выстроенном амфитеатре. Амфитеатр этот, едва ли не единственная из построек 20-го года, уцелевшая до наших дней, был создан архитектором Фоминим в фантастически короткий срок на берегу одного из внутренних прудов Каменного острова. Места для зрителей, устроенные в виде деревянного, открытого и пологого полу-

круга, вместимостью до 4.000 человек, примыкали к самому берегу. Сцена, отделенная от амфитеатра озером, была расположена на маленьком островке, поросшем деревьями и крутой аркой моста соединенном с материком. Зрелище „Блокада России“ шло почти целиком по одной из линий праздничного стиля, по линии буффонной. Злоключения „Лорда Керзона“ на ялике, превращенном в игрушечный броненосец, объезжавшего островок—РСФСР, похождения шпиона, забравшегося в блокированную страну, разоблаченного, прячущегося в кустах, карабкающегося на дерево, поход польских панов через мостик на остров,—поход, кончающийся комической потасовкой и цирковым прыжком с вершины моста в воду—вот главные эпизоды зрелища. Все его герои—характерные „маски“ праздничной традиции.

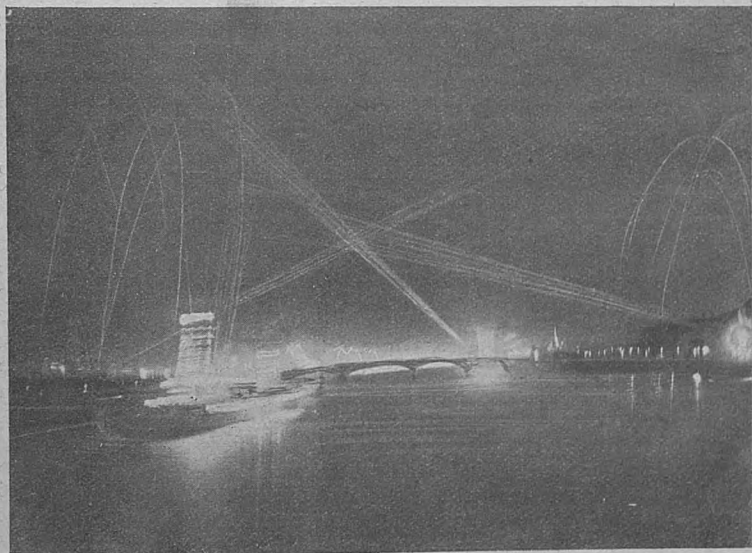
В „Блокаде России“ им тем более легко было оттеснить на задний план момент массово-героический, что исполнители, актеры существовавшего в те годы „Театра Народной Комедии“, цирковым мастерством своим конечно затушевывали действия красноармейцев, составлявших массу — „хор“. Впрочем, героический момент был представлен достаточно и притом чрезвычайно зрелищно. „Блоkada России“ использовала в этом отношении ряд традиционных приемов предшествовавших военных празднеств. Было показано сражение, на этот раз на воде, военный парад, на этот раз остроумно преобразованный в процессию легких, окрыленных разноцветными парусами лодок, мотыльковым роem выплывших на озеро. Берега расцвели рядами красных, зеленых и оранжевых знамен, счастливо замаскировавших сравнительно малое число участников. В отличие от тысяч, участвовавших в зрелищах у Фондовой Биржи, здесь было занято не более 750 человек. „Блоkada России“ осталась, к сожалению, единственным празднеством, полностью использовавшим совершенно исключительные местные особенности амфитеатра на „Острове Отдыха“. Он стал в дальнейшем сценой для традиционных концертов, а позднее и вовсе обветшал.

Рассматривая массовые зрелища лета 20 года в их совокупности, не трудно найти в них прямое продолжение намеченной уже в первоначальных празднествах 19 года тенденции: 1) к массе — хору, как основной силе, движущей действие, 2) к непрерывности времени, при общем эпизодическом строении сценария, 3) к введению реальных вещей и движений: военному параду, манифестации, бою, 4) и в особенности, к трактовке пространства, как некой топографической реальности. Островок, обозначавший Россию в празднестве на Острове Отдыха, та же РСФСР, конкретно воплощенная на мысе перед Фондовой Биржей, Зимний Дворец, как центр празднества 7-го ноября, — вот характерные примеры такой топографической трактовки.

Ряд мотивов, в зародышевой форме намеченных в 19 году, „дождь красных звезд“, „встреча победоносных войск“, буфонный „Пир капитала“ получили дальнейшее развитие в великих празднествах лета 20 года. Однако, не менее интересны, чем формальный стиль, были организационные и технические их принципы, доведенные до значительной степени точности и планомерности. Как уже сказано, прямыми предшественниками зрелищ 20 года были торжества чисто военные. Первомайское зрелище и „Взятие“ Зимнего Дворца полностью сохранили этот военный характер. Остальные празднества были созданы учреждениями гражданскими, но основными участниками все же оставались красноармейцы и матросы, и общий принцип организации сохранил, в общем и целом, строго централизованный „военный характер“. Это были празднества военного коммунизма. Вот

чего нельзя забывать при их оценке и при исследовании причин их стремительно быстрого расцвета и увядания.

Во главе праздника обычно стоял „штаб“, состоявший из „руководящей тройки“ и отделов: режиссерского, сценарного, мобилизационно-учетного, строительно-технического, монтажного, транспортного, продовольственного, связи и др. Сценарный отдел разра-

батывал детальную „партитуру“ праздника (см. дальше), мобилизационно-учетный организовывал многотысячные и притом часто текущие, сменяющиеся массы участников праздника, продовольственный заботился об их прескормлении селедками, леденцами и хлебными осьмушками. Строительно-технический должен был в тяжчайших условиях разрухи налаживать освещение ночных празднеств прожекторами из Петропавловской крепости или с Адмиралтейства, или с кораблей на Неве, должен был строить станки для зрелища и трибуны для зрителей; монтажный привозил, а часто и изготовлял и раздавал тысячи костюмов (в празднествах у Биржи такой гигантской костюмерной был центральный биржевой зал), транспортный—поддерживал

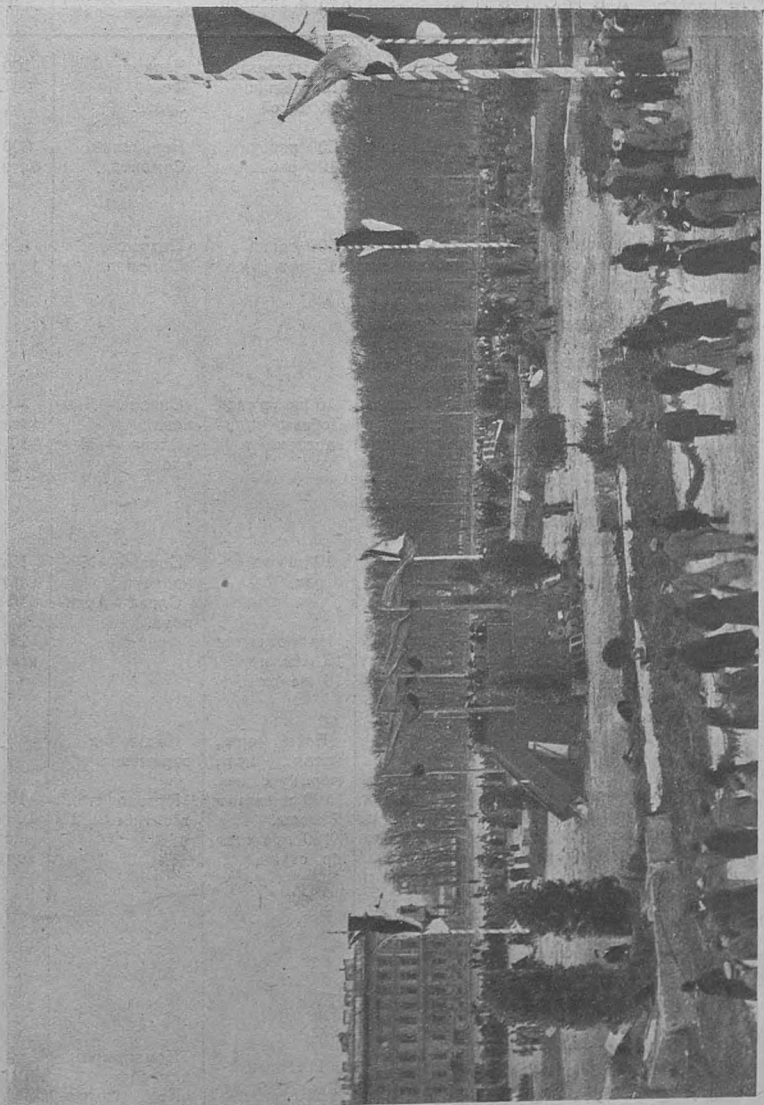
сношения с городом десятками авто и мотоциклеток. Участвующие тысячи делились на десятки, с десятскими во главе. С этим десятским проходились основные репетиции, они отвечали за свои группы, обучали их и во время празднества ими руководили. Отдельных руководителей имело также каждое сюжетное объединение участников („работницы“, „жандармы“ и т. д.), каждый отдельный эпизод и каждая отдельная часть сценической площадки. Самый процесс празднества в смысле управления своего скорее всего может быть сравнен со сложным военным маневром. Руководители помещались на вынесенном далеко вперед командном мостике и полевыми телефонами были соединены с отдельными участками широко разбросанной праздничной площадки, вплоть до Петропавловской крепости в празднествах у Биржи и Зимнего Дворца в ноябрьском зрелище. Сценарий был разбит на ряд точно зафиксированных эпизодов—выходов. Руководители на командном мостике подавали сигнал—телефонный и оптический (порядковый номер)—к началу каждого выхода. Руководители групп и отдельных участков принимали сигнал и передавали команду своим группам и десяткам. Ведение зрелища было таким образом строго централизовано. Темп отдельного эпизода, длительность пауз и световых и звуковых эффектов непосредственно зависели от руководящей воли командующего. Празднества 20 года являются таким образом едва ли не первым примером электрифицированного, централизованного театра, управляемого звонком и сигналом режиссера-дирижера. И в этом отношении гигантский опыт празднеств должен быть учтен историей новейшего театра.

Подобный порядок естественно требовал прежде всего строжайшей дисциплины и точнейшим образом установленной „партитуры“. Необходимо сказать, что дисциплина празднеств 20 года была безукоризненна. Многотысячные участники их строили празднества с той единой волей и сдержанным военной дисциплиной энтузиазмом, которые были свойственны 20-му году.

Образцом партитуры может служить отрывок из третьей (последней) части празднества „К мировой Коммуне“ (19 июля 1920 г.). Вот текст официально опубликованного либретто.

„К мировой Коммуне“

„Содержание народного зрелища в честь II Конгресса Коммунистического Интернационала, устраиваемого на площади парадных („народных“?, А. П.) собраний у б. Фондовой Биржи“ („Правда“ 19 июля 1920 г.)
«. Появляются беженцы из разоренных гражданской войной областей. За ними рабочие разгромленной венгерской советской республики. Приветствуемая народом, озаренная лучами красной

№	ДЕЙСТВИЕ.	Кто и сколько.	Фамилия руководителя.	Костюмы.
35	Появление венгров, бегущих от ужасов реакции.	50 мужчин 50 женщин 25 детей.	Черков. Федоров. Зуева.	100 беженск. 25 детс.-их.
36	Из за колонн появляется новая волна рабочих. Смятение.	300 рабочих. 100 работниц.	Белявский. Семенова.	300 рабочи блуз.
37	В центре появляются вожди. Слова вождей: «К оружию». Толпа отвечает «к оружию» Загорается красная звезда. Входят красноармейцы. Вожди разбрасывают красные звезды. Красноармейцы поднимают оружие. Присяга. Красноармейцы сходат со ступеней, ружья на переез.	500 солдат. 15 вождей.	Пахомов. Смирнов.	500 шинелей 15 кож. курток
38	Оставшаяся группа рабочих, работниц и детей на лестнице. Тревожные гудки сирен. На парпетах появляются женские фигуры «Победы». На фронтоне—лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Руки и глаза всех находящихся на лестнице обращены вперед.	10 фигур «дев Победы» на парпетах.	Справа—Языкова. Слева—Мамаева.	10 аллегорич. костюмов. 10 париков.
39	На рostrальных маяках появляются фигуры «дев Победы». Пауза.	10 дев на рostrах.	Справа—Николаева. Слева—Архипова.	10 аллегорич. костюмов. 10 париков.
40	Пушечный выстрел с Петропавловской крепости. По площади проезжает броневик с аллегорич. фигурами Победы, сбрасывающими короны и мешки с золотом.	На броневике 15 мужчин, 10 женщин.	Фрейдин.	25 аллегор. костюмов.
41	Парад Красной армии.	Воен. орк., кавал., арт., мор., курс., пех.	Начальник гарнизона.	
42	Дымовая завеса на Неве. Рассеивается. Контуры кораблей. С пристани по боковым проходам мимо роstr появляются представители рабочих всего мира с эмблемами труда и плакатами.	100 представ. Европы. 100 представ. др. стран.	Руководители десятков.	100 мужских 100 женск. на циональных костюмов.
43	Заключительная группа всех на фронтоне Биржи. Большая наковальня и молот в центре. Малая наковальня на парпетах.	Все.		
44	С кораблей на Неве взлетают ракеты. Аэропланы разбрасывают прокламации. Дирижабль выкидывает плакат «Да здравствует III Интернационал». Проектора с роstr и из крепости. Общий фейерверк.		Командир миноносцев. Ком. Петропавловск. крепости.	

Бутафория.	Откуда идут.	Куда.	Какой оркестр.	Что играют.	Световые эффекты.
Домашняя утварь. Плакат «Венгрия».	Снизу, из за левого угла Биржи.	На крайний правый парапет.	Фанфары.		
200 красных звезд. 500 винтовок. Плакат «Красная армия защитница трудящихся».	Снизу из за правого угла Биржи. Из за колонн справа и слева. Вожди из середины. Красноармейцы из серед.	К центральному помосту. Расходятся веерообразно направо и налево вниз.	Центральный оркестр. Фанфары. Хор.	«Смело вперед, Коммунары».	Загорается красная звезда.
10 золотых труб.	Из за колонн.	5 на правый парапет. 5 на левый парапет.	Боковые оркестры. Сирены на миноносцах.	Гудки сирен. Звуки призыва.	Огненная надпись «Пролетарии всех стран, соединяйтесь».
10 золотых труб.	Из за правого и левого роstralного маяка.	На вершину правой и левой ростры.	Оркестр у ростр.	Звуки призыва.	На рострах. сигнальные огни. Факелы.
Броневик, короны и мешки с золотом.	Справа из за угла Биржи. С набережной у Бирж. моста.	Проезд через площадь налево Мимо Биржи по Универ. наб.	Центральный оркестр. Выстрел из Петропавл. крепости. Военные орк. Салют с Петр. крепости. Хоры у ростр.	Интернационал. Интернационал.	Дымовая завеса на Неве.
Эмблемы труда. (Следует детализован. выписка).	Из левого и правого прохода у ростр.	К лестнице Биржи.		Интернационал.	
Большая наковальня и молот. Две малые наковальни и два неболш. молота. Два аэроплана Пучки цветных прокламаций. Дирижабль. Плакат.	Группа на фр	онтоне Биржи.	Все оркестры. Все хоры.	Интернационал.	Огненные надписи: «Царству рабочих и крестьян не будет конца». Прожектора. Фейерверк.

звезды, Красная армия ведет героическую борьбу за дело венгерских, русских рабочих и рабочих всего мира. . . .»

А вот отрывок из рабочей партитуры¹. (См. таб. на стр. 70 и 71).

Организационный размах и формальные достижения массовых зрелищ 20 года едва ли могут быть оспорены. Их значение для современного театра бесспорно. Они заслуживают детальнейшего изучения, на которое, разумеется, не претендует настоящая статья. Но возникает другой вопрос: насколько ценны в смысле создания праздничной приподнятости, праздничного энтузиазма были вот эти так строго регламентированные зрелища? Ответ зависит от общей оценки культурной жизни 19—20 года, одним из самых ярких и полновесных выразителей которой были массовые зрелища. Но повторяю, для каждого очевидца этих зрелищ гигантский подъем, ими вызываемый, был ясен и несомненен. Героические празднества эти были неотъемлемой частью героических лет. Они были также дисциплинированы, как и пафос этих лет. Но в этой зависимости от обстановки военного коммунизма коренились причины быстрого распада традиции военных массовых зрелищ. Традиция эта в сущности обрывается 20 годом. На смену ей идут новые празднества, организованные на совершенно иных началах. Ячейками их и главными создателями становятся новые бытовые организации, художественные кружки рабочих и юношеских клубов. Но прежде чем перейти к этой новой поре массовых празднеств, поре чрезвычайно плодотворной, хотя внешне, может быть, и менее блестящей, удобно остановиться на отмеченной уже в начале статьи линии профессионально-зрелищной, т. е. рассмотреть методы использования в празднествах традиционных профессиональных сил. Это тем более уместно, что наивысшего развития своего и эта линия достигла в 20 и 21 году.

5

Первоначальные попытки продвинуть в дни торжеств профтеатральную продукцию в самую гущу празднующих масс относятся к начальным датам 18 года. Но лишь к первому 1919 года наметились организационные формы такого продвижения. Был разработан широкий план спектаклей и концертов в районных театрах и переброски летучих трупп по окраинам. План был осуществлен лишь в незначительной части. По городу курсировали четыре летучие группы, одна из которых имела в своем репертуаре „Петрушку“, сочинение Луначарского, единственный, кажется, раз испробовавшего себя тогда

¹ Рукопись партитуры хранится в архиве Социологического Комитета при Институте Истории Искусств.

в качестве эстрадного автора. Так же ничем не кончилась затея больших праздничных спектаклей во вторую годовщину Октября; помешало наступление Юденича. Но уже к весне следующего года масштаб распространения профессиональных праздничных зрелищ вырос неизменно. Случилось это все в ту же маевку 1920 года, являющуюся во многих отношениях узловым, вершинным днем в развитии празднеств. Распределением профессиональных зрелищ ведала в этот день централизованная комиссия Петроградского Театрального Отделения—ПТО. Размах был чрезвычайно широк. Задачей было наполнить город с вечера до глубокой ночи музыкой, пением, зрелищами. Центром гулянья был избран район Летнего сада и примыкающие сады. Туда была брошена целая армия профессиональных артистов всех родов искусства, заполнивших каждый удобный и неудобный кусок земли. На верхней террасе Инженерного Замка, лицом к Летнему саду расположился фанфарный хор трубачей. На лестнице под террасой профтруппой военного комиссариата под режиссерством Арбатова был поставлен „Иполит“, трагедия Еврипида. На полукруглом пруду Летнего сада был сооружен плот, на котором подвизался хор Архангельского. В большом Шоколадном павильоне на берегу Фонтанки играл Кукольный театр. На перекрестке у Малаго павильона—Театр Петрушки. Над Лебяжьей канавкой, на площадке „спящей Психеи“ труппа бывш. Маринского театра пела и танцевала Глюковскую „Королеву Мая“. Для танцев была использована приподнятая площадка, а оркестр заменили двумя роялями. На верховой дорожке играли какие то драматические труппы. На всем протяжении сада были разбросаны оркестры, трубачи, вплоть до граммофонов. На набережной Невы против сада выступала Певческая Капелла. По рекам, обтекающим сад, плавали лодки с певцами и гитаристами. Летний сад должен был стать на часы празднества поющим, звучащим и танцующим городом. В меньшем масштабе тоже происходило в окраинных садах.

Все характерно в этом празднестве, более всего пожалуй репертуар, традиционный, классический, с опрометчивой смелостью приновленный к садовому, уличному выступлению.

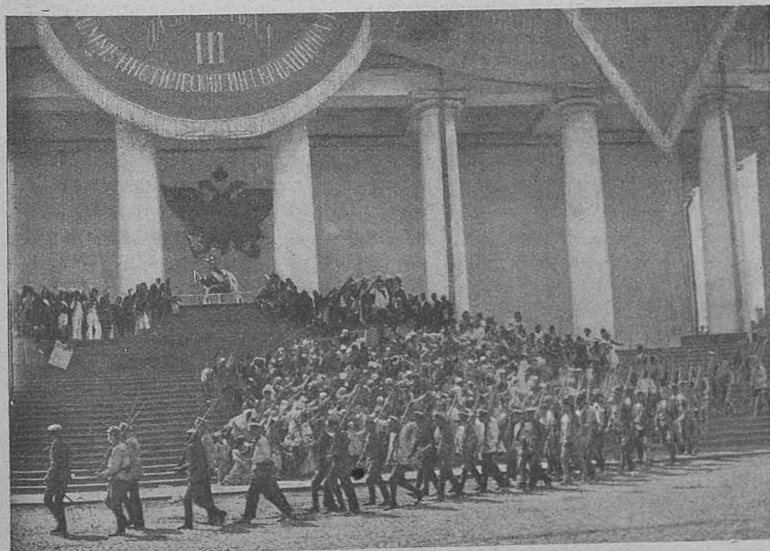
Еще более смелым организационным новшеством 1-го мая 20 г. были театры на трамваях. Трамваи ходили в тот год мало и с большим трудом. И все же, с утра 12 вагонов с прицепленными к ним грузовыми площадками, посредством разноцветных фанерных щитов, размалеванных холстов, бутафорских фигур, превращенные в фантастически пестрые балаганы, столпились на Михайловском кольце. С четырех часов вагоны пошли по звездообразным направлениям, каждый под руководством коменданта, имеющего в кармане точный маршрут с указанием пути и остановок. Вот примерный маршрут

площадки № 2. (Комендант В. Н. Соловьев. Репертуар—„Счастье планеты царя Магомета“ и „Петруша, который любит груши“). 1) Площадь Восстания, 2) Угол Лиговки и Обводного Канала, 3) Волково кладбище (здесь почему то был предписан „двойной спектакль“), 4) Угол Обводного и Забалканского, 5) Детскосельский вокзал („двойной спектакль“), 6) Владимирская площадь, 7) Летний сад (Летний сад был конечной точкой всех маршрутов). Или маршрут № 7: комендант Радлов. Репертуар:—„Происки капиталиста“ и „Волшебная гармоника“. Маршрут 1) Деревня Мурзинка, 2) Апраксин сад, 3) Обуховский сад, 4) Село Фарфоровое, 5) Церковь Михаила Архангела, 6) Невско-механический завод, 7) Лавра, 8) Летний сад.

✧ Пути, как видно, довольно длинные; выступать приходилось часто, каждый раз под возбужденный гул тесно обступившей, грузно прижавшейся к платформе праздничной толпы. По инструкции надлежало трубою и барабаном возвещать о прибытии трамвая-театра на место. На деле же толпа ждала представления, собравшись задолго до прибытия трамвая, у пункта, заранее означенного зеленью и плакатами. Представления были короткие и сопровождалась музыкой. Артисты переодевались в моторном вагоне и сквозь толпу пробирались на платформу. Зрители, в особенности молодые, с гиком и криками провозжали трамвай, и так неслись эти пестрые, размалеванные театры на колесах вдоль облезших, полуразрушенных улиц 1920 года. Репертуар площадок резко отличался от представлений в Летнем саду. Особенности исполнения настойчиво требовали новой формы и вдохновляли авторов к изобретательности. Акробатические приемы, плакаты, характерная бутафория играли большую роль в этих представлениях. И хоть художественный уровень их был не особенно высок, хоть дело и не пошло дальше аллегорических сцен и наивных шуток, но все же «трамвая-театрам» 1920 года принадлежит видное место в уличном искусстве революции.

Организационный метод был правильно найден в этом празднестве. Он оставался тем же вплоть до (примерно) Октябрьской годовщины 1922 года—до дня пятилетия Советской власти. Каждый раз штаб-тройка брала на учет, с одной стороны, могущие быть мобилизованными (для 20 и 21 года этот термин следует понимать в прямом и точном смысле) профессиональные исполнительские силы, с другой—возможные пункты закрытых и открытых выступлений. Число отдельных групп и трупп дошло в мае 1921 года до 300 и более. Мобилизованный транспорт—автомобильный, гужевой, вплоть до старинных линеек из придворных конюшен, с полудня развозил артистов по городу. На каждую группу приходилось по несколько выступлений, и часто грузовики и линейки как бешеные неслись из конца в конец, с Охты на Пути-

ловский. В штабе празднества ежечасно принимали оперативные сводки и заявки с мест. Не все обходилось гладко. Трупы застревали в пути и приходилось спешно мобилизовывать и досылать запоздалые резервы эстрадных и балабачников. Истошив энергию и чрезвычайные полномочия в самый день празднества, «тройки» затем быстро сходили

на нет, исчезали, и рояли и пианино, завезенные в разгар празднества в далекие загородные сады, порою по неделям продолжали стоять в аллеях.

Повторяю, в очень своеобразной организационно-бытовой стороне наибольший интерес этой линии Ленинградских празднеств. Двигавшаяся почти полностью в рамках использования традиционной художественной продукции и привычного профессионального мастерства, линия эта внесла немного формальных новшеств, художественных достижений, нового актуального содержания. Разрыв между профессиональными зрелищами и праздничной толпой из года в год, поэтому, возрастал. Вот причина того, что к 22-му и 23-му году волна праздничных профессиональных зрелищ спадает. Их начинают заменять, а позднее почти полностью вытесняют зрелища, рождающиеся из самой праздничной толпы, из ячеек рабочих клубов. Так, почти одновре-

менно, массовые военные зрелища и профессиональные уличные развлечения уступают место зрелищам и празднествам клубного самодельного театра.

6

Здесь снова надлежит вернуться к истокам, к 19-му году. Работа Красноармейской мастерской, бесспорно, была характерным примером самодельного театра, правда в своеобразной, военной среде. Следы массовых действий, самопроизвольной активности праздничной толпы можно найти и в ряде последующих празднеств. Изумительная маевка 1920 года и здесь стоит в центре. Она была ознаменована не только массовым военным зрелищем и профессиональными гуляньями о которых речь была выше,—она началась двумя величественными, подлинно-массовыми «действиями», двумя гигантскими субботниками. 20 год богат событиями необычайной зрелищной красоты. Но эти майские субботники едва ли не превосходят все. С раннего утра по пушечному сигналу и под музыку военных оркестров десятитысячная толпа начала разбирать ограду Зимнего Дворца. К двум часам работа была закончена. Огромные каменные глыбы и связи металлических решеток еще несколько лет спустя продолжали лежать на набережной. В разгар празднества их не успели увезти, а после не хватило сил. Самое действие разрушения ограды имело ясный и всем понятный символический смысл. Подобный же смысл был вложен и в другой субботник—еще более грандиозный, одновременно происходивший на Марсовом поле. Здесь собралось до 16 тысяч человек. Предстояло в один день превратить в сад каменистую, пыльную площадь. Поле было разбито на 50 участков. Работающие—на четверки. В углах поля беспрерывно играли оркестры. Ряд театров в полном составе пришел на площадь. Поэты Пролеткульта читали стихи. Знамена, принесенные с собою манифестациями, были сложены у Братских Могил. К 6 часам вечера было посажено до 60 тысяч кустов акаций и вербы. Сад зазеленел. Правда, очень не надолго. К середине лета посаженные неумелыми руками на невозделанной почве и не вовремя растения завяли. К следующему году Марсово поле было отдано под огород и засажено картофелем и капустой. Лишь спустя несколько лет, здесь вновь расцвел цветник, разведенный уже руками профессионалов. Посадка сада имела, таким образом, как и разрушение ограды, чисто символическое, зрелищное значение. Это не делает изумительное явление менее значительным. Это лишь дает ему большее право на место в хронике празднеств.

Участие масс в зрелищном оформлении празднеств с тех пор не прекращалось. На открытии «Острова отдыха», рядом со зрелищем «Блокады России», происходили гулянья среди изукрашенных гигант-

скими фанерными цветами аллеи и катанья на лодках под красными парусами. Важной датой является в этом смысле 7-е ноября 20 года. Как уже сказано, в этот день было разыграно последнее и самое величественное из массовых военных зрелищ — «Взятие Зимнего Дворца».

Но в этот же день была сделана попытка организации праздника по совершенно иному методу и плану.

Вот как несколько витиевато возвещалось об этом в современном «манifeste». — «Празднство проводится в залах дворца Урицкого Зимнего дворца, Морского корпуса и Путиловского завода. Дворцы и залы украшаются флагами и разноцветными лампочками. Празднство начинается с массового зрелища в исполнении объединенных драматических и хоровых кружков рабочих, красноармейских и матросских клубов. В основу зрелища, короткого и сосредоточенного, построенного на массовых движениях, шествиях, песнях кладется картина трех лет Советской республики, Октябрьская Революция, борьба на фронте, субботники; или же картина разгорающегося революционного пожара на Западе; стачки, советы действия, рабочие

советы. По мере приближения к концу, празднества переходят в манифестацию, переносящуюся в зал и заканчивающуюся общим пением и пляской всех присутствующих на празднестве. Участники зрелища заводят танцы и втягивают в них остальных. Танцы перемежаются с процессиями масок, играми, песнями. Общий лозунг празднества — народная радость. Это — бал коммунистического общества в завоеванных им дворцах».

Широкий план на деле осуществился далеко не полностью. Все же в ряде мест, в частности в Таврическом дворце и Морском корпусе, участники этих „коммунистических балов“, маскированные фигуры „лордов“, „попов“, „Западных рабочих“, с песней „Смело товарищи в ногу“ и „Смело мы в бой пойдем“ до утра кружились вдоль посеребренных изморозью колонн Екатерининского зала и мимо гигантской статуи Петра в зале морского корпуса. Но еще значительнее была самая установка на объединенные драматические кружки рабочих клубов, впервые сделанная в этот день. Именно отсюда начинает складываться новая традиция празднеств, организуемых уже не путем мобилизации связанных военной дисциплиной масс, не путем привлечения профессиональных сил, а растущая из культурных и творческих ячеек молодых революционных классов, из ячеек самодеятельного театра.

Эти ячейки принесли с собой „инсценировку“, а за нею и ряд других праздничных форм, они определили дальнейшие пути празднеств, а отчасти и пути профессионального театра. Уже следующее большое торжество (пропускаем день Красной Армии 1921 года, повторивший схему 1920 года), уже праздник Парижской Коммуны 1921-го года, совпавший в этот раз с 50-тилетием Коммуны, был озаглавлен районными выступлениями объединенных клубных кружков с инсценировкой „о Коммуне“. Военные события, — Кронштадтское восстание, отодвинуло день празднества. Оно состоялось 9 апреля в 6-ти районных залах города. В основу каждого празднества был положен общий текст, более или менее изменяемый в зависимости от возможностей и инициативы кружков ¹.

Текст был разработан в приемах, уже установившихся для массовых инсценировок и восходящих в значительной своей части к опыту Красноармейской Драматургической Мастерской. Революционное событие излагалось в последовательных эпизодах и через концовку политического митинга связывалось с современностью. В центре стоял хор — парижские рабочие с вожаком, корифеем Делеклюзом. Враги олицетворялись в Тьере и „масках“ буржуа, жандармов и генералов. Дей-

¹ Текст этот впоследствии издан Ленгизом в сборнике „Парижская Коммуна“ 1925 г.

стве происходило на двух площадках, изображавших восставший Париж и белый Версаль. В зависимости от местных условий, эти две площадки то были размещены в противоположных концах зала, то выстраивались на общих подмостках. „Инсценировка“ разворачивалась в ставших уже традиционными приемах: одна за другой следовали манифестации, песни хоров, речи, бой, шествие с телом убитого, стрельба, общий митинг с заключительным „интернационалом“. В каждом празднестве участвовало до 100 человек. Всего следовательно по 6 районам до 600. Цифра небольшая по сравнению с тысячами, участвовавшими в массовом зрелище у Фондовой Биржи, но не следует забывать, что на этот раз эти 600 были собраны на началах объединенной творческой работы. Попавший в тревожную пору, искусственно отсроченный и тем вырванный из календарного гнезда, праздник 50-летия Парижской Коммуны прошел не очень удачно. Значительно интереснее был последний эпизод этого затянувшегося празднества, зрелище поставленное на площади Восстания к дню „гибели Коммуны“ (май 21 года. Режиссер Хильевич). Празднество было разыграно на помосте вокруг памятника Александра III. Сценарий его своеобразно совмещал текст „инсценировки“ 9 апреля с эпизодом Парижской Коммуны, явившемся в свое время первой частью массового зрелища у Фондовой Биржи 19 июля 1920 года. Оттуда была позаимствована дымовая завеса, осуществленная с помощью дымовых шашек военного образца и в качестве своего рода воздушного занавеса, закрывавшая место действия. Зрелище, разбитое режиссером на 92 выхода ¹, было проведено по принципам военных зрелищ 1920 года, но при участии объединенных клубных кружков Центрального Городского района. Вот—любопытный пример связи традиции массовых празднеств первого и второго периода.

Первой 1921 года. Любопытнейшей его частью явилась присяга — торжественное обещание Красной Армии, впервые в массовом порядке проведенное в этом году. Эта торжественная присяга, богато оформленная зрелищно, продолжала линию бытовых торжеств. Не все осуществилось полностью. Предполагалось развернуть массовое действие на площади, иллюстрирующее рост Красной Армии и завершающееся церемониальным выходом знаменосцев с процессией танков и броневиков из ворот Зимнего Дворца. Осуществлено было многоголосое чтение присяги частями, сгруппировавшимися вокруг автомобилей—эстрад. Шестые знаменосцев обходили площадь. Аэропланы сбрасывали бумажные красные звезды (Мотив, пошедший еще от 1919 г.). Октябрь 1921 года привел к дальнейшему развитию клубной „инсцени-

¹ Партитура хранится в архиве Социолог. Комитета Инст. Ист. Искусств.

ровки". В этот день впервые выступила со своей инсценировкой „Дума об Октябре“, Центральная Студия Губполитпросвета (позднее — гос. Агиттеатр. Руководитель В. В. Шимановский). Это значительное явление, потому что, начиная с этого дня, Студия выступает как активнейшая сила в организации празднеств, играя в этот второй, клубный период празднеств примерно ту же роль, которую Красноармейская Мастерская сыграла в первый, военный их период. Студия взяла на себя трудное дело накопления и усложнения очень элементарных сначала приемов „инсценировки“ и руководила на этом пути художественными кружками рабочих клубов. Решающей вехой явился день „Кровавого Воскресенья“ 1922 года. Студия, а за ней и рабочие клубы, поставила в этот день инсценировку „Три дня“, ставшую показательной для всего последующего периода празднеств¹.

Чрезвычайно характерно, в смысле эволюции празднеств, сравнение между „Тремя днями“ и „Свержением самодержавия“ Красноармейской Мастерской. Сходство здесь очевидно. Те же произвольные хронологические переборки при непрерывности сценического действия, те же изменения условного обозначения места действия при неизменной расчлененной сценической площадке. И здесь и там это стало возможным благодаря тому, что героем зрелища оставался единый неизменный „хор“, и благодаря тому, что „пространство“ было и здесь и там понято, как некоторая топографическая реальность. Но эти общие композиционные приемы разработаны в „инсценировке“ 1922 года значительно более сдержанно и сосредоточенно, чем в элементарном, разбросанном „игрище“ 1919 года. Музыка, хоровое пение, диалог, заменяют здесь стрельбу, штыковые атаки, митинговый крик, неизбежные в празднествах девятнадцатого года. Хоровое пение и чтение вообще становятся с этих пор главенствующим формальным моментом „инсценировки“. Сохраняются в силе контрасты героического и плакатно-буффонного стиля. Сохраняются и характерные „маски“ врагов революции.

Все расширяя свою роль объединителя и организатора рабочих кружков, «Студия» провела большую работу в день «Парижской Коммуны», «1-е мая» и «Июльских дней» 1922 года. День «Парижской Коммуны» прошел в общем по планам предшествующего года, но более удачно и с той разницей, что вместо шести на этот раз в празднестве приняли участие до 20 клубов. В ходу было 3—4 варианта праздничного сценария.

Сценарий «Студии», поставленный первого мая, обнаружил любопытный, но довольно опасный и скоро изжитый и рабочими кружками

¹ Текст издан впоследствии Лен. Губполитпросветом.

уклон в сторону искусственной, надуманной обрядности. В майском празднестве 1922 года, осуществленном в Екатерининском зале Дворца Урицкого фигурировали и освещение знамени, и церемониал похорон красноармейца, и хор девушек с молодой зеленью в руках. Но на ряду с этой обрядовой перегрузкой, повторяем, скоро исчезнувшей, это же празднество обнаружило вполне здоровую и правильную связь «инсценировочного зрелища» с реальным митингом, происходившим одновременно в зале Заседаний Дворца Урицкого.

Июльские дни впервые были проведены в 1922 году не в митинговом только, но в зрелищном порядке. Вариантов «инсценировки» существовало до десяти¹. Число рабочих клубов втянутых в праздник исчислялось несколькими десятками. А это означало уже очень многое. Это означало, что праздничные выступления самодеятельных клубных кружков, тесно связанные с новыми формами быта, уже брали верх над концертами-спектаклями передвижных профессиональных трупп. Характерно безоговорочное признание ценности июльских клубных выступлений в современной партийной печати. «Выступают рабочие, матросы, солдаты и крестьяне, которые говорят о том, что их ожидания обмануты. Рабочие не завоевали свободы, крестьяне не получили земли, солдаты мрут в окопах. Шумной демонстрацией идут они к Совету, но Чхеидзе и Черновы отказываются идти с рабочими и призывают юнкеров. Грозным предсказанием пронесется слова большевика, успевающего крикнуть, что будут отомщены дни 5-го июля.

Товарищи с Третьей электростанции поставили инсценировку своими силами после недельной работы. Здесь все зрители—участники событий. Рабочие внесли в действие массу движения и революционного энтузиазма. („Петроградская Правда“, июль, 1922 г.).

Окончательной победы новая система празднеств достигла в годовщину Октября 1922 года, в дни пятилетия Советской власти. Праздник этот, широко задуманный и широко, хоть и не полностью, осуществленный, един по своему основному стилю, и этот стиль—стиль самодеятельного искусства, празднично оформленного быта. Не были осуществлены проекты театрализованной закладки Морской набережной на Вас. Острове и нового «Парка Революции» на Петроградской стороне. И то и другое должно было явиться соединением зрелищ с символическими действиями и реальными трудовыми процессами. Это должно было, таким образом, служить продолжением символических суббогников Первой 20 года. Осуществленные зрелища в «Дни пятилетия» распадаются на три основные части: 1) «Праздник Конститу-

¹ Некоторые из них впоследствии изданы в «Сборнике инсценировок» Губполитпросветом,

ции» на площади Урицкого; 2) праздник «Победы» в Оперном Театре Народного Дома и 3) церемониал переименования, «крещения» петроградских заводов. Все три праздника характерны своими организационными и методическими отличиями от массовых зрелищ 20 года. «Взятие Зимнего Дворца» было осуществлено в свое время при помощи многих тысяч участников. «Праздник Конституции» 22 года, проведенный на той же площади Урицкого был построен с таким расчетом, чтобы дать возможно большее зрительное впечатление при максимальном использовании не живой только силы участников, но и света, и звука, и огня. Праздник был связан с торжественными проходами делегатов 4-го Конгресса Коминтерна. Провожающие с факелами в руках возвращались по Октябрьскому Проспекту и через арку Штаба вышли на площадь Урицкого. Шествие сразу вступило в освещенную прожекторами полосу. Вспыхнули огни по карнизам зданий. Оркестровая встреча. Голос в рупор провозглашает основные положения Конституции. Киноаппараты выбрасывают те же лозунги на полотно больших экранов. Пушечный выстрел. Голос в рупор провозглашает: «В первый год нашей власти мы освободили землю от собственников и заводы от подневольного труда. Да здравствуют свободные наши дети!» Взлетает одна ракета. По широкому проходу вдоль дворца проходит шествие всеобща со спортивными упражнениями. Голос в рупор: «Год второй. Мы призвали народы всего мира к восстанию. Мы сказали им: вместе зажжем революции всемирный костер». Взлетают две ракеты. По углам площади загораются фейерверочные костры. «Год третий. Тогда враги окружили кольцом блокады Республику нашу. Мы взяли в руки оружие и победили. Да здравствует Красная Армия!» Три ракеты. Из темноты соседней улицы вырывается конница и с факелами в руках проскакивает мимо дворца. За ней ползут броневики и грохочет артиллерия. Праздник кончается пятью ракетами—«Знак пятилетия» и призывом—«Всемирной Коммуны солнце взойдет!» Загораются и вертятся огромные бриллиантовые солнца. Общий фейерверк.

Из краткого описания ясен основной метод этого празднества:— попытка координировать воздействие вещей, света, музыки и людских толп.

В тот же день состоялось совсем иного характера торжество в Оперном Театре Народного Дома¹. Это было первым действительно монументальным достижением объединенных клубных, хоровых и драматических кружков. На огромной сцене Оперного Театра, открытой до последних планов, на покатоном помосте расположился объединенный рабочий хор, до полутора тысяч человек. Целое черное и красное море

¹ Режиссеры—И. Немцев и С. Радлов.

голов, платков, блуз. Посреди этого моря — на двух саженной высоте мостки, ограниченные конструкцией из колес и приводных ремней. На мостках, как бы плывя над головами хора, разместились актеры. Праздник развернулся в параллельном сочетании хоровых песен и пантомимы актеров. Хор поет о войне — на подмостках проводы уходящих красноармейцев. Бой. Герои падают. Траурная песня хора. Победные песни. Трудовые песни. Праздничные пляски на подмостках. Отдельные мотивы этого празднества нетрудно найти в предшествующих «инсценировках». Но новой и чрезвычайно удачной оказалась вот эта последовательно проведенная контрапунктовая связь между хоровой песней и символической пантомимой. Новым был также размах этих песен, звучавших в исполнении полуторатысячной толпы. Это было прекрасной победой Ленинградского рабочего хора, с тех пор еще не раз выступавшего на празднествах. Зрелище «Победы Революции» бесспорно наметило ряд сложных и интересных формальных задач по координации массового пения, с движением, монументальной толпы с отдельными исполнителями. Задач, до конца до сих пор еще не разрешенных.

Все же наиболее массовым моментом в празднестве «пяtilетия» явилось переименование заводов. Задачей было ознаменовать начавшуюся пору хозяйственного возрождения заменой новыми советскими именами старых «леснеров» и «речкиных». Подготовительные работы велись давно. Заводские организации выносили постановления о новых названиях. Промбюро их утверждало. Заводские клубно-художественные кружки разрабатывали церемониал переименования. Празднество состоялось на большинстве заводов в ночь с 6-го на 7-е ноября. Чрезвычайно тесное взаимоотношение реальных, подлинных деловых действий с действиями художественного и символического порядка — вот характерная особенность этого праздника. Это взаимоотношение, не однажды намечавшееся и раньше, все же ни разу до этого празднества не было достигнуто с такой полнотой. Заводский Комитет, Коммунистическая ячейка, заводская дирекция и художественные кружки действовали здесь рядом и вместе. Переименование происходило по разному, с множеством местных и профессиональных особенностей. Примером может послужить праздник на Путиловском заводе, переименованном в этот день в «Красного Путиловца». Праздник начался в большом деревянном бараке, временном клубе завода. На эстраде — пять ступеней — пять лет Советской власти. За последней ступенью занавес. Проходит краткая инсценировка обычного типа, иллюстрирующая пять прожитых лет. Подымается занавес. За ним — председатель завкома, дирекция и другие заводские организации. Вручается знамя с новым наименованием завода. Хор поет. Краткие

речи. Во главе со знаменем толпа выходит из барака, с факелами в руках обходит в темную осеннюю ночь всю огромную территорию Путиловского завода. Остановка у ворот. Под пение и удары в накопальню снимается старая вывеска и прибивается новая. Шествие идет дальше, останавливается перед отдельными мастерскими и цехами. На других заводах, вместо знамени несли портрет нового шефа завода, порядок менялся, но общий характер бытового празднества оставался тем же.

Празднеством „Пятилетия“ заканчивается эта краткая хроника. Сделать это тем более удобно, что именно этот праздник утвердил новые праздничные формы, выросшие из самодеятельной театральной работы клубных кружков. К клубной „инсценировке“ прибавились «живая газета», «литомонтаж» и другие формы самодеятельного искусства. В красный календарь вошли две новые даты, день «Конституции Союза» и траурный день смерти Ленина, но самодеятельные клубные кружки продолжали определять собою характер празднества. Мало по малу главнейшей частью торжественных дней начал становиться политический карнавал, выросший из традиционной манифестации и зрелищно обогативший ее. Этот карнавал, с его шумными и пестрыми платформами, символическими фигурами, метафорическими группами, был прямым развитием самодеятельного искусства, был огромной „инсценировкой“ поставленной на колеса. Праздничным карнавалом отмечены даты 24-го и 25-го года. Но это уже относится к временам, когда ленинградские празднества стали объектом тщательного статистического учета, это уже материал для последующих статей этого сборника.

Хронологическая схема Ленинградских празднеств

Когда.	Какой праздник.	Что происходило.
7/II/1918	2 годовщина Октября.	Декоративное убранство города художниками-футуристами. Мистерия-буфф.
11/III/1919	Свержение самодержавия.	Праздник Свержения самодержавия, организованный Красноармейской Т. Д. мастерской.
1/V/1919	2 Советская маевка.	Передвижные труппы и группы. „Петрушка“ Луначарского.
7/XI/1919	2 годовщина Октября.	Праздничные спектакли в театрах. „Красный год“ в исполнении Красноармейской мастерской.
22/I/1920	Кровавое Воскресение.	„Кровавое Воскресение“ в Народном Доме. (Красноармейская мастерская).
23/II/1920	2 годовщина Красной армии.	«Меч мира» в цирке Чинизелли.
18/III/1920	Парижская Коммуна.	«Гибель Коммуны» — красноармейский спектакль в Оперном театре Народного Дома.
1/V/1920	3 Советская маевка.	«Мистерия освобожденного Труда» у Фондовой Биржи. Празднества в Летнем саду. Трамвай - театры. Разрушение ограды у Зимнего Дворца. Посадка сада на Марсовом поле.
20/VI/1920	Открытие Острова Отдыха.	Зрелище «Блокада России» в амфитеатре на Каменном острове.
19/VII/1920	2 Конгресс III Интернационала.	Зрелище «К мировой Коммуне» у Фондовой Биржи.
8/VIII/1920	Красносельский праздник	Массовое зрелище в Красносельских лагерях.
7/XI/1920	3 годовщина Октября.	«Взятие Зимнего Дворца». «Коммунистические балы». Праздничные спектакли в театрах.
22/I/1921	Кровавое Воскресение.	«Инсценировки» в рабочих клубах.
23/II/1921	День Красной Армии	«Меч мира» в цирке Чинизелли.
9/IV/1921	50-летие Парижской коммуны.	«Инсценировки» в шести районах.
1/V/1921	4-я маевка.	«Инсценировки». Присяга Красной Армии.
21/V/1921	День Парижской Коммуны.	Массовое зрелище на Площади Восстания.
7/XI/1921	4 годовщина Октября.	«Инсценировки» в рабочих клубах. «Дума об Октябре» в Центральной Студии Губполитпросвета.
22/I/1922	Кровавое Воскресение.	«Три дня».
18/III/1922	День Парижской Коммуны.	«Инсценировки» в Центральной Студии и рабочих клубах.
1/V/1922	5-я маевка.	«Инсценировка» во дворце Урицкого.
16/VII/1922	Июльские дни.	«Инсценировка» в рабочих клубах.
7/XI/1922	5-тилетие Советской власти.	Праздник Конституции на площади Урицкого. Празднество «Победы» в Народном Доме. Переименование заводов. Праздничные спектакли в театрах.

МАССОВЫЕ ПРАЗДНЕСТВА
ЛЕНИНГРАДА 1924—25 г.

I

Эпоха военного коммунизма сменилась хозяйственным и промышленным строительством страны. Стратегические и тактические задачи Союза были перенесены с театра военных действий на заводы и фабрики. Образовался новый фронт—хозяйственный. Эта новая эпоха также ярко и естественно нашла себе отображение и в массовом празднестве. Здесь прямая и железная зависимость праздника, а в частности и того искусства, которое его оформляет, от быта и общей структуры общества, в котором рождается празднество. Эта зависимость определяет также и то характерное явление, которое нельзя не заметить на наших празднествах. Новый фронт, заменил прежний в полном объеме. В нем не только промышленное и культурное завоевание и закрепление этих завоеваний пролетариата, но через это строительство и путь к дальнейшим победам. Стратегические задачи этого фронта объединяют в себе и хозяйственные, и политические устремления рабочих масс. Это объединение логически отражается не только в целом, но и в отдельных деталях празднества—явление настолько очевидное и оформившееся, что приобрело уже четкую формулировку. «Содержание праздника всякий раз определяется всей совокупностью международной политической обстановки, положением рабочего класса и его успехов в борьбе за мировую пролетарскую революцию». («Накануне 1-го Мая 1926 г.»).

Мы говорим, конечно, здесь преимущественно о больших календарных и обще-союзных празднествах: Май, годовщина Октября, МЮД и т. д.; но это же влияние, как правило, мы встречаем и в большинстве местных массовых празднеств. К такому «революционному синтезу» мы еще вернемся в нашем сборнике в статье «Май 1925 г.».

Новый фронт вызвал к жизни новый характер праздника, а вместе с ним и новые организационные формы.

Основными участниками зрелищной стороны праздника стали в подавляющем числе фабричные и заводские ячейки. На их «работе» лежит центр тяжести оформления праздника, они дают всю ту яркую политсатиру, которая пререзает праздник, они приводят на площадь Урицкого свои работающие станки, они «подлинны^е кузнецы» отбивают на «подлинных» наковальнях марш, и среди них же «Красный

Треугольник» один из первых дает задекорированный автомобиль — свою классическую «галошу», в которую «сажает» полную шаржа «Антанту». Эта «галоша» Треугольника на равных правах с играми на Фондовой Бирже войдет в историю массовых праздников.

Нельзя не указать на ту большую организационную роль в празднестве, которую сыграла структура Единых Художественных Кружков; она дала стройное и совместное, а подчас и органически слитное выступление отдельных видов искусства в работе фабрично-заводских художественных ячеек.

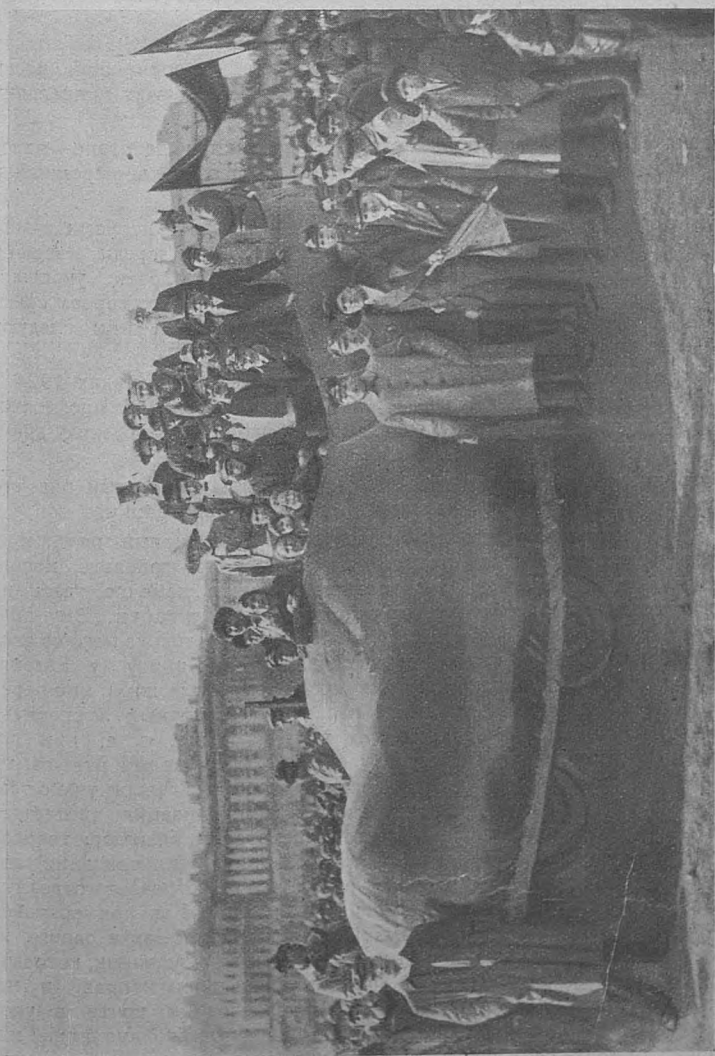
Обобщающей формулой течения демонстраций в изучаемых нами праздниках могут служить следующие пять моментов:

1. Сбор на местах (до всего района включительно);
2. Шествие к центральному месту демонстрации;
3. Прохождение мимо трибун (в том числе и митинги у них);
4. Возвращение по местам (районам)
- и 5. Роспуск.

Все эти пять моментов имеют совершенно своеобразные характеры и крайне различные временные длительности. В зависимости от того, в какой последовательности районы идут к центральному месту демонстрации, обуславливается не только длительность ожидания на сборных пунктах для каждого района, но и характер шествия района. Если он головной, то у него лишь незначительное ожидание вначале и ровный шаг в дальнейшей демонстрации; если он ближе к хвосту, то в том или ином месте, а ему приходится останавливаться и ждать. Тогда среди колонн разворачиваются отдельные и импровизованные митинги, игры, танцы и т. д. Звучат оркестры; взлетают вверх над головами платочки и кепки — это «качают»; поет импровизованный хор. Громадное значение имеет в данном случае также погода. Не нарушая демонстрации, как мы это увидим дальше в сборнике, она сказывается на динамичности вот таких отдельных местных кусочков праздника.

Из кого состоят колонны демонстраций этих праздников? Это в первую очередь основное ядро — масса демонстрантов, в том числе красноармейские и краснофлотские части; далее производственные группы, спортивные и пионерские организации и, наконец, инсценировочные группы. Таково в грубом виде деление колонн по их содержанию. Каждый праздник видоизменяет их численность, обособленность в шествии, а в целом дополняет или уменьшает намеченное нами деление.

Далее, способ передвижения: пешие и конные группы, повозки, автомобили, велосипеды и, наконец, единичные участия аэропланов. Содержание каждой отдельной такой группы также может быть классифицировано хотябы по их роли в празднике.

Гораздо сложнее дать обобщающую формулировку хотя бы только с формальной стороны содержания изобразительно-зрелищной части демонстрации. Имея много общего между собой, каждый праздник вносит свои яркие детали.

Вещь, слово (речевое и написанное), звучания и действие—являются основными составными частями такой изобразительно-зрелищной стороны праздника.

Все они, как мы уже говорили, сплетены живыми нервами с эпохой того праздника, в котором они рождаются. Если среди «вещей» 1918 года было понятно преобладание гигантских полотен, украшавших в дни празднеств город, то также естественно, что героем среди «вещей» Маевки 1925 года выступает «трактор», а за ним следуют экспонаты, монтаж диаграмм и т. д.

Также естественно и понятно, что на массовых праздниках 1924—1925 г.г. профессиональный театр, да и весь театральный профессионализм, уступает место самодеятельности фабрично-заводских драмкружков.

Говоря о театре на празднике, надо отметить еще целый ряд его особенностей, связанных с работой во время демонстрации.

В инсценировке на массовом празднестве есть целый ряд своих чисто технических преград, которые приходится преодолевать исполнителям, и специфическая «театральная» техника, конечно, здесь не может оказать во многом помощи участнику демонстрации. Ему приходится «играть» перед зрителем, расположенным вокруг него со всех четырех сторон, перед зрителем, находящимся или внизу (у автомобиля), или только в плотном кольце (среди сопутствующих), или перед зрителем, расположенным на много выше его (трибуны); «говорить» на открытой площадке и вслед за тем в узкой улице, т. е. при постоянно меняющихся акустических условиях. Здесь целый ряд самых капризных вариантов для работы исполнителя. Я не говорю уже о том, что на 90% здесь чаще всего встречается импровизация чистой воды, из которой исполнитель выходит победителем, благодаря твердой базе этих импровизаций—классового сознания. Импровизация эта осложняется вдобавок тем, что она ежеминутно встречает ответные реплики и даже «игру» со стороны «зрителя». Как пример такой «ответной» игры, приведу следующий случай: на площадке одного из автомобилей среди других персонажей находился священник, который, проезжая мимо шпалер зрителей, помахивал кадилом направо и налево; и вот один из взмахов кадила направляется им почти в упор к конному милиционеру; с самой добродушной улыбкой на лице, милиционер выхватывает шашку из ножен и замахивается ею над свя-

щенником. Кругом хохот, шутки и перебегающие реплики между автомобилем и «зрителями». Священник, конечно, не остается в долгу и, пока милиционер прячет шашку в ножны, он сыплет на него целые пачки юмористических проклятий. Все это совершается в течение какихнибудь 30—40 секунд в быстром и твердом темпе, при самом близком участии окружающих их зрителей. Все это хотя и можно назвать театрализованными моментами, но уже, конечно, не того «театра», который мы привыкли подразумевать, когда говорим это слово. Здесь, с одной стороны, мы наталкиваемся на целый ряд утерянных в театре понятий и приемов игры на открытой площадке или подвижной площадке, а, с другой стороны, перед нами всесторонний подход к лицу совершенно новые корни и импульсы творчества, рождающегося в социальной динамике и тем самым органически связанного с сегодняшним днем.

Слово выступает в речивых лозунгах, приветствиях, текстах песен, инсценировках, надписях на знаменах, стягах, бортах автомобилей и т. д. и т. д. В нем отражается не только тематическая сторона праздника, но и характеристика праздника с чисто зрелищной стороны. Как пример возьмем сравнение приветствий колонн в Октябрьские и Майские дни и рядом с ними сопоставим приветствия же Дня Просвещения и МЮД'а.

В звучаниях же праздника особый интерес, кроме музыкальных выступлений, оркестров и хоров, крайне любопытное явление представляет также тот звуковой фон, на котором проходит празднество. В Октябрьские дни 1925 года от полного молчания (условно) звуковой фон доходит, если так можно сказать, до крайне многочисленного состава. Был момент, когда одновременно слышалось: «оркестры, барабанный бой пионеров, доносились звуки хоров, «ура», шум пропеллера аэроплана, стрельба орудий и, наконец, звон... колоколов ближайшей церкви».

II

Год от года массовые праздники принимают все большую организованность и с наибольшей ясностью отражают весь порядок революционного и трудового быта. С другой стороны, в той же прогрессии возрастает вместе с организованностью общего порядка массовых празднеств и организация их оформления.

Что же мы сохранили в результате этих лет в качестве материалов и документов для будущего историка массовых празднеств?—ничего. Да, наконец, и не во имя только чисто академической историо-

графии может возникнуть этот вопрос. Для сегодняшнего дня есть более насущная потребность знать вчерашний наш день: он должен быть учтен, исследован и оценен, чтобы на его ошибках и достижениях построить еще более организованно еще более твердо наш сегодняшний и завтрашний день. Чем же мы владеем из прошлого сейчас для того, чтобы по нему корректировать в дальнейшем массовый праздник?

Навыки. Да, безусловно, они есть, но все они бродят, как словесные предания, все они связаны с индивидуальными возможностями организаторов; если они где либо и записаны, а есть даже печатные работы, то ~~они~~ они настолько общего характера, что по отношению к прошлому они могут служить только, как клочки воспоминаний современников, а те, которые говорят о будущем, сводятся к «проектам», так как, чаще всего, они крайне слабо подкреплены какими либо фактическими данными.

На пути к сохранению материалов нашего революционного прошлого и настоящего должен встать прежде всего учет, как основа всех дальнейших выводов, предположений и мероприятий.

Первая попытка учесть и описать массовый праздник была сделана Театральной Лабораторией Государственного Института Истории Искусств в Ленинграде в ноябре 1924 года. Попытка, лишенная какой бы то ни было поддержки и очень ограниченная в своем людском составе (она могла дать всего только десятка полтора учетчиков), сталкивалась на каждом шагу своей работы с целым рядом препятствий. А между тем учет надо было производить только организованным и методически-обоснованным порядком с тем, чтобы охватить вею демонстрацию как в целом, так и, по возможности, во всех ее деталях. Ходить же просто по улицам с блокнотами среди двухсоттысячной толпы, вернее, толкаться и ничего не увидеть и не собрать ничего цельного—являлось бесполезным занятием. Конечно, никто и не думал итти на „учет“ подобного рода. Уже тогда зарождалась мысль об организации пикетов и порайонного учета. Надо было только найти место и способ взять все от района в смысле описания и учета его демонстрации, так как наиболее исчерпывающий учет как числового состава организаций, людей, и повозок, автомобилей, знамен, стягов, плакатов, масок, цветов и т. д. можно произвести именно только до того момента, когда район еще не влился в общую волну на площадь Урицкого, где перед трибунами районы, с одной стороны, часто смешиваются с соседними районами, а с другой стороны, они проходят слишком быстро, чтобы возможно было их детально учесть. Поэтому задача счетчиков и наблюдателей на площади Урицкого совершенно иная, чем по районам. Их обязанность заключается в том,

чтобы уловить только то, что связано с прохождением колонн перед трибунами.

Несмотря на всю скромность Октябрьского учета, эта работа оказалась настолько захватывающей и с таким социально-полезным и научным горизонтом, что Театральная Лаборатория решила приложить еще более настойчивые и твердые усилия для проведения ее в жизнь.

Первого мая 1925 года был предпринят второй опыт записи и учета массового празднества. Благодаря целому ряду методических и организационных поправок, увеличению числа работающих по записи и учету, наблюдения дали уже настолько интересный материал, что даже самая конспективная сводка представляет безусловный интерес.

На этот раз удалось более нормально распределить пикеты учетчиков по районам и вместе с тем методически наладить более организованную работу.

Всего в учете Первого Мая принимало участие 84 человека, при чем, как показал и этот второй опыт, цифра эта была далеко недостаточна для того, чтобы исчерпать все возможности.

Приблизительно в это же время Секция Искусства Октября Социологического Комитета Г. И. И. И. предложила Театральной Лаборатории организовать Бюро по изучению массовых празднеств и клубной работы. Таким образом, вся дальнейшая работа по изучению массовых празднеств стала протекать уже в новом Бюро. Основным контингентом работников явились слушатели курсов при Г. И. И. И., которые не только несли на себе весь учет празднеств, но и естественным отбором дали тот актив работников Бюро, который служит гарантией и для дальнейшей его работы.

Октябрьские дни 1925 года уже привлекли к работам Бюро до 200 человек — „учетчиков“. Их приход дал, с одной стороны, большое подкрепление, а с другой — сделал Бюро более ответственным в своих работах. Вместе с этим и методология учета приняла большую сложность и стремление к возможной точности фиксации празднества¹. Нельзя только рассматривать эту „точность“, которую сейчас дает Бюро, как нечто непреложное. Ясно, что никто и не пытается давать исчерпывающих данных с первых же шагов работы, да и не в этом, в настоящее время, основные задачи Бюро. Найти путь к учету массового праздника найти приемы этого учета, проверить, уточнить и уже тогда на основах их идти к точной фиксации. Сейчас у Бюро не только возможны, но и обязательны ошибки. Бояться их — не начинать работы. Закрывать глаза на свои ошибки — уже в корне портить работу.

¹ О методах работы Бюро см. Н. Извеков. „Приемы изучения массового праздника“ в сборнике „Проблемы социологии искусства“ Ленинград 1926.

Тем более наша работа была бы сомнительного качества, если бы мы выдавали свои цифровые результаты за фотографию подлинной действительности. Отказаться от количественных и хронометрических данных мы, конечно, не могли; отказ от них равносильен отказу от 90% нашей работы, так как подсчет текущего праздника, иногда даже в чисто арифметических цифрах, уже дает ряд крайне любопытных и ценных наблюдений. В этом же сборнике, в статье А. А. Гвоздева, „Массовые праздники на Западе“, мы встречаем указание, что хроникер 1508 г. в Генте насчитывает 1872 факела, и это упоминание дает возможность более наглядно представить всю картину праздника. Возьмем рядом с этим пример совершенно иного порядка. В диаграмме, посвященной празднованию Дня Просвещения 31-го мая 1925 года, мы находим не менее наглядное обозначение присутствия зрителя на площади Урицкого. Вся демонстрация, обозначенная на ней флажками, протекала 2 часа ¹, в то время, как зритель находился на площади с 9 до 15 часов, т.е. 6 часов, из которых 3 часа падает на ожидание. Дополнительные сведения о том, что первый зритель, сезонник, пришел из Новой Деревни пешком за 6 километров специально посмотреть на праздник, окончательно устанавливают картину сбора зрителя, а также и безусловный интерес его именно к демонстрации, а не случайное глаzenie мимоходящей и останавливающейся „публики“. Рядом с этим примером возьмем также из диаграммы, посвященной Международному Юношескому Дню 1925 г. в Ленинграде, ширину площадки и время накопления зрителя. В первом случае мы видим, как напор зрителя настолько интенсивен, что постепенно делает ее вдвое более узкой, чем вначале, а во втором случае мы можем проследить ту же интенсивность, но уже по времени накопления зрителя.

Не менее ценны также данные о красочности праздников, числе действенных выступлений инсценировочных групп перед трибунами (Октябрь 1925 года), преобладающем материале тео-изо групп (дерево и фанера) скорости движения колонн и т. д. и т. д.

Установление скорости движения, уже есть путь к коррективам следующего праздника—устранения „добегов“, смешения колонн и пр.

Не успокаиваясь на том, что наши цифры, действительно, реальные цифры, мы идем все время к отысканию пути раскрыть их подлинные величины, а пока настойчиво предупреждаем, что все наши данные есть только *учтенные*, но, конечно, не абсолютные.

Вопрос другой, насколько возможно отыскать вообще в данном случае абсолютно точные сведения, да и нужны ли они в микроскопических подробностях.

¹ Минуты отброшены.

Одним из таких больных вопросов является учет числового состава участников демонстрации. Прием опроса, который сейчас применяет Бюро, далеко не универсальный прием. Кроме того в него вклиняется также вопрос о списочном и фактическом составе участников. Просчет же по рядам или площадям—прием пожалуй еще более сомнительный. Наиболее верный из них, к которому пришло Бюро и произведет опыт с ним при первой же материальной возможности, это подсчет по последовательно сделанным фотографическим снимкам.

Мы меняем и, конечно, нам предстоит менять все наши опросники, инструкции и руководства, хотя бы уже потому, что мы учитываем живой разворачивающийся праздник, всегда своеобразный, всегда своего времени и своих устремлений. Применить к нему какой то раз на всегда сложившийся рецепт учета—сделать первый ошибочный шаг в этой работе.

За последнее время у Бюро явилась возможность расширить кругозор своего исследования массового праздника как в сторону изучения праздников всего нашего Союза, так, правда, и немного еще, но все же заглянуть путем специальных корреспондентов, за границу в день празднования Первого Мая 1926 года. Одновременно с этим Бюро приступает к более планомерному коллекционированию материалов по массовым празднествам.

Настоящий сборник в последней своей части, как уже говорилось, является первоначальной сводкой материалов работы Бюро с октября 1924 по октябрь 1925 года. Среди этих работ иногда одни и те же мысли, формулировки и заключения повторяются чуть ли не дословно. Это вполне естественно при коллективном методе изучения массового праздника, который взят за основной принцип работы Бюро.

Методологические и технические трудности, постоянно встречающиеся на пути этой молодой научно исследовательской работы, не позволяют нам защищать беспорности наших методов и еще только намечающейся терминологии.

Если Бюро сумело закрепить хотя бы часть материалов по изучению современного массового праздника, если этот сборник даст возможность ряду лиц указать наши ошибки, а нам исправить их, мы будем считать нашу работу выполненной.

А. Д. Авдеев

Октябрь 1924 года

Учет Октябрьской демонстрации был первым опытом планомерного изучения массового праздника, отсюда неизбежен и естественен целый ряд значительных ошибок, но ошибок, которые впоследствии дали возможность говорить уже о каких то методах учета и дали возможность к *Восьмой Октябрьской годовщине* эти методы уже более или менее твердо построить.

Первоначально, при учете 7 ноября 1924 г., был намечен ряд пунктов наиболее важных в отношении прохождения демонстраций. Это были: 1) Мост Лейтенанта Шмидта (б. Николаевский), 2) Мост Равенства (б. Троицкий), 3) Литейный мост, 4) Аничков мост четная сторона, 5) Аничков мост сторона нечетная, 6) Улица 3-го Июля и Проспект 25-го Октября четная сторона, 7) Улица 3-го Июля и Проспект 25 Октября сторона нечетная, 8) Улица Халтурина, 9) Площадь Урицкого, угол Проспекта 25-го Октября, 10) Площадь Урицкого, угол Проспекта Рошала.

На каждый из намеченных пунктов посылались группы учетчиков из трех человек; при чем на улице Халтурина должны были работать две „тройки“, но в виду того, что на работу явились и фактически учитывали всего лишь 25 человек (в качестве параллели попутно замечу, что по учету 8-й годовщины работало уже около 200 человек), не все пункты обслуживались полностью.

Группам было предложено в порядке учета ответить на следующие вопросы: 1) Район, 2) Организация, 3) Автомобиль, повозка, группа, 4) Общий рисунок убранства, 5) Число людей в группе, повозке или авто, 6) Костюмы и грим персонажей, 7) Расположение (вольное или планированное), 8) Изобразительная работа группы (сюжет, сольные номера, разговоры со зрителем), 9) Как реагировала окружающая публика, 10) Кто идет непосредственно с группой.

Эти вопросы распределялись внутри каждой группы, так что каждый учетчик в среднем имел по четыре вопроса.

Если учет 7-ой годовщины Октябрьской Революции и не дал полных результатов, то все же материалы, сохранившиеся от этой работы, позволяют поставить ряд интереснейших вопросов в области изучения массового праздника.

Здесь оговорка: оперировать нам приходится только с *учтенными*, а не с фактическими данными. Это нужно прежде всего и твердо помнить.

Внимание учетчиков было направлено исключительно на автомобили, повозки и т. д., поэтому этой стороны демонстрации нам и придется, главным образом, касаться.

В цифрах количество авто, повозок и проч. по районам выразилось следующим образом:

№№ по порядку.	РАЙОНЫ.									
		Авто.	Повозок.	Трамваев.	Тракторов.	Пешеходн. групп.	Конных групп.	Бронев.	Всего теор. групп.	Людей в них.
1	Московско-Нарвский	52	14	1	—	—	—	1	68	368
2	Выборгский	39	12	3	1	—	—	—	55	216
3	Центральный	24	4	—	—	1	1	—	30	48
4	Василеостровский	21	—	1	—	1	—	—	24	291
5	Володарский	16	2	—	—	—	—	—	18	65
6	Петроградский	10	2	—	—	2	—	—	14	95
	Всего учтено	162	34	5	1	4	1	1	209	1.083

Все данные группы прежде всего распадаются на две части 1) изобразительные и 2) неизобразительные. В данном случае мы можем себе представить те же цифры в следующем виде: *сигнатура*

№№ по порядку.	РАЙОНЫ.	Всего групп.	И з н и х.	
			Изобраз.	Неизобразит.
1	Московско-Нарвский	68	47	21
2	Выборгский	56	40	16
3	Центральный	30	23	7
4	Василеостровский	23	19	4
5	Володарский	18	14	4
6	Петроградский	14	12	2
	Всего учтено	209	155	54

70
Седьмая годовщина Октября происходит под лозунгами: „Поднятие производительности труда“ и „Смычка города с деревней“. Эти две основные темы, главным образом, используются и в изобразительной части демонстрации. При чем последняя (смычка) встречается даже в темах производственного характера, путем введения персонажа крестьянина в общую производственную композицию. Так, например, один из заводов, демонстрируя продукт своего производства, киноаппарат, ставит рядом с ним исполнителя, изображающего крестьянина. Военно-подковный Завод, показывая настоящий станок в работе, рядом располагает группу рабочих и крестьян и т. д. Так что в конечном итоге, несмотря на числовое преобладание тем производственных, тема — „Смычка города с деревней“ — стоит на одинаковом с первой уровне. По затронутым темам изобразительный материал в 0/0 0/0-ом отношении представляется в следующем виде: на темы производственные падает 44 0/0 всех тем; тема „смычки“ занимает 15 0/0; Октябрь 7,5 0/0, сатира на буржуазию и текущий момент 6 0/0, всевозможные общества 5 0/0, кооперация 4,5 0/0, прочие „деревенские темы“: электрофикация, голод, неграмотность и т. д. 4 0/0, Ленин 2 0/0 и прочие 6 0/0.

Любопытно отметить что тема „Октября“, как такового, стоит только на третьем месте; темы злостные („письмо Зиновьева“, „события в Китае“ и т. д.) на четвертом. Первые же позиции занимают „производство“ и „смычка“.

Производственные темы наблюдались двух порядков. Это или: 1) Диаграммная демонстрация достижений того или иного завода за время революции или 2) Показ продуктов своего производства, при чем зачастую этот показ сопровождается работой станка, тут же во время демонстрации, вырабатывающего тот или иной продукт (например, фабрика „Шеррис“ показывает производство шерстяных изделий; табачная фабрика имени Урицкого вырабатывает папиросы, которые тут же раздаются окружающим; завод „Красный Автоген“ выводит рабочего, работающего по автогенной сварке и т. д.).

Традиционное высмеивание буржуазии также связывается с производством. Так, Балтийский завод, показывая производительность завода за 6 лет, изображает рядом „буржуя, выгнанного с завода“, клуб Октябрьской ж. д. компанует в одно целое фигуру рабочего с вагоном в руках и фигуру повалившегося от ужаса буржуя и т. д.

В отношении тем текущего момента тоже замечается уклон в сторону основных. Здесь используется не только политическая злоба дня (письмо Зиновьева и т. д.), но, напр., клуб Зиновьева выводит и группу убийц *селькора* Малиновского, откликаясь таким образом на животрепещущие события *деревни*.

Интересно проследить, как темы, „производственные“ и „деревенские“ распределяются по районам. Здесь мы имеем следующую табличку:

№№ по порядку.	РАЙОНЫ.	Произ-	Деревня.
		водство.	
1	Московско-Нарвский	17	11
2	Выборгский	16	6
3	Центральный	6	5
4	Василеостровский	9	—
5	Володарский	4	4
6	Петроградский	6	1
Всего учтено . . .		58	27

Перейдем теперь к рассмотрению отдельных элементов театрально-изобразительных групп. Обычно в большинстве случаев оформляется группа своими силами:—силами кружковцев под руководством клубного инструктора. Только в отдельных случаях композиции были оформлены специалистами, приглашенными со стороны (группу Зиновьевского Университета осуществляли архитектор Каплан и художник Бродский).

В качестве исполнителей обычно выступают рабочие предприятий, объединенные в клубных кружках. Чаще всего это молодежь комсомольцы, главным образом мужчины (70%).

В то же время ленинградский Зоосад водружает на телегу клетку с тремя отделениями: на ней общая надпись: „Фабрика подделывает всякого рода документы“, а в клетке размещаются кабан с надписью над ним „Керзон“; волк „Юз“ и лисица „Макдональд“. И вот эти кабан, волк и лисица несомненно также в данном случае являются перед нами своеобразными „исполнителями“ театрализованного шествия. Затем мы имеем еще один момент, когда вне всякого сомнения в роли исполнителя выступала „вещь“. Пробочная фабрика конструирует из пробки довольно сложную композицию: в центре—мавзолей Ленина, а вокруг него расположены капиталистические гербы. В момент прохождения авто перед трибуной эти гербы сгорели и на их месте появилась советская звезда.

Исполнители Октябрьской демонстрации распались на: 1) исполнителей „в ролях“, напр., крестьян, буржуа, их министров, попов,

кулаков, заключенных в тюрьмах, красногвардейцев, фашистов, пролетариат Китая и т. д. 2) исполнителей, изображавших самих себя; напр.: работница фабрики „Шеррис“, работающая на станке, рабочие фабрики „им. Урицкого“, кооператоры Транспорт. Потреб. О-ва Окт. ж. д., рабочий завода „Красный Автоген“.

По своей активности исполнительские группы замечались: 1) динамические, где имелся на-лицо в той или иной степени момент движения, и 2) статические. Таковыми, были, напр. уже упомянутый крестьянин, рабочие фабрики „имени Желябова“ с надписями „Брак“, „Простой“ и т. д., рабочие другого завода изображающие в виде „Живой картины“ события в Китае и т. д.

В своих действительных возможностях исполнитель связан теснейшим образом с тем оформлением, рядом с которым он располагается,— это с одной стороны, а с другой стороны, вся разверстка его игры зависит от необычной, особенной сценической площадки, каковой является автомобиль, телега и т. п. В отношении оформления исполнитель связан или: 1) с двух-трех мерными изображениями, или 2) с настоящими подлинными вещами. Например, изображающий буржуа расположен рядом с моделью завода (Балтийский завод), кооператор, расположен за прилавком (ТПО Окт. ж. д.), куящий кузнец—на фоне модели завода (Вагоностроительный завод имени Егорова), крестьяне около здания Сбер. Кассы (Гос. Сбер. Касса), крестьяне—на фоне электростанции и электрофицированной избы (завод Электросила).

Вот несколько примеров „игры с вещами“: на коленях огромной трехмерной фигуры Капитала сидит исполнитель маски попа. Он благословляет толпу, выпивает, разговаривает с деревянной фигурой Капитала (завод Красный Гвоздильщик); на авто огромная трехмерная фигура слона; исполнитель маски „моськи желтая пресса“ бросается на него, прыгает, стараясь выхватить у него из хобота серп и молот (клуб имени Молотова); исполнитель удочкой вылавливает из клетки двухмерные изображения буржуа („Экономайзер“); целая группа буржуазии отшатывается от деревянного (фанера) двухмерного изображения красноармейца (клуб имени Орлова); группа буржуазии время от времени падает на площадку при виде гигантской двухмерной фигуры (из фанеры) рабочего (завод им. К. Маркса) и т. д.

Связь с подлинными вещами выражается, главным образом в работе на станке.

Различных „площадок“ (термин в данном случае не совсем удачен; употребляю, как традиционный) удалось подметить шесть. Это:

1) грузовой автомобиль, 2) легковой автомобиль, 3) телега, 4) пешая группа, 5) конная группа и 6) комбинированный вид.

Примером вида комбинированного может служить работа одного из заводов. Здесь один исполнитель (рабочий) помещался в доме построенном на авто, а второй (буржуа) бежал сзади автомобиля. Таким образом, движение развевывалось в двух планах.

Чтобы покончить с исполнителем, упомяну об одном очень любопытном моменте. В двух случаях пришлось наблюдать, как исполнитель, надевающий ту или иную театральную „маску“, т.е. что то изображающий, в то же самое время „играл“ и чисто служебную роль. Телегой Зоосада с кабаном Керзоном, волком Юзом и лисой Макдональдом правит *кучер, одетый польским паном*. Второй случай: машина Петроградского Райкома изображает авто, который по пути Ленинизма ведег пролетарий. *Этого пролетария изображает настоящий шофер*. Исполнение в большинстве случаев носит импровизированный характер, так как изображаются постоянные маски: попа, кулака, буржуа и т. д., то и исполнение приобретает постоянный характер, свойственный данному персонажу оттенок. Поп непременно крестом благословляет публику, кулак пьет водку, поет песни, буржуа раскланивается, снимая цилиндр.

В виду того, что зритель, благодаря прохождению демонстрации, постоянно меняется, исполнителям приходится время от времени повторять ту или иную сценку.

Звуковые моменты игры выражаются здесь в заговаривании с публикой. Обычно с такими репликами (всегда импровизованными) обращаются все сатиристические персонажи: попы, кулаки, пьяный подрядчик, капиталистические министры. Персонажи положительные, рабочие, крестьяне, кооператоры или выкрикивают отдельные лозунги, или произносят целые речи (о кооперации, о производительности труда и т. д.). В отношении звучания был опущен крайне важный момент, не были никак учтены песни и номера, исполняемые оркестрами, опять таки благодаря малочисленному составу работников по учету.

Нельзя обойти молчанием и движения механического и движения вещи. Здесь прежде всего всегда замечается стремление все довольно скучные статистические данные оживить и скрасить движением. На авто строится или просто подобие махового колеса, на котором размещаются сведения, надписи и т. д. (Завод „Русский Дизель“, 1-ая Техническая Школа, 4 Электростанция, больница Боткина и т. д.); колесо беспрерывно вращается. Или воздвигается целое сооружение, так, например, 1-ая Госмельница строит модель мельницы, на крыльях которой расположены цифры, крылья эти вращаются. Фабрика „Ско-

роход" воздвигает подобие ярмарочной карусели, где вместо лодочек для сидения таблица с выработкой фабрики. На авто библиотеки Василеостровского района по борту с той и другой стороны укреплены два огромных диска с вырезанным сверху сектором. В прорез этого сектора виден другой диск. Этот последний вращается, и на нем показываются обложки библиотечных книг. На автомобиле фабрики „Скорород“ установлены две плоскостные фигуры: рабочего с сапогом и крестьянина с мешком зерна. Фигуры укреплены на стержнях. При движении авто фигуры раскачиваются и соприкасаются руками, наглядно иллюстрируя лозунг „смычки“. На авто фабрики „Красная Звезда“ построены качели: на одном конце „зарплата“, на другом „производительность“, крестьянин и рабочий раскачивают их.

Остается сказать несколько слов о костюме и гриме персонажей. Здесь любопытно отметить, что изображающие рабочих всегда одеты в прозодежду. Прозодежда бывает или синяя или белая (пекаря, лечебники), на работницах красные платки. Допускается, но очень редко, „производственный“, если можно так сказать, грим, например: лица у пекарей I-го Хлебозавода вымазаны мукой. Крестьяне всегда одеты в соответствующие костюмы (лапти, рубахи) и загримированы. Персонажи, подвергающиеся осмеянию, всегда гримированы утрированно подчеркнuto. Обильно используется красная, белая и черная краски. В отношении последних персонажей установились следующие традиционные приемы костюмировки и грима: буржуазия во фраках, сюртуках, котелках, цилиндрах; кулак в поддевке, сапогах, черная борода; поп с рыжей бородой и красным носом и т. д.

Одним из наиболее крупных элементов в данной демонстрации была вещь. По своему действительному участию в демонстрации вещь распадалась на 1) неподвижно закрепленные установки и 2) на движущиеся вещи (примеры смотри выше). В отношении объемности наблюдались вещи двухмерные и трехмерные. Двухмерными, плоскостными в большинстве случаев были все фанерные символические фигуры. Трехмерными объемными были все диаграммные построения, а также модели заводов и т. п. В качестве материала использовались фанера, картон, материя, бумага, мягкие металлы. Целевая установка замечалась тройкая: во первых, имеющая исключительно украшающее значение (материя, зелень, отчасти и плакаты), во вторых—вещь, носящая служебный характер (все колеса, маховики, построенные для расположения на них тех или иных статистических сведений) и в третьих, преследующая определенные тематические цели, агитационно воздействующие. В последнем случае можно было наблюдать вещи двух порядков: 1) вещи подлинные, настоящие, 2) вещи

специально сконструированные, временные. В свою очередь подлинная вещь также может демонстрироваться и 1) как таковая, действующая своим видом, говорящая только сама за себя. Напр., тракторы „Красного Путиловца“ и Политехнического Института имени Калинина, противогазы и газовые баллоны Военно-Медицинской Академии; неоднократно уже упоминавшиеся, всевозможные работающие станки предметы производства целого ряда заводов; и 2) как преследующая те или иные изобразительные цели, например: грузовики Политехнического Института им. Калинина изображают собой грузовики 17 и 18 годов; рулоны бумаги различной величины у „Госзнака“ изображают сокращение эмиссии и т. д.

По своему выполнению вещь или изменяла внешность грузовика совершенно: например, у „Судостроительного“ завода авто целиком превращен в корабль с красными бортами и диаграммами вместо парусов; Северо-Западная жел. дорога превращает авто в паровоз и т. д.; или занимала только площадку грузовика в пределах его четырех бортов. Часть построек представляли из себя исключительно модели того или иного завода, того или иного производства. Напр.: модель завода им. К. Маркса, модель завода „Красный Маяк“, модель завода „Русский Дизель“, модель Газового завода, газетный киоск „Красной Газеты“, модель папиросы на козлах из спичек (фабрики им. Урицкого); модели подков с конскими гвоздями (Военно-Подковный завод).

Другая часть представляла из себя разрешение той или иной темы. Например: тюрьма (Путиловская ветвь, завод „Пневматик“) большая фигура красноармейца (клуб им. Орлова); фигура пролетария держит поезд, фигура буржуа лежит с торчащими вверх ногами (Клуб им. Ленина Окт. жел. дор.); фигура „Красного Призрака“ (завод „Светлана“). Раздвинутые и сомкнутые ножницы с рабочим и крестьянином на концах (завод „Красный Ткач“); часы со стрелкой на VII („Красный Выборжец“), мавзолей Ленина из пробки (Пробочная фабрика), фигуры „РКП“ и „РЛКСМ“ в виде рабочих держат книгу „Ленинизм“, сзади фигура Капитала, сидящего на книге „Грамота“ („Красный Гвоздильщик“); слон „СССР“ и моська „желтая пресса“, (Клуб им. Молотова); фигура буржуа и кукиш против него („Красный Треугольник“) и, наконец, третий случай, когда бутафорское изображение продукта производства одновременно служит и тематическому разрешению, хотя бы говорит наглядно о поднятии производительности труда. Например: ряд хлебов всевозможных сортов и величины с цифрами выработки („Хлебозавод“); пирамида в шесть ступеней 1919—1924 с моделями судов („Балтвод“); болт с надписями по нему („Красный Гвоздильщик“).

По способу передвижения можно наметить следующие группы: 1) вещь помещается на авто, повозке, 2) вещь в руках у участников конной группы и 3) вещь находится в руках у участников группы пешей. Примеров первого случая найдется слишком много, поэтому приводить их не буду. Примеры третьей группы, прежде всего, все знамена и плакаты, затем маленькие плакатики с цифрами поднятия производительности: у пешей группы Завода им. Козицкого, кукла скаута на шесте (несут пионеры); взвозможные атрибуты (крест, бутылка и т. д.) пешей группы Политехнического Института им. Калинина. Примером второго вида могут служить головы царя, кулака, попа и т. д. на пиках конной группы Высшей Кавалерийской Школы.

Последнее заключительное слово тому, кого обычно принято называть „зрителем“. ¹ Термин этот не совсем точен и по отношению к „зрителю“ демонстрации мало подходит. Он (т.-е. термин) предполагает неперенное наличие какой то отграниченности от действия, созерцательно-пассивного отношения к окружающему. К такому пониманию „зрителя“ приучил нас профессиональный театр.

Не таков „зритель“ массового празднества, если исключить из общего числа незначительную группу глазющих обывателей. Зритель массового празднества прежде всего гражданин, и уже потому он является участвующим в общем торжестве.

Он свободно проявляет свое отношение к окружающим явлениям, и, как пример, во время прохождения Октябрьской демонстрации можно было наблюдать, как по адресу фигур потустороннего мира, по адресу персонажей буржуазии раздавались свист, смех, остроты улюлюкание; как на фашиста, стоящего у дверей тюрьмы на часах, засверкали сжатые кулаки и полетели комья снега, а заключенные в тюрьмах встречались криками „выручим“. Каждая фраза, каждая шутка, брошенная в толпу с авто, моментально этой толпой подхватывается, несутся задорные ответы, завязывается импровизованный диалог. Да разве могли бы работать исполнители отдельных масс, разве могли бы они рассчитывать на минимальный успех, если бы вся эта действующая толпа была только „зрителем“. Не расхватались бы тогда выбрасываемые дождем с автомобилем листовки, завяли бы всякие импровизационные попытки, и на много процентов утратился бы смысл уличных выступлений кружковцев; но этого всего нет, зритель демонстрации безусловно активен.

¹ Здесь речь идет о „зрителе“ отдельных инсценировок, а не всей демонстрации. Основная масса этого „зрителя“—участники демонстрации, а не те шпалеры, которые вытягиваются вдоль шествия. Они тоже могут быть причислены к „зрителю“, но не на них, конечно, опирается автор статьи.

Мы рассмотрели весь, правда, очень ограниченный, но вместе с тем крайне интересный материал учета VII Годовщины Октября.

В заключение должен заметить, что данная работа просто попытка свести имеющийся по учету материал и до некоторой степени его систематизировать. Только в таких рамках и нужно рассматривать настоящую работу.

1 мая 1925 г.

1. Город на маевке

Первые три майские дня 1925 года, объявленные революционным Праздником Международной Солидарности Пролетариата, составили тот Майский цикл, в котором каждый день имел свою программу и свои устремления, объединенные общей идеей праздника¹. Кроме этого деления по дням, среди которых доминирующую роль играло, конечно, 1-е мая, надо провести разграничение всего цикла на утреннюю и вечернюю часть празднования. Утром либо весь город, как это было 1-го мая, либо его делегаты—2 и 3-го мая—собирались вместе для общегородского празднования, вечером же праздник раскидывался по районам и принимал характер большей самостоятельности и веселья. Утром это праздник, как революционный долг; вечером праздник—как отдых. Как утро, так и вечер вносили каждый день изменение в свою программу.

Утром: *1-ое мая*—Общегородская демонстрация;

2-ое мая—Парад Ленинградского Гарнизона Красноармейских частей;

3-го мая—Открытие памятника Плеханову.

Для вечерней программы этого Майского цикла необыкновенно характерна листовка, выпущенная Первомайской Комиссией Василеостровского района.

Листовка, выпущенная В.-О. Районом, была осуществлена полностью. По той же солидарно намеченной программе проходили вечера и в других районах.

¹ 1, 2 и 3 мая работы производились с оплатой в двойном размере только на водопроводе, электростанциях, в больницах, аптеках, на телефонной станции, телеграфе и в других учреждениях, где работы не могли быть приостановлены по вполне понятным соображениям.

Итак, вечера это—1-ое мая перед заводом, фабрикой или в общественном саду, 2-го мая—Клуб и 3-го мая—Спорт.

Товарищи!

1-го мая, в 6 час. вечера, все на гулянье—набер. Лейтенанта Шмидта и улица Веры Слуцкой.

2-го мая каждый рабочий, работница, служащий, красноармеец и моряк—в свои клубы.

3-го мая, в 2 часа дня, весь район—на спортивный праздник на стадионе (остров Голодай) 3.000 участников! Общерайонный хор! Объединенный духовой оркестр! Спорт—выступление! Вход свободный. Трамвай № 4.

Да здравствует 1-ое мая—день пролетарской борьбы и победы!

Первомайская комиссия В.-О. Района.

Одновременно с этим клубные кружки начинают новую эру своего участия в майском цикле. Май 1925 года положил основание к организации ежегодных майских игр—соревнований, в которых принимают участие все Единые Художественные Кружки города. Соревнование сначала проходило по-районно, после чего районные победители выступили на общегородском состязании.

Год от года и праздник от праздника город начинает втягиваться и внешне все больше и больше в праздничную обстановку этих дней. Фабрики и заводы украшаются и иллюминируются, улицы и площади, по которым дефилируют колонны, принимают нарядный и созвучный общему настроению вид. Конечно, одним из наиболее серьезных факторов нарастания такой праздничной обстановки города в эти дни является экономическое восстановление страны после империалистической и гражданской войн.

„Прошлый год не так было,—было беднее“, улавливает один из учетчиков-наблюдателей замечание в толпе.

Вот некоторые цифровые данные об украшении Проспекта 25 октября, сделанном к 1-му мая 1925 г.

Украшенных мест всего		135
И з н и х:	Украшенных зданий	73
	Украшенных витрин	62
	Трехмерные украшения	25
	Плоскостные украшения	73
	Комбинированные украшения	37
Среди убранных:	Портретов В. И. Ленина	49
	Бюстов и статуэток В. И. Ленина	38
	Красных звезд	19
	Гербов и эмблем	16
	Лозунгов	29

Непосредственным добавлением к этому служит таблица цветов (красок), приведенных выше украшений: (см. таб. на стр. 109).

А главное украшение города в дни маевки заключалось в той бесконечной веренице людей, которая двигалась по его улицам и заполняла площади. Весь праздник оставил прежде всего впечатление о том, как огромная, несметная толпа людей непрерывно двигалась по улицам с раннего утра и до позднего вечера.

Город выходит каждый раз на маевку, вынося свои трудовые и социальные заботы. Он не тратит этого дня в пустом времяпрепровождении; его демонстрация не фланирование по улицам, а общественно-полезный и необходимый акт. Нельзя смешивать Революционный праздник с часами и днями отдыха; революционный праздник—это трудовой процесс.

Город выходит на маевку, и в этот день особенно сильно вырисовываются его нервные узлы и сплетения—фабрики и заводы: это праздник труда и его носителя.

Ц В Е Т.	Число раз.	% %	Ц В Е Т.	Число раз.	% %
Красный	132	47	Серый	8	—
Зеленый	43	16	Золото	8	—
Белый	25	9	Оранжевый	3	—
Черный	15	5	Коричневый	2	—
Бронза	14	—	Розовый	2	—
Синий	10	—	Серебро	2	—
Желтый	8	—	Фиолетовый	1	—
Убранство одним красным цветом			17 раз		
Красно-зеленые украшения			12 раз		
Световые украшения			20 раз		

Город украшает себя в дни маевки не пустыми и кокетливыми узорами, а строит их с тем же единством, с той же содержательностью, с которой проходит и весь Майский цикл. Город не только наряжен, он гармоничен с общим призывом маевки к труду.

2. Динамика и материя

Утренняя Общегородская демонстрация 1-го мая 1925 г. началась по сигналу, данному тремя залпами с Петропавловской крепости в 10 ч. 50 минут.

Собравшись на своей территории, все районы, за исключением Василеостровского, стягиваются к Проспекту 25 октября, который и является главной артерией движения демонстрации к площади Урицкого. Центральным пунктом, через которые проходили все эти 5 районов, был участок Проспекта 25 октября от улицы 3-го июля до улицы Лассаля. От последней и началось движение демонстрации к трибунам во главе с Московско-Нарвским и Выборгским районами. Василеостровский район прошел через мост Лейтенанта Шмидта к концу проспекта Рошалья, где и остановился, дожидаясь своей очереди выйти на площадь. Движение перед трибунами совершалось

в две колонны, из которых каждую составлял тот или иной район. Кроме Василеостровского, маршрут которого уже указан, и Петроградского, который, дойдя до улицы Герцена, сворачивал под арку Красной Армии, и, обойдя слева площадь Урицкого, проходил мимо трибун,—все остальные районы по очереди вливались на площадь с проспекта 25 октября. От трибун путь районов разбивался на две магистрали. Первая (Центральный, Петроградский, Выборгский и Володарский районы) через улицу Халтурина на площадь Жертв Революции и оттуда к своим районам; а вторая магистраль протягивалась через проход между Дворцом Искусств и Эрмитажем на набережную р. Невы. Отсюда Московско-Нарвский район по набережной шел до площади Воровского и дальше по пр. Майорова к своему району, а Василеостровский сворачивал на Республиканский мост.

Впереди Московско-Нарвского и Выборгского районов, которые открывали шествие, шли: Бюро Губкома РКП, Президиум Губисполкома, Губпрофсовета, члены Реввоенсовета ЛВО, Балтфлота и Бюро Губкома РЛКСМ со знаменами и тремя оркестрами музыки.

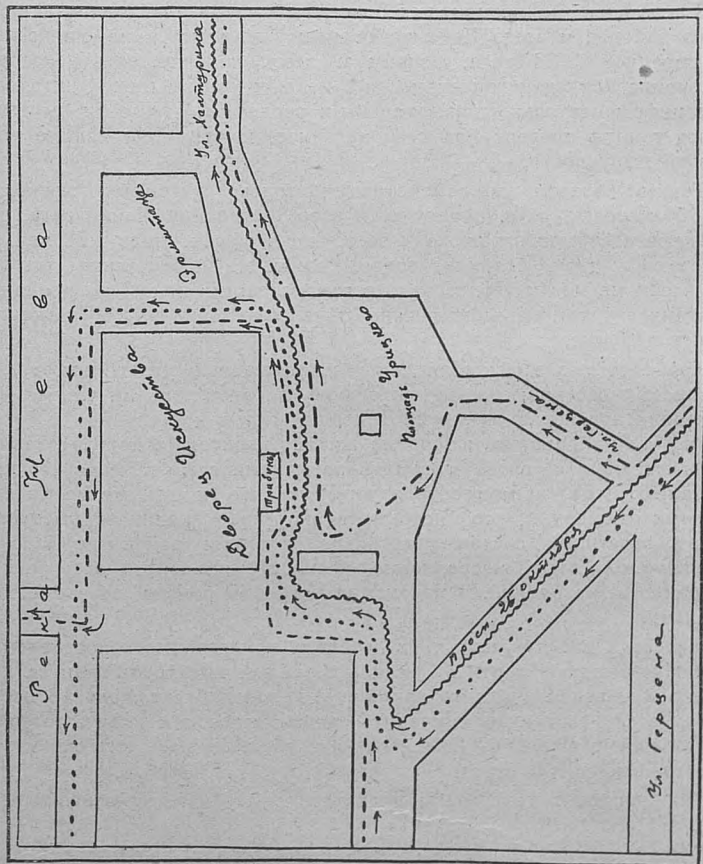
Во главе всего движения шла группа индустриальных работников и рабочих в прозодежде, с инструментами и плакатами. Первым, с флажком в руках, Председатель Первомайской Комиссии.

Всего в общегородской демонстрации, по нашему подсчету, участвовало свыше 200.000 человек, которые распределялись по районам, приблизительно, так:

Р А Й О Н Ы.	Число организа- ций.	Число участни- ков.	% отноше- ние к насе- лению района.
Центральный	72	15.000	4,6
Петроградский	48	12.000	8,6
Володарский	67	40.000	22,0
Моск.-Нарвский	102	72.000	32,0
Выборгский	98	40.000	39,6
Василеостровский	121	39.000	40,0
Всего	508	218.000	21,0

СХЕМА

циркуляции колонны общегородской демонстрации у трибуны на
пл. Урицкого 1-го мая 1925 г. в Ленинграде.

- Прохождение Василеостровского района
- " Московско-Нарвского района
- ~~~~~ " Выборгского, Володарского и Центр. районов
- . - . " Петроградского района

Необходимо и здесь оговориться, что всюду мы приводим только *учтенные* цифры; в действительности участников было больше.

В установлении процентных отношений числа участников к населению районов и всего Ленинграда мы пользовались данными последней переписи 1923 года, почему и здесь, конечно, есть некоторое отклонение от действительности, но, как увидит ниже читатель, сами цифры настолько показательны и рельефны, что, если бы взять их под точную проверку, то они, наверное, потеряли бы крайне мало в своей выпуклости.

Таким образом, в демонстрации только учтенных оказалось 218.000 человек, т.-е. пятая часть всего населения Ленинграда, при чем нельзя забывать так же и того, что в общее число жителей города входят: дети, старики, больные и т. д., словом, лица, которые физически не могли участвовать в демонстрации; ясно, что проценты участников таким образом должны быть безусловно выше указанного нами в таблице.

Кроме того в этой таблице подсчитаны только участники организованного шествия; всякий, кто был в этот день на улицах, где проходили колонны, неминуемо вспоминает в добавление к этим цифрам те напористые и толстые шпалеры зрителей, которые стояли вдоль шествия и своей громадой временами даже мешали его продвижению. Если присмотреться внимательнее к той же графе процентных отношений, то необыкновенно ярко начинает выступать и преобладающий состав участников шествия: районы с рабочим населением¹ дают несравненно больший процент, чем районы смешанного населения. Физиономия каждого района здесь вполне очевидна.

Переводя цифры участников шествия в наглядные сопоставления, мы получим такую картину. Если все районы выстроить один за другим по 8 человек в ряд, то длина этой колонны будет около 18 верст; а если всех участников поставить рядом плечом к плечу, то такой лентой можно окружить Ленинград два слишком раза, так как длина ее будет около 100 верст.

Так начинают говорить о характере праздника найденные нами цифры.

Общий рисунок движущихся колонн выступает еще более ярко, когда мы приведем число знамен и стягов, колыхавшихся над идущими массами.

¹ Преимущественно последние 4 района.

РАЙОНЫ.	Число знамен.	Число стягов.	Всего.
Володарский	72	120	198
Петроградский	74	154	229
Центральный	118	170	288
Василесстровский	166	271	437
Выборгский	142	360	502
Моск.-Нарский	302	673	975
Всего	874	1.748	2,629

Если сопоставить приведенную таблицу с предыдущей, то, хотя среди районов и обозначаются некоторые перестановки, тем не менее характеры районов и здесь продолжают находиться в тех же соотношениях с составом рабочего населения в них.

Среди плакатов и стягов, на которых отчетливыми рисунками и надписями обычно выступают призывы к труду и к борьбе с насилием капитала, — выделяются сатирические плакаты антирелигиозного содержания. Исполненные в виде карикатур на богов и их служителей, они невольно бросаются в глаза на фоне строгих и сосредоточенных надписей других плакатов.

Карнавальные группы, как их принято называть, двигались, главным образом, среди колонн на автомобилях и повозках, число которых и определяет, главным образом, массив этих групп.

РАЙОНЫ.	Автомобили.	Повозки.	Всего.
Центральный	11	7	18
Василеостровский	24	5	29
Выборгский	28	9	37
Петроградский	37	11	48
Володарский	47	11	57
Моск.-Нарвский	35	28	63
Всего	182	71	252

Таким образом, всего в демонстрации принимало участие 252 подвижных площадки, на которых и были расположены карнавальные группы, демонстрации производства, экспонаты и т. д. Обращает на себя внимание крайне ничтожное число легковых автомобилей, принимавших то или иное участие в демонстрации. Их всего 2 или 3. Всю тяжесть работы на себе несет плебей-грузовик, а аристократ-легковой в этот день никак не был использован. Бережливая ли скупость владельцев легковых автомобилей (неизвестно, что дороже для нас—сохранить легковой автомобиль или грузовой) или то обстоятельство, что карнавальные группы обрабатываются, главным образом, низовым рабочим составом,—объясняет этот факт, но он на лицо. Роль легкового автомобиля должна быть, конечно, иная, чем грузовика,—надо учесть его грузоподъемность, его отделку, большую нагрузку вообще, как машины, но учтя все это и введя его в работу, можно еще больше усилить рисунок всей первомайской утренней демонстрации.

Материал, который был использован для Первомайского карнавала, крайне разнообразен. Железо, дерево, живая зелень, жест, кожа, стружка, словом,—все, что могло так или иначе воплотить мысль автора,—все находило здесь себе место. Все это было представлено в самых различных объемных и плоскостных установках, начиная с простого украшения зеленью повозок с октябрятами и кончая динамичными установками и подвижными фигурами.

Любопытно отметить соотношения плоскостных и трехмерных оформлений.

Из общего числа всех сооружений:

Трехмерных	88,5%
Плоскостных	11,5%

Использование самих вещей в Первомайской демонстрации можно разбить на следующие четыре вида.

Первый случай,—когда вещь имела *самостоятельную ценность*, когда на ней сосредоточивался весь центр тяжести демонстрирующей ее организации. Таковы все экспонаты фабрик и заводов, которые были размещены на автомобилях в виде горок, отдельных установок и т. д.; таковы тракторы Красного Путиловца, таков мотор, с надписью-плакатом: „Даешь Советский мотор!“ Здесь ценность сосредоточена на реальности этой вещи, на том, чтобы ее показать в „живом“ виде.

Во-вторых, вещь (объем) служила как *фон*, на котором разворачивалась та или иная демонстрация или инсценировка. Здесь мы встре-

чаем и декоративные установки и опять те же машины, но уже использованные без той их значимости, как в предыдущем случае.

Следующим, *третьим* видом, служит использование вещи, как *предмета игры* в театрализованном действии. Таково неизменное участие кувалды или молотка, от которых крепко достается голове и спине буржуя и соглашателя; таковы чернильница и лапоть, подвешенные на веревочке и заменяющие собой кадило в руках священника; черный гроб, который несут красноармейцы, с надписью: „Здесь покоится последний неграмотный красноармеец“ и т. д.

В *четвертом* виде предметы проходят в *смешанном порядке*.

С одной стороны, они являются продуктом производства и в то же время только материалом специального использования. Таковы в большей части, диаграммы из предметов производства: Пробочный завод делает их из пробки; Ткацкая ф-ка им. В. Слуцкой из лент; Севкабель декорируется проводами; Лесопильный завод использует стружку и т. д.

Здесь встает уже один из принципов формовки демонстрации 1-го Мая—разверстка по профессиональным и производственным

признакам; как увидим ниже, этот принцип проходит красной нитью через всю маевку и тем самым служит одним из ярких определителей ее характера.

Все вещи (объемы) могут быть также разделены и в том направлении, как они сами были даны во время демонстрации, т. е., в статическом или динамическом состоянии. Конечно, преобладали вещи статического порядка, но вместе с этим можно указать на многие десятки вещей и с установкой динамического порядка. Таковы работы машин, все производственные процессы во время демонстрации, подвижные фигуры, головы и т. д. Сюда мы не относим чисто декоративные эффекты динамического порядка, которые в свою очередь были крайне остроумны и интересны. Дымящиеся трубы декоративных заводов, помещенных на автомобилях (по большей части это была топившаяся внутри установки „буржуйка“ с выведенными вверх трубами); цветные шары, вылетавшие из установки, имевшие громадный успех у зрителей и т. д.

Необходимо отметить также органически и художественно связанные со всей демонстрацией подвижные буфеты-ларьки ЛСПО.

Все установки, группы, плакаты, стяги, украшения повозок и автомобилей и т. д. были даны в самых разнообразных красках. Маевка 1925 г. в Ленинграде внесла в демонстрацию большую красочность, чем это было ранее. Подсчет дал в общем до 14 тонов, т. е. столько же, сколько было и в убранстве города. Наибольший процент из всех красок составляли следующие:

Ц В Е Т.	% отношение к общему числу встречающихся красок.
Красный	25,3
Черный	11,8
Синий	11,0
Зеленый	10,2
Белый	10,0

Интересно отметить, что эти же пять тонов, лишь в несколько иной последовательности, занимают и первые пять мест в убранстве города, если не считать там на пятом месте бронзы. Ее вклинение вполне понятно: благодаря наличию среди убранства бюстов и статуй В. И. Ленина.

Перейдем теперь к листовкам, которых мы уже коснулись вскользь тогда, когда говорили об общем характере настроения города на

маевке. Всего по нашему подсчету в них было выдвинуто 44 темы, располагавшихся в количественном отношении в таком порядке.

ХАРАКТЕР ТЕМ.	Число тем.
Приветствия Ленинградскому Пролетариату . . .	8
Культурно-просветительного характера	7
Смешанного характера	5
Производственного характера	4
Ленинизм	3
Кооперативные	3
Организационные	3
Лозунги о труде	2
Борьба с империализмом	2
Достижения	2
О мировом революционном фронте	1
Лицом к деревне	1
Красная Армия	1
Приветствие английским рабочим	1
Подложные письма	1
Всего	44

Портативные по своему формату листовки были выпущены самых различных форм и цветов. Здесь и листовка в виде салфетки, выпущенная отделом питания ЛСПО, и страничка отрывного календаря на 1-е мая—ф-ка Светоч, и брошюрка Из-ва „Прибой“ со стихами на тему маевки и т. д.

В то время, как ЛСПО выпускает брошюру в виде стихов кооперативного дела, Союз сел.-хоз. кооперации Сев.-Зап. области, более известный под своим сокращенным названием „Трудсоюз“, выпускает небольшие цветные листовки с двестишиями, подражая в них рекламам Моссельпрома:

„Не хочешь чтоб пучило в пузе—
Покупай молоко в Трудсоюзе“.

или:

„Хочешь довести сына до ВУЗА—
пой его молоком Трудсоюза“.

Насколько удачны или неудачны эти двестишия—оставляем этот вопрос в стороне.

Тираж всех листовок, выпущенных к 1-му мая, доходил до 1 $\frac{1}{2}$ миллиона экземпляров, что составляет по 7 штук на каждого активного участника демонстрации и свыше, чем по одному листку, на каждого жителя Ленинграда; мы могли бы из всех листовок, выпущенных к 1-му мая, склеить ленту шириною 15—20 см. и около 500 километров длины.

3. Образы Мая

При первых же попытках подвести итоги тому, что было продемонстрировано колоннами общегородской демонстрации 1-го мая, приходится установить одно крайне существенное положение. Все автомобили, повозки, группы и т. д., не сосредоточиваясь ни в коем случае только на инсценировочности, использовали одновременно несколько тем. Каждое оформление, рядом с крайне любопытной, подчас, театрально-просветительный призыв. В крайне незначительном количестве случаев площадки развивали какую либо одну тему, чаще же их было две, три и больше. Вот такое перекрещивание тем и создавало в процессии необыкновенно яркий момент революционного синтеза тем производства и полит-призыва; культ-работы и борьбы за III Интернационал; улучшения транспорта и раскрепощения народов Востока и т. д., и т. д.

Подсчитав повозки, автомобили и группы, далеко еще не подсчитаешь того, что было „представлено“ первого мая.

Линию учета здесь приходится направлять в сторону подсчета отдельных тем. Подводя итоги и сближая темы по содержанию, можно расположить их приблизительно так:

Т Е М Ы.	Количество.	% %.
Производственные	147	42,0
Работа, достижения и защита СССР	61	17,5
Борьба с империализмом и капитализмом	86	24,5
Тема Культпросвета	21	6,0
Кооперативные	20	5,5
Посвященные маевке	11	3,0
Профработы и профинтересов	5	1,5
Всего	351	100

Как видно из приведенной таблицы, наибольший процент падает на группу производственных тем. Из единичных тем, проходящих чаще всего, мы опять встречаемся с темами из той же производственной группы:

Изображение характера или роста производства	84	раза
Демонстрация изделий	39	"
Производственные процессы	21	"

Вслед за ними идут сравнительно высоко только две темы:

Смычка города с деревней	17	раз
Пролетарская мировая революция	15	"

Остальные темы повторяются чаще всего по 2—3 раза, и только отдельные из них восходят до 12 (кооперативные) и 8 (Мопр).

Любопытно отметить так же число учтенных персональных сатирических масок в демонстрации: Цанков был дан 6 раз, Гинденбург—4 и кайзер—2 раза.

Все, что было продемонстрировано различными организациями в шестивии утром 1-го мая, можно разделить на несколько групп по тому, как это было показано.

К *первой группе* мы отнесем производственников, которые в этот день и открыли собой общегородскую демонстрацию.

Производственные процессы 1-го мая вообще выступают на демонстрации в двух видах:—реального процесса и инсценировки. К этой группе мы относим исключительно только реальные процессы. Здесь прозодежда, инструменты, обязательное отсутствие всякого прихорашивания изобразительности:—грима, особого костюма и т. д. Люди и вещи даны исключительно в своем естественном производственном виде. Здесь демонстрация машины в действии, а не его инсценировка, здесь за машиной работница с хорошим стажем и действительным навыком, а не актриса с выразительными движениями.

Радио-станция дает в качестве производственного процесса радио приемник в действии; типография тут же набирает, печатает и разбрасывает листовки; табачники вырабатывают папиросы и т. д. и т. д.

Центр тяжести этой группы вполне очевиден—он лежит в самом процессе производства, а вместе с тем и на его рабочих, орудиях и достижениях.

Вторая группа—бытовая. В ней автомобили с работницами, октябрюта с плакатами „Внучата Ленина“ и т. д.

Третья группа физкультуры и спорта была представлена стройными шеренгами Спартака, которые своей бодрой молодостью так уверенно подкрепляли первомайский праздник. Пройти мимо этой

группы и не отметить ее—равносильно потере одного из больших звеньев наблюдения.

Интересны отдельные моменты театрализации групп Спартака, из которых упомянем хотя бы об одной. Несколько человек в своих гимнастических костюмах несут на плечах шар, на котором стоит пионерка и рядом плакат с надписью: „Мы—ленинцы“.

К *четвертой группе* мы относим все инсценировки, производственные и бытовые картины, облеченные в *театрализованную форму*, политсатиру и т. д.,—словом, все, что связано с понятием театрального действия.

Театр пришел на утреннюю демонстрацию в самых разнообразных своих формах, начиная с цельного спектакля и доходя до отдельных фрагментов представления. Конечно, в данном случае речь идет не о том традиционном театре и спектакле, которые мы привыкли видеть в каменных зданиях,—было и его участие, правда, крайне незначительное;—речь идет, главным образом о театрализованном действии, которым был пропитан весь первомайский карнавал. Театр жил не только в тех группах, которые инсценировали какую-либо тему на автомобиле или непосредственно в толпе демонстрантов; он проглядывал иногда среди отдельных установок, механизированных фигур и даже экспонатов. В этом нет, конечно, и намек на то, что театр покрывал собою большую часть демонстрации или всецело ее осуществлял. Конечно, нет. Театр, как и все другие виды искусства, нес исключительно служебную роль. Это был один из ярких моментов для вскрытия корней искусства. Первое мая (как пример) явилось одним из самых веских аргументов против утверждения, в каком бы то ни было виде, „принципа чистого искусства“ или отыскания его „имманентных“ сторон. С другой стороны, театр не мог всецело осуществлять демонстрацию уже потому, что и весь „карнавал“ является только надстройкой над первомайской общегородской демонстрацией.

Вместе с театром на маевке эстрада и цирк, который нес плакат с надписью: „Искусство цирка—интернационально“. Театр пришел на площадь и улицы, главным образом, с клубными работниками. „Бытовая основа самодеятельного театра, пролетарская манифестация и митинг“, как декларировал самодеятельный театр в 1923-м году. И здесь он, действительно, в своей работе занимает командные высоты, не встречая равного по интенсивности участия в маевке ни в проф. театре, ни в эстраде, ни в цирке.

В то время, как профессиональный театр проходит в майские дни вообще рядовыми представлениями, Самодеятельный театр готовится, именно, к первому мая. Тут и подготовка к демонстрации в виде

сработки сценариев, небольших инсценировок, отрывков и т. д., тут и работа к вечерним майским праздникам.

Некоторые организации вырабатывают даже сценарий для всего карнавального шествия своей группы, включая сюда как порядок следования пеших групп, автомобилей, плакатов и т. д., так и схему сценического действия. Такова, например, „Схема—сценарий карнавала шествия Объединенного клуба им. Ленина в демонстрации 1-го мая 1925 г.“ В этой схеме, кроме сценария и содержания надписей на плакатах, приведена также и песня, построенная на мотив „Мы кузнецы“, при чем каждый куплет в ней отдан той или иной

профессии. Более подробной, со включением текста и сценария, является „Композиция фургонного первомайского действия“ Михаила Рохмана и Владимира Вознесенского, построенная на кооперативные темы.

Такой же законченной, с точки зрения современной театральности, являлась и „Комедь малодецкая про Петрушку Советского“, сработанная и исполненная Единым Художественным Кружком Ленинградского Политехнического Института. Состав действующих лиц весь подобран к „текущему моменту“: Дед Пахом, Красноармеец, Уркварт,

пан, эс-дек, помещик Фощ, Усас, и, наконец, сам Петрушка. Вся „Комедь“ разбита на 4 этюда и концовку („Из разговоров с друзьями“, „Кузькина мать“, „Помни о Доброхиме“, „Помни о МОПР'е“ и концовка). Каждый эпизод анонсировался специальным плакатом. Среди аксессуаров: 3 маски противогаза, винтовка, палка, сабля, крест и розги; эффекты: дым (удушливые газы) и выстрелы; аккомпанимент—гармоника; костюмы и грим. „Комедь“ была дана в виде такого фургонного действия во время демонстрации несколько раз.

Рядом с этими, если только так можно сказать, законченными спектаклями, в которых мы находим твердый текст, ограничение сценической площадки, декорации, костюм, грим, схематическую мизансцену, видимую срепетовку и т. д., проходит целый ряд инсценировок совершенно другого характера. Их построение в обобщенном виде, приблизительно, следующее: 1) Тема чаще всего не одна, а две, три или больше, связанные единством какого либо политического и экономического момента—единством, которое мы обозначили как революционный синтез. 2) Персонажи, среди которых мы часто встречаем уже установившиеся „маски“ сегодняшнего дня (согласитель, буржуй, белый офицер и т. д.). 3) Костюм и грим. 4) Вещественное оформление, которое иногда доводится до декоративов, если эта инсценировка располагается на подвижной площадке и ограничивается необходимыми и в небольшом количестве предметами игры, если эта группа идет пешком среди колонн. Эти четыре момента и связывают контуры всей инсценировки, давая возможность всему остальному вытекать непосредственно из них. Таким же импровизационным порядком рождается и текст разыгрываемых сценок, подчиненный только общему принципу и структуре инсценировки. Количество персонажей в них самое разнообразное, также разнообразна и степень театральности этих „инсценировок“.

Один из заводов на демонстрации 1-го мая дал, например, на грузовике деревенскую избышку, крытую соломой, с красным петухом на крыше, демонстрируя в то же время огнетушители и пожарные рукава. На грузовике десятка полтора мужчин и женщин, одетых по-крестьянски. Все это было построено по принципу „живой картины“: один стоял с багром, другой со шлангом и т. д.; но достаточно было двух-трех „реплик“ с грузовика в толпу, как „живая картина“ немедленно переключалась в самую неподдельную театральную инсценировку.

Приведем иной случай из другой демонстрации. Среди колонн в небольшом интервале шли две костюмированные фигуры: ксендз и буржуй, связанные по рукам железными цепями, а сзади них коренастый и высокий, без грима и в обычной современной „тройке“, с кепкой на голове рабочий, держа в руках здоровенный бутафорский

молот, которым он изредка ударял по головам ксендза и буржуя. Все трое двигались молча, просто шли среди колонны, но костюм, грим, молот и его удары делали свое дело—это был законченный театральный акт.

Крайне любопытно было также втягивание в театральное действие и технического персонала демонстрации,—прием встречавшийся и на прежних праздниках. На одном из автомобилей была построена для заключенного рабочего клетка, размещенная так, что в ней, как раз на своем месте, очутился шофер, который управляя автомобилем,

в то же время „играл роль“ рабочего. Таким образом, технический персонаж использован одновременно и инсценировочным порядком. Таких примеров в минувшей майской демонстрации было несколько, и все они представляют крайне интересное явление.

Здесь необходимо указать также и на то, что некоторые темы выбирались и использовывались по профессиональным признакам; так, например, одна из больниц ставит группу убийства д-ра Полякова, Госбанк—победу валюты СССР и т. д.

Рядом с этим заводы используют и демонстрацию своего производства и его продукции в чисто инсценировочных целях; так, один из них водружает на площадку громадную модель сковородки своей продукции, на которой поджаривается польский буржуй (политсатира)—как раз тот революционный синтез, о котором мы говорили выше.

Подробное описание инсценировок, хотя бы той же первомайской демонстрации в Ленинграде, дало бы возможность более подробно расчленить и классифицировать „театральное действо“ наших клубов и рабочих организаций на площадях и улицах. Нам же придется остановиться только на грубом и довольно примитивном делении.

Таких делений мы намечаем два. К первому из них мы относим те подвижные спектакли, которые носили характер типичного для нас „представления“, перенесенного в подвижной театр (автомобиль), с теми же принципами игры и использования сценической площадки. Ко второму—выступления театрализованных групп, а в отдельных случаях и демонстрация установок, уже не связанных с традициями театра 18 и 19 столетий.

К *пятой группе* мы относим все те *плакаты, установки, муляжные работы* и т. д., которые, пользуясь только изобразительным искусством, развивали те же первомайские темы в виде диаграмм, схем, рисунков, моделей, конструкций и т. д. По большей части они были связаны с первой группой и сравнительно редко выступали вне театрализованного сопровождения.

Весьма показательными при описании первомайской демонстрации являются также костюмы и грим участников тех 5 групп, о которых мы только что говорили.

Самым ярким блеском на фоне всей демонстрации, конечно, были спортивные костюмы на молодежи и красные платки на работниках. Они брали своей определенностью, гармонией и количеством.

В большом количестве на этой маевке также был производственный костюм: синие блузы, фартуки, костюмы пекарей, мясников и т. д., словом,—прозодежда во всех ее видах.

Политсатира, выработав ряд масок современности, создала одновременно, конечно, и своеобразный для каждой из них костюм. Буржуй и соглашатель немислимы в них без фрака и цилиндра или котелка, также как белый офицер—без зеленовато-синего мундира, погон и сабли. Утверждение такого костюма шло по линии наиболее характерных деталей. Эта линия деталей особенно рельефно выступает уже в живых газетах, где только надетый на голову цилиндр при прозодежде (блузе) уже обозначает внешний облик „буржуя“, „министра“, „соглашателя“, словом,—нужный персонаж белого фронта. Цилиндр в клубных инсценировках, а вместе с ними и через них

и на играх массовых праздников, играет весьма значительную роль, резко отделяя „чужих“ от „своих“. В противоположность цилиндру (на соглашателе и буржуе)—на рабочем мы чаще всего встречаем кепку.

Вообще можно наметить, приблизительно, следующие деления костюмировки всех пяти групп: 1) обычный городской костюм; 2) национальный и местный-бытовой (подлинный); 3) театральный костюм 4) спортивный; 5) трудовая одежда и 6) обычный костюм со внесением в него характерных деталей.

Насколько разнообразен был костюм, настолько же убог был самый обычный „театральный“ грим, наложенный иногда слишком „любительской“ рукой. Но не в последнем дело, и ставить это в каком бы то виде в упрек, конечно нельзя. Можно лишь установить,

что, найдя ряд специфических костюмов и аксессуаров для излюбленных масок, инсценировка на площади не нашла еще для себя своего гримировального приема. Театральный грим здесь, конечно, только паллиатив. Среди участников театральных групп—загримированных сравнительно небольшой процент:

Незагримированных	81%
Загримированных	17%
Масок	2%

Необходимо отметить также, что гримом пользовались, главным образом, для отрицательных и комических персонажей. Все положи-

тельные персонажи инсценировки: рабочие, красноармейцы и т. д.—чаще всего были только одеты в соответствующий костюм, но не загромированы.

М
Вся демонстрация проходила на фоне самых разнообразных звучаний. Здесь была и оркестровая музыка (духовые и струнные оркестры), революционная песня, звуки сирены декоративных паровозов, стук работающих машин, гудки автомобилей, дробь пионерских барабанов, аплодисменты и несмолкаемое „ура“ перед трибунами. Дефилировал автомобиль с двумя большими наковальнями, на которых в 4 молотка кузнецы выбивали в музыкальном рисунке такт оркестру, игравшему песенку „Мы, кузнецы“. Автомобиль этот имел шумный успех и трибуны провожали его долгими аплодисментами.

Нужно отметить также роль животных и зверей в первомайских инсценировках, обычно демонстрируемых Зоологическим садом. Ослы, гиены, лиса и т. д.—все это находит яркое аллегорическое сопоставление с „деятелями“ западно-европейского империализма и капитала. Эта линия сатиры, по которой так легко было бы пойти цирку и на которую его усиленно каждую демонстрацию толкает Зоосад, он, к сожалению, воспринимает только в микроскопических дозах и не хочет довести ее до цельных пантомим.

Возвращаясь к анализу количественного подсчета тем, прошедших на первомайской демонстрации, мы должны установить, что праздник первого мая 1925 года в Ленинграде проходил под знаком производственных лозунгов и демонстраций.

В приведенных цифрах это положение окрашивается доказательно и ярко. Тем не менее в этих цифрах, как мы уже говорили, ни одной секунды нельзя видеть оторванности производственных тем от политических и общественных интересов пролетариата. В каждом оформлении, в каждом лозунге, брошенном иногда даже на сравнительно узкую тему, звучит внутренне связанный с ним полит-призыв—тот момент, который мы обозначим, как революционный синтез в массовом празднике, где каждый „Петрушка“, каждая сатирическая фигура соглашателя, горка демонстрируемых изделий и подвижной буфет носят в себе точное политическое устремление его конструктора.

4. Два вечера

Трудно сказать, прекращалось ли хоть на небольшой промежуток времени первомайское празднование в течение всего дня и вечера. Официальное расписание Первомайской Комиссии предусматривало такой перерыв в течение 2-3 часов, но на самом деле и этот „антракт“, хотя и в меньшей мере, также был наполнен праздничными выступлениями.

Не успели разойтись колонны утренней демонстрации, как по городу, пересекая его в разных направлениях, понеслись автомобили с теми же „карнавальными“ группами, которые мы видели утром. Но тогда они совершали свое движение в медленном темпе, соотносясь с маршем демонстрации, а сейчас они уже с большей скоростью перебрасывались с одного конца города на другой. Развевались фалды фраков соглашателей, покачивались цилиндры, доносились только отдельные выкрики; удар в ладоши, взмах руки—и автомобиль скрывался с тем, чтобы через несколько минут на его месте появился другой. На смену приходил ярко освещенный гирляндами электрических лампочек мотор с небольшим оркестром музыки, а за ним второй, третий... Нарядные улицы засыпаны листовками; слышатся отрывки песен, веселый говор. Праздник продолжается.

Вечер первого мая, как мы уже говорили, был вынесен на улицу и в сады, где были устроены площадки для различных выступлений.

В одном только Центральном районе таких пунктов было шесть. Московско-Нарвский район строит две больших площадки (12×6 аршин и высотой 1½ арш.); одна из них покрывается ковром, а на другой даже устанавливается театральный павильон (декорация комнаты). Василеостровский район использует для праздничных выступлений набережную Лейтенанта Шмидта и улицу Веры Слуцкой.

Если свести программы всех вечерних первомайских выступлений и развлечений в одну, то она включит в себя приблизительно следующее:

1. Спектакль.
2. Кино.
3. Спортивные выступления.
4. Дивертисмент.
- ✓ 5. Оркестровые №№.
6. Демонстрации Воздухофлота и Доброхима.
- ✓ 7. Танцы.
8. Фейерверк.

Конечно, все эти номера далеко неравномерно распределяются по площадкам и отдельным местам выступлений. Это объясняется не только степенью инициативы и организованностью того или другого района, но и самой техникой выступлений. Они проводились двояким порядком: группами, прикрепленными к одному месту выступлений, и передвижными группами. И то, и другое и создавало неравномерность программ в различных местах города. В одном пункте постоянных групп было несколько, в другом их не было совсем. Передвижные группы иногда одновременно съезжались к одной и той же площадке,

на месте оставалась одна из них, а другие направлялись дальше с тем, чтобы уже не возвращаться к этой площадке.

Среди театрализованных выступлений вечером 1-го мая доминировала живая газета со своими номерами, выпущенными специально к этому дню. Прошел целый ряд клубных инсценировок. Снова утренние автомобили: авто Севкабеля дает инсценировку, посвященную электрификации деревни; авто другого завода — белому террору в Болгарии; авто ф-ки Урицкого — МОПР'у и поднятию производительности труда. У ларьков кооперации — инсценировки на кооперативные темы; Союз Просвещенцев дает хоровую декламацию, меняя мизансцену исполнителей в зависимости от изображения митинга или демонстрации.

Спартак выступает с гимнастическими упражнениями и играми. Его выступления имеют везде определенный и преобладающий над другими номерами успех.

В дивертисменте принимают участие работники театра, эстрады и цирка.

Зрители в садах плотно обступают площадки, а на улицах переходят с места на место, стараясь не пропустить ни одного номера. Иногда кольцо зрителей вокруг площадки образуется настолько плотное, что автомобили с подъезжающими группами должны останавливаться, не доезжая до места выступления, и артистам приходится уже самим пробираться к эстраде. В Московско-Нарвском районе напор толпы зрителей на площадку был настолько энергичен, что пришлось в 7 ч. веч., т. е. еще совсем засветло, пустить в отдалении несколько ракет, чтобы отвлечь часть народа от эстрады.

Во многих местах организуются танцы под оркестры или отдельные инструменты, а позже, когда оркестры уже расходятся, танцуют просто под хлопанье в ладоши.

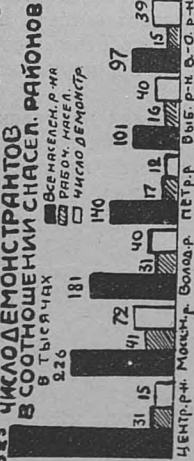
Иначе проходит вечер второго мая. Он целиком уже перенесен в клубы, а вместе с тем изменяется и его программа. В обобщенном виде она включает в себя следующие номера:

1. Собрания, посвященные 1-му мая.
2. Лекции.
3. Спектакль.
4. Кино.
5. Спортивные выступления.
6. Хоровая декламация.
7. Выступление хорового кружка.
8. Дивертисмент.
9. Танцы (редко).

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ГОС. ИМ. ИСТОРИИ ИСКУССТВ

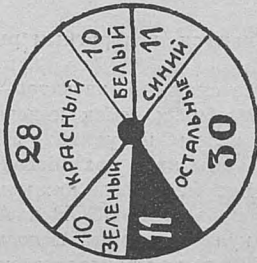
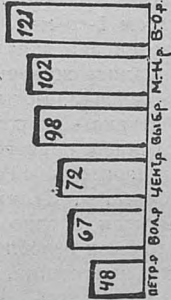
ПЕРВОЕ МАЯ 1925 г. В ЛЕНИНГРАДЕ

323 ЧИСЛО ДЕМОНСТРАНТОВ
В СООТНОШЕНИИ С НАСЕЛ. РАЙОНОВ
В ТЫСЯЧАХ

ЧИСЛО ОРГАНИЗАЦИЙ

ЦВЕТА
в % %

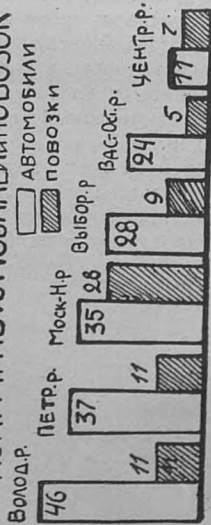

ТЕМЫ

Производство

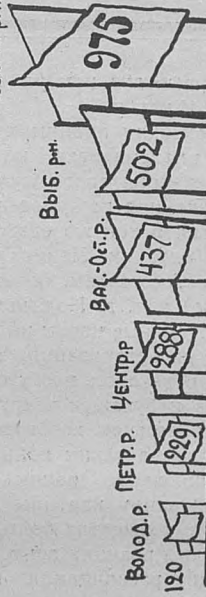

КОЛИЧ. АВТОМОБИЛЕЙ, ПОВОЗКОВ

КОЛИЧ. ЗНАМЕН И СТЯГОВ

Моск.-рн. р.-н.

Первые два номера и являются поворотным рычагом маевки от улицы к клубу.

Спектакли принимают более сложный характер—это уже не летучие инсценировки на автомобилях днем и вечером 1-го мая, не импровизация среди шумной массы на улицах, а твердо сделанная и разученная постановка. Но темы этих постановок продолжают развиваться в том же единстве 1-го мая. Среди них и перекраска земного шара (клуб им. Ленина), и борьба пар.: СССР и Антанта, Профинтерн и Амстердам, селькор и кулак, активный и лодырь (клуб им. Калинина) и т. д. Но был случай и такого контраста, какой представляли искусственные цветы на фоне тракторов утром 1-го мая, в постановке одной из организаций. Взамен рабочей маевки она дала „представление“, в котором пробуждалась весна, собирались живописные группы цветов и букашек вокруг царицы - розы; бабочки, мотыльки и стрекозы в веселом хороводе порхали вокруг старца - „чародея“...

Рядом с таким пониманием и празднованием первого мая 1925 г. необыкновенно ярким примером встает зрительный зал во время демонстрации картины „Враги“ в клубе им. тов. Калинина. Каждый момент торжества белых и красных вызывал вполне определенные и резкие реакции зрительного зала. То это были озлобленные и угрожающие восклицания при расстреле красноармейца, то громкие аплодисменты при победе красных.

Преобладали, конечно, выступления по линии Единого Художественного Кружка, и среди них опять таки живая газета. Чисто театральное удобство (портативность) этого жанра с одной стороны, а с другой, эластичность в передаче вопросов текущего момента в театральной форме, ее близость современности—все это отчетливо объясняет преобладание живой газеты над остальными инсценировками в майские дни.

Как и во всех других своих выступлениях на маевке и в этот вечер пользовались большим успехом выступления групп Спартак.

Так проходили эти два вечера Ленинградской маевки, составляя одно неразрывное целое в праздновании 1-го мая.

„День просвещения“

31 мая 1925 года

(Краткий отчет)

Демонстрация „Дня просвещения“ началась около 11 часов утра движением районных колонн к центральному пункту, площади имени Урицкого. На площадь первые ряды демонстрантов вступили в 12 ч. 7 мин. дня.

По данным учета в демонстрации принимало участие до 300 организаций, это были школы I и II-ой ступени, детские дома, Вуз'ы и т. д.

Общее количество демонстрантов порайонно представляется в следующих цифрах:

№№ по порядку.	Р А Й О Н Ы.	Количество людей.	Количество организаций.
1	Володарский	35,000	22
2	Центральный	16,994	78
3	Московско-Нарвский	15,954	75
4	Выборгский	10,700	(Данных нет)
5	Василеостровский	8,347	62
6	Петроградский	5,253	41
	Итого	92,248	Ок. 300

Лозунги дня можно разбить на две группы:

А. Лозунги устные, бросаемые с трибуны и к трибуне.

В. Лозунги плакатов и стягов.

По содержанию (в %/0/0):

№№ по порядку.	СОДЕРЖАНИЕ.	В %/0/0.
1	Просвещение и культура	18
2	„День просвещения“	13
3	Комсомол, пионеры, Spartak	11
4	Строительство новой школы	11
5	Связь просвещения с другими областями	11
6	Работники просвещения	9
7	Персональное обращение	8
8	Просвещение—путь к коммунизму	7
9	Приветствия революции, партии и вождям	5
10	Смычка	5
11	Всеобщее обучение	2

К этой же группе надо отнести и коллективные пионерские крики, каковых наблюдалось 20.

В отношении группы В (лозунги писанные), как пример, приводим:

№№ по порядку.	СОДЕРЖАНИЕ.	В %/0/0.
1	Просвещение в массах	17
2	Новая школа	16
3	Просвещение—путь к коммунизму	15
4	Просвещение в борьбе за рабочее дело	12
5	Ленинизм в школе	9
6	Просвещение—устроитель страны	9
7	Борьба с неграмотностью	6
8	Книга	6
9	Клуб	6
10	Прочие	3
11	„День просвещения“	1

Количество знамен и стягов по районам распределяется следующим образом:

№№ по порядку.	РАЙОНЫ.	Количество знамен.	Количество стягов.
1	Центральный	121	280
2	Выборгский	89	262
3	Московско-Нарвский	78	380
4	Петроградский	78	44
5	Василеостровский	44	240
6	Володарский	Данных нет.	Данных нет.
	Итого . . .	410	1.206

Кроме того, в демонстрации принимали участие автомобили и повозки, которые были разнообразно убраны и служили либо для перевозки детей, либо в качестве площадок для всевозможных театрализованных выступлений.

Темы убранства автомобилей и повозок, а также содержание многих выступлений дают следующую картину:

№№ по порядку.	СОДЕРЖАНИЕ.	В %/о/о.
1	Школа	20
2	Различные статистические данные	14,5
3	Деревня	12
4	Наука и просвещение	9
5	Фабрика и производство	9
6	Клуб	7
7	Быт	7
8	Книга	6
9	Борьба с капитализмом	6
10	Народы СССР	5
11	Ленинизм в школе	3,5
12	Пионеры	1

В празднование „Дня Просвещения“ было введено до 32 различных категорий предметов.

Приводим наиболее характерные из них:

	В %/о/о.		В %/о/о.
Книга	25,0	Стол и стулья	2,5
Школьные вещи	12,0	Бутылка	1,5
Серп	8,0	Звезда	1,5
Глобус	6,0	Аэроплан, паровоз, пароход	0,7
Молот	4,5	Фото-и кино-аппараты	0,7
Предметы производства	4,0	Балалайка	0,7

В отношении оформления праздника, преобладающее место занимали цвета: красный, синий, белый и черный. Среди них мы имеем следующее процентное соотношение:

Красный	23	Серый	3,5
Синий	14,5	Неопределенный	3
Белый	14	Золото	2,5
Черный	10	Оранжевый	2,5
Желтый	8,5	Розовый	1
Зеленый	8	Лиловый	0,5
Коричневый	4,5	Неокрашенная фанера	0,5
Голубой	4		

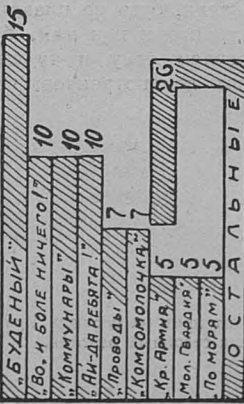
Оркестры, преимущественно духовые, исполнили до 39 различных вещей, из которых „Буденный“ был исполнен 4 раза и „Кузнецы“ — 2 раза. В петроградском районе на автомобиле было поставлено пианино.

Демонстрантами на отправных пунктах исполнялось свыше 40 различных песен. Наиболее часто повторяющиеся были следующие:

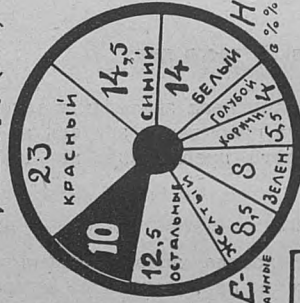
П Е С Н И.	В %/о/о	П Е С Н И.	В %/о/о
Буденный	15	По морям	5
Во, и боле ничего	10	Долой, долой монахов	2
Коммунары	10	Рабочая марсельеза	2
Проводы	7	Итальянский рабоч. гимн	2
Комсомолочка	7	Варшавянка	2
Вся деревня у пола	5	Кузнецы	2
Красная армия	5	Лейся песнь моя	2
Молодая гвардия	5	Прочие	10

ДЕНЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ 31 МАЯ 1925 Г. В ЛЕНИНГРАДЕ

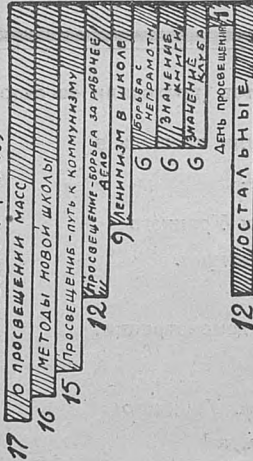
ПЕСНИ (в%)

ЦВЕТА (в%)

ЛОЗУНГИ (в%)

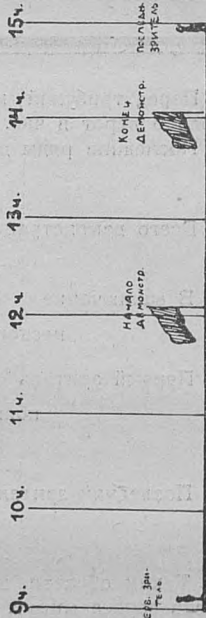
ТЕМЫ ИНСЦЕНСОВ (в%)

СКОРОСТЬ ПРОХОЖДЕНИЯ ДЕМОНСТРАЦИИ НА ПЛ. УРИЦКОГО

НАЧАЛО И КОНЕЦ ДЕМОНСТРАЦИИ И ПРИСУТСТВИЕ ЗРИТЕЛЯ НА ПЛ. УРИЦКОГО.

Перед трибуной колонны демонстрантов проходили со скоростью около 6 верст в час.

Последние ряды демонстрантов покинули площадь в
14 час. 5 мин.

Всего демонстрация на площади имени Урицкого
длилась: 1 час 58 минут.

В заключение

несколько слов о зрителе демонстрации,

Первый зритель

появился на площади им. Урицкого
в 9 ч. 20 мин. утра, а¹

Последний зритель

ушел с нее в 15 часов дня.

Таким образом, площадь была заполнена зрителем в течение пяти часов сорока минут. Мы видим, что пребывание зрителя на площади Урицкого значительно превышает пребывание на ней демонстрантов.

Подведем некоторые итоги:

Демонстрация „Дня Просвещения“ носила ярко выраженный характер, как со стороны участвующих в ней, так и со стороны тем, затронутых ею. Какую бы группу мы ни взяли, будь то плакаты или стяги, будь то лозунги, бросаемые демонстрантами и к ним, будь то инсценировки,—езде и всюду мы встречаем одну и ту же тему: школа, просвещение и его деятели. И ряды демонстрантов, главным образом, составили учащие и учащиеся.

¹ Первым зрителем, который пришел в этот день на площадь Урицкого из Новой Деревни именно „посмотреть праздник“ был сезонный рабочий.

XI МЮД — 6 сентября 1925 года

I

Прежде чем приступить к разбору материала, собранного на учете демонстрации этого дня, необходимо в нескольких словах обрисовать характер работы по учету этого праздника. Число работавших на этой демонстрации ¹ было настолько невелико, что разбивать их по районам не имело никакого смысла, и учет производился только перед трибуной на площади Урицкого.

Поэтому и результаты получились довольно односторонние. Например, при учете звучаний демонстрации, мы зарегистрировали почти одни только марши. Совершенно ясно, что если бы учет производился по-районно, мы имели бы в руках учитывавших звучания полный репертуар комсомольских и пионерских песен.

То же самое и при учете количества принимающих участие в демонстрации ². Отсутствие порайонного учета не дало нам возможности вычислить $\%$ -ное отношение участвующих к общему числу жителей.

Но, с другой стороны, именно, на учете этого дня мы исследовали картину большой демонстрации в аспекте зрителя с трибуны, приема, почти не имевшего до этого „прав гражданства“ в нашей работе.

II

Демонстрация была назначена на 11 ч. 30 мин., но движение, непосредственно связанное с нею, уже начинается с 10 ч. утра, т. е. за полтора часа до официального начала праздника.

В разных концах площади—группа демонстрантов, направляющихся к своим организациям, а на фундаменте ограды сада Зимнего дворца уже накопилось 200 человек. У трибуны—никого. Выход первого ряда милиции и установка снующего по площади зрителя.

¹ Вследствие каникулярного времени.

² Необходимо оговорить, что $\%$ крайне интересен своей устойчивостью (в сред. ок. 40% в рабоч. район, и от 6% до 24% в остальн.).

Добавочный наряд милиции к трибуне.

Через площадь проходят демонстранты (от угла сада под Арку). По бокам трибуны устанавливаются кольца и натягиваются веревки. У сада и у колонны цепь зрителей в 1 ряд. У сада первый авто с пионерами.

Установка зрителя и проверка пикетов милиции . . . 11 ч. 28 мин.

Зритель у сада цепью в 4 ряда. Начинается перебежка от сада 11 ч. 34 мин.

Проверка пропусков у стоящих перед трибуной . . . 11 ч. 35 мин.

На трибуне первый фотограф 11 ч. 38 мин.

Конная милиция выравнивает ряды стоящих перед трибуной 11 ч. 50 мин.

Вдали слышен оркестр демонстрации, показавшейся из под арки Штаба 11 ч. 58 мин.

Выход на трибуну Губисполкома с т. Калининым и фактическое начало демонстрации¹ 12 ч. 1¹/₂ мин.

Охрана состояла из 24-х конных милиционеров.

В демонстрации приняли участие:

№№ по порядку.	Название	Назначение.	Количество.	Примечание.
1	Авто.	Для пионеров	53	Грузовики.
2	"	" "	2	Легковые.
3	Повозки.	" "	25	
4	Авто.	Театрализов	39	Грузовики.
5	Повозки.	"	3	
6	Автобусы.	Для пионеров	1	
7	"	Для ученых	1	
8	Пеш. группы.	Театрализ.	3	

¹ Длина площадки демонстрации — 339 шагов. Ширина в начале демонстрации 32 шага, к двум часам дня — 20 шагов, а к концу демонстрации — 16 шагов.

III

В цифрах мы имеем следующее отображение оформления демонстрации:

№№ по порядку.	О Ф О Р М Л Е Н И Е.	Количество.
1	Знамена	1.243
2	Стяги	1.208
3	Декоративные установки	66
4	Театральные установки	45
5	Оркестров духовых	99 ✓
6	Автомобилей	94
7	Повозок	28

Л о з у н г и

№№ по порядку.	У С Т Н Ы Е.		№№ по порядку.	Г Р А Ф И Ч Е С К И Е.	
	От кого.	Количество.		Где написано.	Количество.
1	С трибуны	45	1	На трибуне	5
2	От пионеров	5	2	„ авто	36
			3	„ повозках	5
3	Из колонны	9	4	„ стягах	109
			5	„ знаменах	1

Итак всего записано 215 лозунгов, из них устных 59, а письменных—156.

У с т а н о в к и

№№ по порядку.	Род установок.	Средства передвижения.	В %/о/о.
1	Театрализов.	Авто	86,6
2	"	Повозок	6,2
3	"	Пешие	6,2
4	Декоративные.	Авто	80,3
5	"	Повозок	9,1
6	"	Пешие	10,7

Изо: Всего учтено 66 изо-установок. По материалу, из которого они изготовлены, эта цифра делится следующим образом:

№№ по порядку.	МАТЕРИАЛ.	Сколько раз встречается.	В %/о/о.
1	Фанера	24	38
2	Полотно	13	20,6
3	Дерево	8	12,8
4	Картон и бумага	4	6,4
5	Разное (железо, мех, пробка, гипс, ковры)	14	22,2
6	Неизвестный материал	3	—

объемность отмечена всего в 43 установках. Из них:

Плоскостных—15.

Трехмерных—27.

Смешанных — 1.

Содержание установок таково:

№№ по порядку.	СОДЕРЖАНИЕ.	Сколько раз.	Примечание.
1	Плакат-монтаж	23	
2	Производствен. установок	12	
3	Конструктивных установок	10	
4	Книги—школа	9	
5	Ленин	5	
6	Серп и молот	4	
7	Земной шар	3	

Тема—Запад здесь повторяется гораздо реже, чем в лозунгах. Там мы в общей сложности имеем 35—40% обращения к Западу, здесь около 10%. Это семь установок. Вот их содержание:

1. Конструктивная установка, на ней физкультурник и представители разных народностей.

2. Земной шар, вокруг пионеры, комсомольцы, серп и молот, звезда и фабрично-заводская труба.

3. Установка, изображающая связь между народами. Телеграфные столбы, радио и нарисованные на фанере письма.

4. Земной шар. Вокруг—радио-установки.

5. Земной шар.

6. Установка; на ней представители разных народностей.

7. То же на авто. От углов авто к центру, т. е. к высокому шесту, установленному в центре авто, протянуты флаги всех народностей.

Такого рода установки чрезвычайно статичны. Большей динамикой отличаются установки производственного типа, в которых обычно дается процесс работы или демонстрация своей продукции. И в „изо“-оформлении демонстрации производство играет несравненно большую роль, нежели в литературном.

Производственных установок учтено 12. Вот самые характерные из них:

1. На авто—кузница. В центре—наковальня, в горне—горящий уголь, по бокам оборудование мастерской; рабочие в прозодежде куют, ритмично ударяя молотами по наковальне.

2. Модель корабля.

3. Прядильная фабрика. Машины в работе.

4. Кузница,—рабочие бьют молотами.
5. Завод. На авто станки и на них работают.
6. ЛСПО. На авто лавка и выставка его продукции.
7. Модель завода с дымящейся трубой и т. д.

Но есть установки смешанного типа, так, например, плакат-монтаж. В ранее описанных установках оформление отличается простотой и цельностью; в плакат-монтаже дело обстоит несколько иначе. Его содержание нельзя определить точно, как мы это делали в отношении других установок. Причиной этому служит чрезвычайно разнообразный материал, отсутствие цельности в замысле. Примером может служить один автомобиль, на котором находились снопы, раскрытая книга с портретом Ленина, несколько диаграмм, красноармеец с винтовкой и четыре больших плаката с самым разнообразным содержанием.

Тут напрашивается мысль о силе воздействия этих двух типов изо-установок, о степени их доходчивости. Вопрос чрезвычайно интересный, требующий особой разработки.

Цвета в изо-оформлении, не считая стягов и знамен, распределяются следующим образом.

№№ по порядку.	Ц В Е Т.	0/0% повторения.	Примечание.
1	Красный	18	Синий и голубой считаются вместе.
2	Белый	14	
3	Черный	12,5	
4	Синий	10,5	
5	Желтый	9,5	
6	Зеленый	9,8	
7	Серый	9	
8	Коричневый	5	
9	Розовый	4,8	
10	Сиреневый	3,7	
11	Золотой	2	
12	Оранжевый	2	

Процентное соотношение цветов почти не меняется во всех демонстрациях. На первом месте по количеству раз всегда стоит красный цвет, но с каждым праздником растет полихромность и расширяется гамма оттенков. МЮД'у 1925 года еще далеко до демонстрации 7 ноября, когда появились такие расцветы стягов: зеленый, желтый; жел-

тый и, синий и черный, желтый и синий и т. д., но все же плакаты и раскрашенные установки богаты цветами, чаще всего предметы окрашены в 4-5 цветов, примерно, в следующих сочетаниях:

1. Красный, зеленый, черный и оранжевый.
2. Зеленый, черный, белый и красный.
3. Красный, серый, желтый, белый.
4. Белый, коричневый, серый, красный и сиреневый.

„ТЕО“: Трудность учета театрального действия на площади Урицкого заключалась в отсутствии возможности на этот раз следовать за театральными группами, записывать текст, отмечать движения. Группы, проезжавшие и проходившие мимо учетчика, за такой короткий срок не могли оставить достаточно материала.

Возможно, что на площадях и улицах во время остановок разыгрывались небольшие шутки, политсатиры и т. д.

Весь собранный материал разбивается так:

Театрализованных групп . . . 25.
Инсценировок 10.

В них действует от 4-х до 50-ти человек. 15 театрализованных групп дают то, что принято называть „живая картина“.

Вот содержание этих 15-ти живых картин и количество участвующих.

№№ по порядку.	СОДЕРЖАНИЕ.	Количество участвующ. людей.	Количество групп.
1	Народы СССР	19	} 5
2	" "	20	
3	" "	20	
4	" "	50	
5	" "	30	
6	Связь с Западом (2 авто связаны красными нитями)	Неизвестно.	1
7	Спорт (поднимание гирь)	5	} 2
8	" (пирамида)	13	
9	Смычка города с деревней	16	} 2
10	" " " "	15	
11	Красная армия, охраняющая СССР	50	1
12	Комсомол, его рост и развитие	21	} 2
13	Комсомол, пионеры, рабочие	17	
14	Ленин и КИМ.	37	1
15	Комсомольцы за учебой	7	1

Театральные группы другого типа разворачивали перед публикой инсценировки или отдельные сценки.

Таких групп всего 10.

По содержанию,— это как правило, эпизод борьбы с буржуазией. В каждой из 8-ми таких групп обязательно участвуют социалисты-согласатели, или капитал в виде чучела.

Попадают такие сценки:

1. Капитал сидит на троне и держит на веревочке делегации к рабочим СССР. Согласатели вытирают пыль с его сапог. Перед трибуной веревка обрывается и делегация идет в СССР.

2. Работа радио. Передача приветия рабочим Запада, бьющим мешающего согласателя.

3. Восставшие народы ведут согласателей.

4. Красноармеец тащит за шиворот согласателя, а тот кричит: „последние письма Зиновьева“.

5. Чучело изображает умирающий капитализм. Его выслушивают два врача.

6. Несколько чучел буржуев. Китаец и индус бьют чучела палками и т. д.

Две инсценировки по своему сюжету более своеобразны. Одна изображает веселую сценку на вышке. Старик-рабочий и комсомолка пляшут, вокруг них пионеры.

Одна из групп коллективно декламировала, в ней участвовало около 20 человек.

VI

„МУЗО“. Мы отметили в начале статьи чрезвычайную бедность материала по Музо. У нас есть такие цифры: всего записано 110 музыкальных номеров (моментов). Из них 6 хоровых исполнений, 3 раза барабанная дробь, 1 раз сигнал трубы и около 100 оркестровых исполнений.

Исполнялись только марши, хоры пели „Буденный“, „Молодая Гвардия“, „Красная армия“ и т. п.

Средняя продолжительность исполнения—1,5—2,0 минуты.

„ЛИТО“. Лозунги, в целом составляющие литературное оформление, как мы уже видели выше, делятся на устные—в виде приветствий и графические, заполняющие стяги, плакаты, борта автомобилей, трибуну и т. д.

Если мы начнем разбирать устные лозунги, то сразу становится заметным деление их на оригинальные и общие. Вот примеры оригинальных лозунгов-приветствий с трибуны:

- „Да здравствуют красные платочки“.
- „Да здравствуют пролетарские девушки“.
- „Да здравствует рабочий спорт“.
- „Ура Красному Спартаку“.
- „Да здравствуют моряки“.
- „Да здравствуют стальные отряды Ким'а“.

Содержание их, конечно, вполне соответствует типу колонны, проходившей в этот момент перед трибуной, но надо отметить, что, например, работницы в красных платочках шли все время, и их было очень много, но нужна была очень стройная колонна работниц, сплошь в красных платках, для того, чтобы было брошено приветствие: „да здравствуют красные платочки“.

Из остальных приветствий с трибуны наиболее часто встречаются:

- „Да здравствует комсомол“.
- „Да здравствуют пионеры“.
- „Нашей смене, ура“.
- „Нашей Красной армии, ура“.
- „Дедушке Калинину, ура“.
- „Да здравствует международная Красная армия“ и т. д.

Все эти приветствия очень кратки. Наибольшее количество слов в приветствиях — 5, в то время, как в писанных лозунгах оно доходит до 11 слов.

Надо отметить, что из 60-ти приветствий-лозунгов, брошенных с трибуны и из колонны, нет ни одного с индустриальной окраской, т. н. „производственных“. 50 % приветствий Ким'у, Комсомолу, пионерам. Остальные 50 % падают на МЮД, Спартак, вождей, мировую революцию, Красную армию, учебу. Этим исчерпывается содержание устных лозунгов, приветствий.

Лозунгов на стягах и плакатах учтено 130, не считая повторений.

Как они делятся по содержанию и по количеству?

Путем анализа этих 130 лозунгов содержание их удалось разбить на следующие темы:

Группа	а. Комсомольские и пионерские	35 раз.
„	б. Привет Западу и КИМ'у	30 „
„	в. Производст. труд, кооперация	14 „
„	г. Учеба	12 „
„	д. Смычка с деревней	11 „
„	е. Против империализма	9 „
„	ж. За мировую революцию	8 „
„	з. Спорт	7 „

Вот наиболее характерные лозунги из каждой группы.

Группа а:

1. Юные Ленинцы—передовой отряд коммунизма.
2. Ленинский комсомол выполняет заветы Ильича.
3. Вся рабочая молодежь в ряды Комсомола.
4. На смену старшим, в борьбе уставшим, мы идем.
5. Работницы, все как одна, на поддержку детского коммунистического движения.
6. Смена смене идет.
7. Комсомол, впитай в себя опыт большевистской партии.
8. Октябрята, вам предстоит великое будущее—стройте мировую коммуноу.
9. Привет старшим братьям-комсомольцам от их смены—пионеров.

Группа б:

1. Долой фашизм, да здравствует Ким, авангард рабочей молодежи.
2. Вперед, рабочая молодежь, всех стран, под красное знамя.
3. Сегодня Киму пятак, а завтра бойцов отряд.
4. Священная задача Кима—большевизация своих рядов.
5. Шлем братский привет юным борцам запада.
6. Молодой запад и восток, мы всегда с вами.
7. Пионер, помни о братьях на востоке.
8. Привет болгарским рабочим, смерть Цанкову и всей фашистской сволочи.
9. Западным братьям помощь и братский привет.

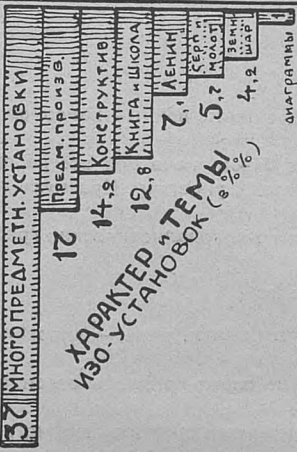
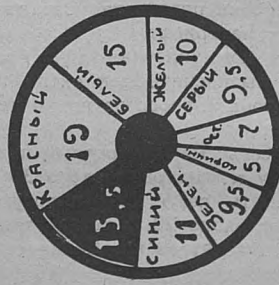
Группа в:

1. Кооперация строит новый быт.
2. Поднятие производства—наша задача.
3. Рост промышленности СССР—петля капиталистам мира.
4. Союз труда и науки—непобедим.
5. Труд кует счастье, а кооператив объединяет трудящихся.

Группа д:

1. Медицина вперед в деревню.
2. Пролетарская молодежь ведет за собой деревню.
3. Ленинский Комсомол завоюет молодую деревню.
4. Лучших комсомольцев—в деревню.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮНОШЕСКИЙ ДЕНЬ ЛЕНИНГРАД 1925 г.

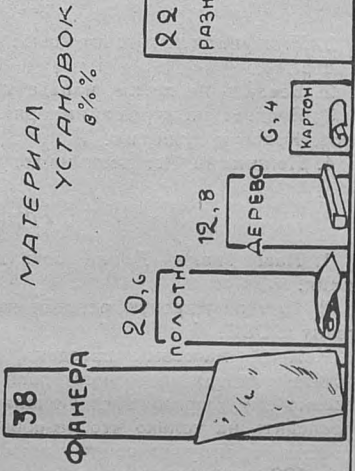
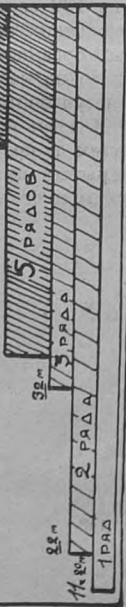

ХАРАКТЕРНЫЕ ТЕМЫ
ИЗ УСТАНОВОК (6% %)

ШИРИНА ПЛОЩАДКИ ДЕМОНСТРАТОРА
НА ПЛ УРИЧЬКОГО

НАКОПЛЕНИЕ ЗРИТЕЛЯ
НА ПЛ УРИЧЬКОГО

Группа е:

1. Империализм готовит новые чудовищные войны—комсомол, стой на страже.
2. Воевать не хотим, нападать не будем, но в бой всегда готовы.
3. В ответ на угрозы империалистов, укрепим Красную армию, Флот, Красную Авиацию.
4. Ленинский Комсомол не допустит империалистических грабежей.

Группа ж:

1. Наше знамя—Ленин, оружие—ленинизм, цель — мировая революция.

2. Ожидай мировую революцию, не сложа руки, а строя первую страну СССР.

Каждый массовый праздник, сопровождающийся демонстрацией, в смысле содержания имеет свой внутренний стержень и, соответственно ему, формируется внешняя сторона праздника. Это нетрудно проследить на только что разобранным материале.

Мюд преимущественно праздник коммунистической молодежи и из 130 записанных нами лозунгов, мы насчитываем около 40 комсомольских, пионерских, содержание которых непосредственно касается этих организаций.

Но не надо забывать, что Мюд есть международный праздник, и лозунгов-приветствий Западу и Киму мы находим около 30.

К этим лозунгам можно присоединить лозунги за мировую революцию и против империализма — всего около 20, и тогда становится открытым лицо праздника, целиком повернутое на Запад со своим ярким и отчетливым призывом.

8-ая годовщина Октября — 1925 г.

А. Д. Диев

I

Площадь Урицкого и путь демонстраций

1

Центром общегородской демонстрации в день 8-ой годовщины Октябрьской революции в г. Ленинграде была площадь им. тов. Урицкого.

На плане видно расположение двух трибун и движение шеренги общегородской демонстрации. В середине площади возвышалась главная трибуна, в форме корабля, обращенная передним балконом (на носу корабля—украшенном цифрой 8) к Саду Трудящихся; справа от нее, перед подъездом Дворца Искусств, ближайшем к Саду Трудящихся помещалась малая трибуна¹.

На переднем нижнем балконе главной трибуны, поднимавшейся ступенями к цоколю колонны—памятника, разместились перед началом демонстрации (см. подр. ниже) представители Губкома, Губисполкома, крестьяне-делегаты ряда сел и деревень Сев.-Зап. области и иностранные гости. Поднимавшиеся выше ступени и склон трибуны (в сторону ул. Халтурина) были заняты партийными и общественными работниками и представителями Армии и Флота. Малая трибуна также была занята, правда в меньшей степени, представителями различных организаций, фабрик, заводов и крестьянами-делегатами. На верхней площадке главной трибуны, обращенной к Саду Трудящихся, у колонны памятника помещались фанфаристы, давшие троекратный сигнал к началу общегородской демонстрации на площади.

Шеренга демонстрантов разрезалась носом корабля на две широких волны, расцвеченных плакатами и знаменами, насыщенных звуками оркестров, хоров и всплесками „ура“.

Расходящиеся широкие волны колонн, за кормой корабля - трибуны и натянутые (от верхней части памятника-колонны к боковым парапетам верхних площадок трибуны) снасти, расцвеченные красными вымпелами и флагами, создавали картину мощного и стройного

¹ Трибуна—корабль была построена специально для этого праздника.

корабля, двигающегося вперед в море людей, знамен, плакатов, разукрашенных автомобилей и повозок.

Обратимся к рассмотрению подготовки площади к демонстрации и протеканию самой демонстрации на площади имени тов. Урицкого.

В 10 ч. 28 мин. были расставлены линии охраны городской милиции, установлены флажки, обозначающие места прохождения отдельных районов в общегородской шеренге демонстрации. Линия эта была намечена параллельно бульвару, расположенному между пло-

щадью и Садам Трудящихся, на расстоянии 160 арш. от носа корабля трибуны.

В то же время были размещены группы граждан, уже накапливающиеся в разных местах площади. Планировка площади видна из прилагаемого плана № 1 и № 2.

В 10 ч. 48 мин. все, находящиеся на площади, не участники демонстрации были размещены в части площади у Арки Красной Армии, по бокам ее, образуя свободный проход для колонн демонстрантов,— направляющихся из Арки. Вскоре после этого граждане были размещены вдоль фронтона Дворца Искусств и в 10 ч. 58 м. 31 сек. бульвар был очищен от находящихся там групп. Последовавшая затем проверка линий охраны площади (11 ч. 4 мин. 51 сек.), а также— уборка расположенных до сего времени у бульвара 9 небольших аэростатов в 11 ч. 32 мин. и приезд на площадь 1-го автомобиля с кино-оператором в 11 ч. 41 м. 35 сек. закончили подготовку площади к прохождению демонстрантов.

В 11 ч. 13 м. 18 сек. появился на площади первый, украшенный, грузовой автомобиль с детьми, через минуту—первый, украшенный, легковой автомобиль, и затем в 11 ч. 17 мин. 6 сек. второй грузовой автомобиль с детьми (78-ой Детдом).

В 11 ч. 18 мин. 9 сек. с промчавшегося автомобиля, на площади грянуло первое, звонкое, детское „ура“, подхваченное близстоящими группами. Этот веселый праздничный крик, первым нарушивший тишину площади, можно считать знаком к началу праздника.

В 11 ч. 19 мин. на верхней площадке главной трибуны были поставлены фанфаристы, в 11 ч. 28 мин. 4 сек. раздаются звуки первого оркестра. Площадь ожила, подходит Центральный район; за ним втягиваются на площадь: 11 ч. 54 мин. 56 сек.—Московско-Нарвский; 11 ч. 55 мин.—Володарский; в 12 ч.—Выборгский; 14 ч.—Василеостровский и в 14 ч. 15 мин.—Петроградский.

В 11 час. 29 мин., по сигналу флагом, занимает место в общегородской шеренге—Центральный район; через две минуты члены Исполкома и Губкома и других партийных организаций, члены Совета 1905 года, гости—крестьяне и члены Датской делегации, занимают места на Главной трибуне. В 11 ч. 35 мин. 50 сек. первый декорированный грузовой автомобиль, медленно двигаясь в рядах демонстрантов, въезжает на площадь.

В 11 ч. 54 мин. 56 сек. шеренга общегородской демонстрации замерла в ожидании сигнала к началу шествия.

Зазвучали фанфары:

1-ый сигнал—11 ч. 55 мин. 40 сек.

2-ой сигнал—11 ч. 55 мин. 59 сек.

3-ий сигнал—11 ч. 56 мин. 10 сек.

В 11 ч. 56 мин. 45 сек. двинулась шеренга.

В 11 ч. 58 мин. 27 сек. она подошла к Главной трибуне, и под крики „ура“ охватила трибуну шумной, радостной лентой.

Целое море голов, украшенные автомобили и повозки, знамена, плакаты, и над всем этим перекатывающиеся волны „ура“—в ответ на приветствия и лозунги с трибуны, а также и хор голосов, в свою очередь, приветствующий находящихся на трибуне.

Непосредственно после пушечного салюта (совпавшего с двенадцати-часовым обычным сигналом—пушкой) двинулся к трибуне „Красный Маяк“ и подошел к ней в 12 ч. 9 мин. 10 сек. В течение 9 мин. 10 сек. прошла первая, отмеченная, организация 160 аршин от линии построения шеренги до трибуны.

В 12 ч. 9 мин. 10 сек. толпа, стоявшая вдоль Дворца Искусств, в первый раз прорвала линию охраны и сгруппировалась перед самой трибуной, непосредственно у линии прохождения колонны.

Вторичный прорыв толпы через 8 мин. и в 12 ч. 27 мин. 20 сек. у трибуны, со стороны дворца, образовал новую линию; через 12 мин. линия охраны у дворца была снята и перенесена к трибуне.

В 12 ч. 42 мин. 7 сек. толпа прорвала линию охраны у дворцового сада и слилась с толпой у трибуны, сохраняя все время порядок.

С 13 ч. 8 мин. и до 13 ч. 50 мин. линия втягивания колонн, со стороны Республиканского Моста, меняла свое направление, вытягиваясь вдоль Дворца Искусств и выпрямилась вновь в 13 ч. 50 мин. 18 сек.

В 15 ч. 17 мин. 5 сек. конец последней колонны ушел организованно в ул. Халтурина. После этого колонны рассеивались проходя за Главную трибуну.

Интересно отметить, что приблизительно в 15 ч. 14 м. 20 сек. на площади замолкли все оркестры, барабаны, хоры и т. д. словом площадь замолчала. Это было в тот момент, когда колонна моряков, остановившись шагах в ста перед трибуной, дала пройти впереди идущей демонстрации, с тем, чтобы самим пройти перед трибуной стройными рядами. Все шло к тому, что оркестр моряков должен был нарушить первым пятиминутную тишину, но... за несколько секунд до первых аккордов марша моряков, прозвучал барабан пионеров. Это был второй случай когда привет детей начинал новые приветствия взрослых.

По сведениям учета, во время прохождения перед трибуной, играло 145 оркестров, было 106 хоровых выступлений и 48 раз пионерский барабан приветствовал находящихся на трибуне.

В 15 ч. 20 мин. 55 сек. конец последней колонны демонстрантов вышел на линию построения перед главной трибуной, в 15 ч. 23 м. 10 сек. он подошел к трибуне и в 15 ч. 26 мин. 57 сек. рассеялись по площади последние ряды демонстрантов.

После ухода (15 ч. 28 мин. 30 сек.) последних представителей правительственных и партийных организаций, трибуны опустели в 15 ч. 29 мин. 10 сек.

В 15 ч. 31 мин. 33 сек. была снята охрана площади.

На ряду с прохождением колонн около трибуны (по бокам ее) в воздухе появлялись самолеты и, сделав несколько кругов над площадью, удалялись в сторону, иногда возвращаясь вновь к площади.

1-ое появление самолета	10 час. 39 мин. — сек.
2-ое " "	10 " 52 " 10 "
3-ье " "	11 " 48 " 40 "
4-ое " "	13 " 18 " — "

Отметим также следующие моменты:

Первое знамя поравнялось с главной трибуной ровно в 12 час.

Первая летучка была брошена с трибуны в 11 ч. 59 мин. 11 сек.

Трактор, следуя к трибуне в рядах демонстрантов, подошел к ней в 12 ч. 01 мин., сделав перед этим, от 11 ч. 59 мин. до 11 ч. 59 мин. 48 сек., три поворота под звуки вальса.

В 14 час. 33 мин. была сделана отметка об уходе с Главной трибуны Датской делегации.

Демонстрация на площади тов. Урицкого продолжалась с 11 час. 56 мин. 45 сек. до 15 час. 26 мин. 57 сек., т. е. 3 ч. 30 мин. 12 сек.

Хронометрические съемки прохождения отдельных организаций (их головных частей) дают нам представление о скорости движения колонн в различные моменты демонстрации.

Хронометрические отметки производились в 4-х пунктах, на расстоянии ста пятидесяти саженей, т. е. почти одна треть версты (см. план № 3).

В качестве примера позволим себе привести ряд записей:

Наименьшая скорость (съемка № 6).

1 пункт	13 час. 23 мин. — сек.
2 "	13 " 49 " 10 "
3 "	13 " 50 " — "
4 "	13 " 51 " 14 "

таким образом 150 саженей пройдено в течение 28 мин. 14 сек. т. е. со скоростью $3\frac{1}{4}$ версты в час.

Наибольшая скорость (съемка № 9).

(Воинская часть).

1 пункт	14 час. 19 мин. 30 сек.
2 "	14 " 20 " 45 "
3 "	14 " 21 " 30 "
4 "	14 " 22 " 24 "

здесь 150 саженей пройдено в течение 2 мин. 54 сек., т. е. со скоростью около 6 верст в час.

Из двенадцати произведенных съемок можно установить, что средняя скорость прохождения равна: 150 саженей в течение 3 мин., т. е. $2\frac{1}{4}$ версты в час.

Медленнее всего (это проходит красной нитью по всем двенадцати съемкам) колонна движется от линии построения до трибуны; почти одинаковую скорость (от 1 мин. 34 сек. до 2 мин. 8 сек.) дают все съемки в момент прохождения вдоль боковых фронтонов трибуны и быстрее всего колонна движется от конца трибуны к выходам с площади.

Для подробного ознакомления с маршрутами демонстраций в день празднования восьмой годовщины Октябрьской Революции, рассмотрим наиболее показательные из них: Московско-Нарвского и Петроградского районов.

Общерайонную Московско-Нарвскую колонну возглавлял Райком ВКП (б), Бюро ВЛКСМ и Президиум Райсполкома, непосредственно за которыми следовал завод „Красный Путиловец“.

От завода „Красный Путиловец“ (1 на таблице № 4) колонна вытянулась по ул. Стачек, по проспекту Юного Пролетария, затем, свернув на пр. имени Огородникова и выйдя на пр. Красных Командиров, развернулась в пеструю многотысячную ленту, непрерывно двигающуюся к центру праздника—пл. имени тов. Урицкого.

По пути следования колонны в нее вливались все новые и новые организации.

На углу Обводного канала (2 на таблице № 4) вливается первая подколонна, во главе с „Красным Треугольником“; вслед за ней идет вторая подколонна, во главе с „Советской Звездой“, затем на углу пр. Юного Пролетария и пр. им. Огородникова (3 на таблице № 4) вливается 3 подколонна (Портовая), и, наконец, четвертая подколонна („Госзнак“, больницы).

На углу Лермонтовского пр. и пр. имени Огородникова (4 на таблице № 4) первая колонна замыкается второй Кавшкoлой.

Вторая колонна вливается в шествие, пропустив всю первую колонну в вышперечисленном построении, на углу пр. Красных Командиров и Первой Красноармейской улицы (5 на таблице № 4). Она замыкается также воинскими частями.

Третья колонна, (во главе со „Скорухом“) идет по Международному пр. и Обводному каналу до Варшавского вокзала (6 на таблице № 4), откуда вливается в шествие (по пр. Красных Командиров). Четвертая колонна собирается у Технологического Института (7 на таблице № 4) и возглавляемая 3-ей Табачной фабрикой вливается в шествие, вслед за третьей колонной, на углу Первой Красноармейской ул. и пр. Красных Командиров (5 на таблице № 4).

В семи различных точках формируются колонны демонстрантов и, постепенно сливаясь в одну колонну, вытягиваются по проспекту имени Майорова и следуют по ул. Герцена, через Арку Красной Армии, на пл. им. тов. Урицкого.

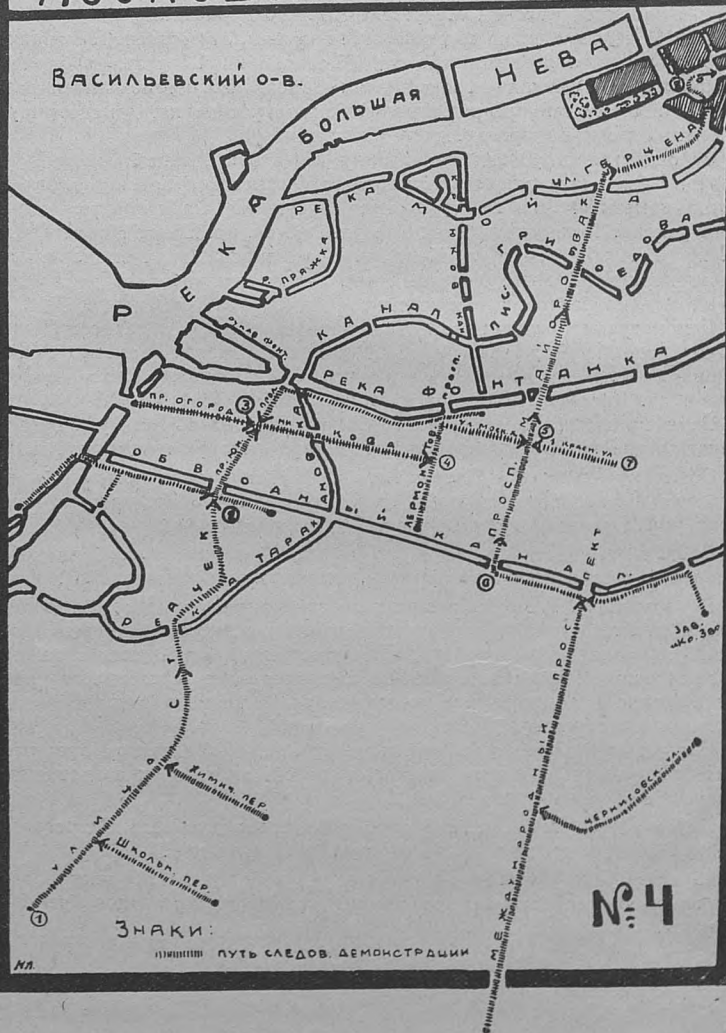
От места окончательного построения общерайонной колонны (5 на таблице № 4 уг. 1 Красноармейской ул. и пр. Красных Командиров) до пл. им. тов. Урицкого, т. е. *2,63 версты, шествие двигалось 54 мин. 56 сек.*

Средняя скорость движения колонны общерайонной демонстрации— *2,37 версты в час*. Но эти цифры, конечно, надо считать приближительными.

Хронометрическая съемка движения шествия показала, что на остановки головной колонны было затрачено 13 мин. Ровно в 11 ч. Райком ВКП (б) со знаменами и оркестром двинулся с угла Первой Красноармейской и пр. Красных Командиров и в 11 ч. 54 мин. 56 сек.

МАРШРУТ ДВИЖЕНИЯ КОЛОННЫ МОСКОВСКО-НАРВСК. Р-НА

ВАСИЛЬЕВСКИЙ О-В.

Райком занял место рядом, с другими тремя районами, перед трибуной на пл. им. тов. Урицкого.

43 мин. 45 сек. двигалась, от пункта 5 табл. № 1 до пункта 8 той же таблицы, колонна Московско-Нарвского района.

71.212 человек шло в ее рядах; 404 знамени, 514 стягов, 132 значка и 10 плакатов несли демонстранты, 46 автомобилей (грузовых) демонстрировали достижения производства района; 28 повозок везли различные изобразительные и театрализованные установки, демонстрируя отдельные моменты производства и быта.

53 оркестра сопровождали колонну 154-х организаций.

При знакомстве с маршрутом колонны Московско-Нарвского района, можно заметить, что демонстрация захватила значительную часть улиц района. Полностью охвачены: ул. Стачек, пр. Юного Пролетария, пр. им. Огородникова и пр. Красных Командиров; значительно заполнены колоннами Международный пр., Лермонтовский, наб. реки Фонтанки, все наиболее людные улицы.

Демонстрация разворачивалась с момента сбора у „Красного Путиловца“, т. е. с 9-ти час. и до 11-ти час., когда голова Общерайонной колонны двинулась к центру с угла Первой Красноармейской и пр. Красных Командиров (5 на таблице № 4).

В течение двух часов демонстрация насыщалась по пути своего следования по улицам, вытягиваясь в длинную пеструю и шумную ленту.

Обратимся теперь к Петроградскому району, расположенному на островах дельты Невы, который также максимально использовал сеть своих улиц для увеличения яркости и мощности праздника.

Прохождение демонстрации по площади имени тов. Урицкого является кульминационным пунктом, завершающим празднование.

В то же время самый процесс празднования (четко организованный, в смысле времени и территориальных планировок) должен протекать и в ряде внутрирайонных демонстраций, оживляющих район, сливающихся с убранством улиц и притягивающих за собой, по мере приближения к центру всего праздника, все большие и большие массы участников шествия.

Вот почему организованный и четкий сбор Московско-Нарвского и Петроградского районов оживлял собой картину празднования, переноса его и на свои районы.

Прилагаемая таблица № 5 ясно показывает, что весь Петроградский район был действительно охвачен празднованием.

25 отдельных пунктов (указанных на таблице № 5) дают представление о непрерывном движении и пополнении рядов демонстрантов.

37.000 участников, 81 организация, 22 декорированных автомобиля с различными установками в рядах демонстрантов; 300 знамен, 310 стягов с лозунгами, 26 оркестров, отдельные хоровые выступления во время движения колонны, а также во время ее накопления и построения,— все это говорит о том, что данный праздник, действительно, наполнял весь район.

В пункте, отмеченном крестом в круге (табл. № 5) колонны вытягивались, по мере продвижения на мост Строителей, через реку Малую Неву, в одну большую колонну, которая, перейдя Республиканский мост по наб. Рошалья, через пл. Декабристов, пр. Рошалья, выйдя на пл. им. тов. Урицкого прошла перед трибуной и выйдя в ул. Халтурина, через площадь имени Жертв Революции и мост Равенства, вернулась в свой район, замкнув, таким образом, в своем движении полный круг.

Ознакомившись подробно с маршрутами демонстраций Московско-Нарвского и Петроградского районов, подытожим теперь маршруты всех районов в день празднования.

Центральный район, включающий в свои границы площадь имени тов. Урицкого—центральный пункт демонстрации, был перерезан в нескольких направлениях маршрутами других районов, так что говорить об использовании сети улиц, как средства наполнения района колоннами внутри районных демонстраций, не приходится.

Выборгский район заполнил своей колонной левый берег Невы от Литейного моста до Республиканского.

Володарский район заполнил своими колоннами пр. 25-го Октября от площади Восстания до пл. им. тов. Урицкого.

Колонны Петроградского района, спустившись с Республиканского моста, продвигались по наб. Рошалья через пл. Декабристов и далее по пр. Рошалья на пл. имени тов. Урицкого.

Колонны Московско-Нарвского района заняли пр. Майорова и ул. Герцена, так что все окружающие пл. им. тов. Урицкого площади и улицы были насыщены колоннами демонстраций.

Василеостровский район использовал наиболее оживленные улицы района, как то: пр. Пролетарской Победы, Средний пр., набережные Лейтенанта Шмидта и Университетскую и направил колонны демонстрации через Республиканский мост, непосредственно, мимо дворца Искусств, на пл. им. тов. Урицкого.

Использование наибольшего количества улиц, как путей движения демонстраций внутри районов, так и после построения в общерайонную колонну к центру, надо признать наиболее удачным из всех других приемов планировки демонстраций, так как таким путем пред-

ставляется возможность охватить большую часть города и дать ему праздничную жизнь во всех его уголках.

Постепенное стягивание колонн к центру праздника по наиболее людным улицам города успешнее развертывает моменты зарождения и протекания праздника, пополняет колонны демонстрантов примыкающими по пути их следования массами, а также обогащает праздник все новыми и новыми эпизодами: импровизованными ораторскими выступлениями, массовым пением, отдельными случаями массовой декламации, плясками и играми.

В заключение считаем не лишним указать, что демонстрация развивалась в отнюдь не благоприятных условиях, в отношении погоды.

По данным Ленинградской Главной Физической Обсерватории наблюдения в 13 ч. 7-го ноября 1925 г., т. е. в момент развития демонстрации, были следующие:

температура (по Цельсию)	—0,1 ⁰
ветер Юг	6 (6 метр. в сек.).
осадки	снег (метель)

Казалось бы, что в такую погоду трудно было ожидать большого интереса к демонстрации и оживленного ее развития, но данные Бюро учета, изложению и разработке которых посвящен следующий очерк, показывают нам, насколько широко Ленинград был охвачен празднованием 8-ой годовщины Октябрьской Революции, на котором он подводил итоги своей борьбы за восстановление хозяйства и мощи Союза Республик.

Н. А. Ласточкин

Художественное оформление праздника

1

Тому, кто побывал в день праздника на пл. Урицкого и внимательно пригляделся к демонстрации, сразу бросилась в глаза необыкновенная монументальность оформления и ярко выраженный производственный характер содержания изображаемого. Если сравнивать „Октябрь“ 1925 г. с „Маем“ того же года, то этот монументально-производственный характер демонстрации выявится еще сильнее. Насколько „Май“ был богат красками, пестр, легок, настолько „Октябрь“ был строг, монументален и деловит. Даже веселые комсомольские сатиры-инсценировки на международные и бытовые темы звучали как то особенно серьезно; чувствовалась демонстрация некоей политучебы, политически-грамотного понимания международной ситуации.

Каждое индустриальное учреждение вывозило на широкую демонстрацию предметы своего производства—яркие показатели промышленного и культурного подъема страны. Необычайно простые, но убедительные экспонаты, как будто нарочно, выставлялись без всяких украшений. Такие экспонаты, как тракторы, машины, продукты производства—занимают, приблизительно, 45% общего количества трехмерных установок, участвовавших в демонстрации. Остальную часть занимают бутафорские и модельные экспонаты, сделанные точно по большим образцам. В их числе выделялись модели трамваев, выставленные ремонтными мастерскими ГЖД. Эти модели, в метр длины каждая, вращались по мере движения автомобиля, на особо сооруженной на нем башне. Необыкновенно интересна была дана картина улучшения нашего железнодорожного состава. Громадная модель вагона была поставлена на платформу грузовика. Сама модель была разделена вертикальными линиями на несколько частей так, что каждая из них характеризовала тот или иной период состояния нашего подвижного состава, после революции. Вот окно заколочено досками взамен стекла, сама покраска вагона стерлась, загрязнилась, следующее окно уже застеклено маленькими кусочками стекла, что то сделано вообще с вагоном и в его покраске. Наконец, последнее окно уже в нормальном виде, окраска вагона блестит своей новизной и чистотой. Таким образом, на одном вагоне можно было проследить год за годом процесс улучшения нашего транспорта.

Совсем особое место среди экспонатов занимают установки, иллюстрирующие процесс работы и бытовые условия жизни пролетариата. Говоря о первых, можно указать на установку одного из участков службы пути Октябрьской жел. дороги. На грузовике построена сторожка сигнальщика, здесь же проложен рельсовый путь на насыпи. Несколько человек путевых рабочих демонстрируют смену рельс, под-

бивку шпал и укрепление насыпи. Из установок второго типа выделялась образцовая изба с проведенным электричеством и т. д. и т. д.

Следующий тип установок назовем полит-сатирическим. Этот жанр установок мало изменяется на разных праздниках. Здесь предаются осмеянию: Лига Наций, Локарно, попытки мировой буржуазии сохранить свое господство разными дипломатическими уловками. Сюда необходимо отнести также инсценировку, где изображен был прием Германи в Лигу Наций путем „крещения“. „Чемберлен, Бриан и Штресман“ опускают в (настоящую церковную) купель куклу, изображающую Германию. На купели надпись: „Лига Наций“. Потом „восприемники“, взявшись за руки, ходят вокруг купели и поют сочиненные к этому случаю частушки.

Иногда полит-сатирические темы тесно связывались с характером производства учреждения.

Так, в одном случае, Госмельница показала вертящееся мельничное колесо „обрабатывающее“ капиталиста, с надписью „Локарнская мельница“; в другом случае, завод вывез модель заводской трубы с подвешенным чучелом буржуя наверху, которое сотрясалось при каждом ударе молота внутри завода. Темы Мопр'а и белого террора были также не единичны. Аллегорические фигуры торжества социализма и независимости СССР представлены особенно остроумно в двух установках М.-Н. и Центрального Района. В первом случае изображены весы, где социализм перетягивает капиталиста; в другом—фигура рабочего на постаменте, протягивает огромную бутафорскую „фигу“ буржуя, предлагающему заем. Темы смычки города с деревней изображались, главным образом, также аллегорически. Кооперативные предприятия не только выставляли свои продукты, но и бросали их в толпу зрителей и разбрасывали летучки. Интересно отметить историческо-революционную установку Петроградского Района. Броневой автомобиль был украшен лозунгами 1917 года и наполнен вооруженными людьми, костюмированными „в стиле“ этого времени. Остается отметить сравнительно небольшое количество экспонатов и установок, иллюстрирующих мощь Красной армии, народы СССР и посвященных 8-ой годовщине Октября.

По принятой нами классификации, группы установок располагаются, по содержанию тем, следующим образом:

№№ по порядку.	Темы установок и инсценировок.	% % отноше- ние.
1	Производствен. темы установок и инсценир. .	46,6
2	Полит-сатира и темы МОПР'а	26,6
3	Новый быт	12,6
4	Смычка города с деревней	5,8
5	Кооперация	2,8
6	Народы СССР ¹	—
7	Красная армия ¹	—
8	8-ая годовщина Октября	5,6
9	Историко-революционные темы ¹	—
10	Прочие ¹	—
Итого		100,0

¹ Единичные группы.

В демонстрации принимало участие большинство учреждений Ленинграда. Но далеко не все из них вышли на улицу с какими либо установками. И здесь подавляющий процент падает на индустриальные и кооперативные учреждения. Явление совершенно понятное. Тот, кто принимает наибольшее участие в производственной или общественной жизни страны, тот и имеет, что показать.

По фабрикам и заводам прошли инсценировки производственного характера и полит-сатирического. Кооперация дала выставку своих продуктов и изделий. Школы и Вузы отметили рост и организованность учебы. Коммерческие предприятия—отметили свои достижения. Клубы и домпросветы дали характеристику своей культурной работы и т. д. Но общей темой демонстрации все же было поднятие производительности труда. Недаром лозунг: „Наше хозяйство у довоенной черты, перешагнем ее к 9-ой годовщине“, был так часто повторяем на плакатах во всех районах. В общем индустриальные учреждения занимают больше половины всего числа крупных учреждений—участников демонстрации. По районам— количество участвовавших организаций распадается следующим образом:

№ по порядку.	РАЙОНЫ.	Организации.
1	Петроградский	81
2	Василеостровский	96
3	Володарский	136
4	Выборгский	51
5	Центральный	109
6	Московско-Нарвский	154

Каждая из этих организаций в большей или меньшей степени внесла свою лепту в украшение праздника. Каждый мало мальски крупный клуб провел большую подготовительную работу в своих художественных ячейках.

Вся декоративная часть и монтажная работа производилась в подавляющем количестве случаев „своими силами“ — средствами и сотрудниками каждого данного предприятия.

Единые художественные кружки, кроме подготовки клубных вечеров, работали над изготовлением плакатов, установок, декорировкой, композицией инсценировок, костюмами, разучиванием песен и т. д. Средства, отпускаемые учреждениями, были далеко не всегда велики

и поэтому приходилось открывать широкое поле для самостоятельности и изобретательности. По данным, полученным нами из предварительного опроса клубов и учреждений, выяснилось, что в среднем подготовка к празднику началась не позднее 20-х чисел Октября. Инструкции Губполитпросвета придали известную организованность всей проделанной работе. Результатом этой лихорадочной деятельности всех культурных очагов города явился праздник во всей своей монументальности и серьезности. Эта монументальность, массовость, была усугублена той необъятной массой участников процессии и клубных демонстраций. Площадь Урицкого в продолжение 3½ часов представляла собой сплошное, движущееся человеческое море. Громада участников демонстрировала своей массой подъем революционного самознания и гордое удовлетворение своей мощью и организованностью.

Накопление начиналось по бесчисленным улицам районов, сливалось в сборных пунктах в реки—они текли в общий поток, устремляющийся к центру, к кульминационной точке праздника — площади Урицкого. Каждый такой поток интересен в своем составе. Не все районы одинаковы по составу населения—не все они дали одинаковые проценты количества участников.

№№ по порядку.	РАЙОНЫ.	Населен. района.	Рабоч. население.	Колич. демон-странтов.	%/о от-ношен. к насел. района.
1	Центральный	323.000	31.600	70.026	21,9
2	Московско-Нарвский	226.000	41.100	71.212	31,2
3	Володарский	181.000	31.500	46.906	24,8
4	Петроградский	140.700	17.600	37.075	26,3
5	Выборгский	101.000	16.800	37.711	35,7
6	Василеостровский	97.800	15.400	39.367	25,0
	Итого 1	1.069.500	154.000	302.297	28,3

Как различно население районов, так же различны составы их предприятий.

Коммерческие и центральные учреждения, так называемые „богатые“ учреждения, питающие промышленность, расположены в цен-

¹ Основные данные взяты по последней переписи 1923 г. и потому не могут дать, к сожалению, точных соотношений для 1925 года.

тральных частях города, а сами предприятия на окраинах. Средств у первых больше. Но самостоятельность и инициатива более ярко проявляются на производственных предприятиях, а отсюда и окраинные районы резко отличны от своих центральных собратьев.

Из таблицы количества знамен, стягов и перевозочных средств особенно заметно это различие:

№№ по порядку.	РАЙОНЫ.	Знамен.	Стягов и проч.	Украш. автомоб.	Украш. повозок.
1	Московско-Нарвский	404	656	46	8
2	Петроградский	300	310	22	2
3	Василеостровский	141	220	5	2
4	Володарский	157	231	18	4
5	Выборгский	217	393	9	1
6	Центральный	298	143	10	—
	Итого	1.517	1.953	110	17

В предыдущей главе мы попытались нарисовать картину разнообразия и содержательности изобразительных моментов демонстрации. Нами также было указано, что организационная и художественная инициатива исходила от низовых культурных ячеек — от клубных художественных кружков и от культкомиссии отдельных предприятий. Эти ячейки и служили, в целом, организующим, конструирующим началом. Кроме того, они же дали и исполнительский состав. Просматривая районные отчеты, четко можно установить состав исполнителей как социальный, так и возрастной. Профессиональные актерские коллективы, как то: Живые газеты ЛГСПС и др. общественных организаций, Госагиттеатр, живые газеты театров и т. д., составляют в общем ничтожный процент перед самодеятельной массой исполнителей. Все инсценировки, данные заводами, учреждениями, клубами и Вуз'ами, обслуживаются почти исключительно любителями, постоянными участниками клубной работы данных учреждений. Благодаря тому, что индустриальные предприятия дали большинство инсценировок, то и число участников, — рабочих доминирует над всеми остальными группами исполнителей. В круглых цифрах это выразится так:

Участников в инсценировках		В %/о
»	»	рабочих 60
»	»	служащих 25
»	»	красноармейцев 5
»	»	Вузовцев и школьник. 6
»	»	Профисполнит. и пр. 4

Возраст большинства колеблется от 19—25 лет. Пожилые рабочие и служащие, если и участвуют в инсценировках, во время шествия, то, главным образом, заняты демонстрацией процесса производства или изделий данных предприятий. Комсомольская молодежь и здесь взяла инициативу в свои руки. В связи с вопросом о разделении „ролей“, естественно, возникает вопрос о классификации игрового творчества. Как мы видели, одни занимаются чисто театральной работой, изображая и воплощая определенные образы и маски, — другие занимаются лишь демонстрацией своего постоянного труда. Последнее мы позволили себе назвать *самоизображением*.

Изобразительный момент, несомненно, участвует в простой демонстрации самой работы и в обращении с орудиями производства. Работница у ткацкого станка, работающего полным ходом на автомобиле, показывает широкой массе демонстрантов и зрителей процесс обработки пряжи и свое мастерство. Бутафорский паровой молот обрабатывает металл и рабочие демонстрируют умение обращаться с молотом

и продуктом производства. Красноармейцы-артиллеристы демонстрируют процесс заряжения большого полевого орудия—демонстрируют свою учебу и т. д. В театральных процессах можно определить тоже целый ряд группировок. Укажем из них на чисто театральные действенные процессы; на хоровую декламацию, где доминирует звук и слово, и на механизированные, театральные, процессы, где действующими являются куклы, деревянные фигуры и модели. Самым слож-

ным для анализа из них является, конечно, первая группа процессов. Вполне естественно, что в ходе демонстрации, на сжатой автомобильной платформе не развернешь сильно развитого, усложненного интригой, действия. Поэтому и тип театрального представления необыкновенно сжат и строится по уже проверенным и однообразным шаблонам так называемой „инсценировки“. Интрига отсутствует или слабо намечается. Целью изображения является один из моментов международной или внутренней политики взятой отдельно и доведенной до возможной яркости и убедительности. Проще назвать этот вид можно было бы—схемой. Схематично содержание, действие, схематичны и маски—типы, изображающие нечто по данной схеме. Таково театральное начало в самом действенном из типов игры в демонстрации (как

иллюстрацию берем снимки с инсценировок 1-го мая того же года). Совершенно особняком стоят приемы игры тех популярнейших персонажей, которые здесь не сведены к определенному типу. Иногда это просто заводские ребята—краснобаи, остряки в „своих“ костюмах, иногда это „поп“, благословляющий толпу, иногда это „Лорд Чемберлен“, „фашист“ и проч. Словом это те, кто в народном театре всех времен и народов срывали цветы наибольшей популярности у публики. Это русский Петрушка—итальянский Zappi, арлекин, немецкий Гансвурст. Их установка на контакт со зрителем, на втягивание зрителя в участие в действии. И, надо отдать справедливость, им это здорово удается. Кто не видал остановившийся где нибудь в гуще демонстрации автомобиль, окруженный тесным кольцом зрителей? Что влечет к нему толпу зрителей? Свесившись с борта грузовика задорный весельчак кричит в толпу частушки и прибаутки собственного (или коллективного) изготовления. Издевается над смешными персонажами инсценировки, высмеивает зрителя в колких, но добродушных замечаниях, здороваются со зрителем и непрерывно пребывает в движении.

Среди остальных исполнителей есть постоянная, несменяемая группа масок, переходящая от праздника к празднику с исключительной настойчивостью. Упомянутая фигура попа, фашисты в измятых грязных фраках, генералы в непонятных мундирах, лорды Чемберлены, и пр. и пр. Фашисты и лорды, как бы они грубы ни были, все же двигаются, слышат зрителя, кричат нечто забавное и подчас остроумное. „Положительные маски“—рабочий, красноармеец, крестьянин—являются в общем более статичными.

В демонстрации производственных процессов преобладают, главным образом, мастерство рабочих, не нуждающееся в особых приемах изображения. За последние годы этот вид театрализации стал появляться в демонстрациях все чаще и чаще. В большинстве случаев инсценировки на демонстрации показываются на площадках грузовиков или на телегах; отсюда размер и форма „сценической площадки“ крайне ограничены и однообразны. Единственная возможность увеличить на них емкость площадки—это забираться вверх. К сожалению, этот прием довольно редко применяется в театральных инсценировках на празднике. Обычно исполнители инсценировок замыкаются в ящике авто-платформы и видимы лишь до колен.

Подвижные выставки на празднике весьма многочисленны и обычно хорошо скомпанованы в демонстрации. Библиотеки выставляют образцы новых книг и диаграммы своей работы; заводы прикрепляют на фанерных щитах предметы своего производства (напр., постепенность изготовления какого либо прибора); клубы в диаграммах показывают рост культурного уровня своих членов; общественные организации—рост

своего влияния в массах и т. д. и т. д. Такое использование автомобиля, действительно, нужно признать целесообразным. Если в устройстве сценической площадки автоплатформы нет стремления к конструктивному оформлению, то в вещественном оформлении инсценировок чувствуется как раз обратная тенденция. Не говоря о моделях и подлинных машинах, невольно обращаешь внимание на то, что все практикабли, почти обязательно, трехмерны. Будь то фигура рабочего, ударяющего молотом по земному шару (Вас.-Остр. район), будь то изображение тюрьмы или избы-читальни, или завода—все они обязательно трехмерны.

К этому обязывает видимая со всех сторон автомобильная площадка. Двухмерные декорации встречаются чрезвычайно редко и играют обычно служебную роль. Смешанные виды установок более часты, но не обязательны. Трехмерная установка значительно усложняет и совершенствует приемы игры исполнителей, а потому и более применима. Зритель с большим интересом смотрит на избу-читальню, старается заглянуть в открытую дверь и посмотреть, что там делают люди. Приводим табличку соотношения мерности установок:

Трехмерных установок всего	76,9%
Двухмерных	»	7,7%
Смешанных	»	15,4%

Трехмерные установки требуют известной прочности для того, чтобы служить местом действия и оформлять его. Приемы игры в инсценировке требуют оформления прочности большей, чем могут дать писанные холсты на рамах.

Кроме материала установок интересно рассмотреть материал прочих предметов оформления декоративного или производственного типа. Прилагаемая табличка дает понятие о количестве того или иного материала, употребленного для оформления описываемого праздника:

№№ по порядку,	МАТЕРИАЛ.	% /% отнош.
1	Дерево	27,2
2	Материя	22,2
3	Фанера	16,0
4	Металл	12,4
	Резина	22,2
	Холст	
	Кость	
	Палка	
	Бумага	
	Прочее	
	Итого	100,0

В огромном большинстве случаев материал не появляется в своей естественной окраске.

Обычно он как то расписан, при чем разнообразие красок чрезвычайно велико.

На учете празднования 8-й годовщины Октября было зарегистрировано не менее 14 часто повторяющихся цветов, а оттенкам и тонам не было числа. Порядок расположения цветов по частоте их повторяемости показан на прилагаемой таблице:

№№ по пор.	Ц В Е Т А.	В %/о/о	№№ по пор.	Ц В Е Т А.	В %/о/о
1	Красный цвет . .	25,5	7	Зеленый цвет . .	4,7
2	Белый » . .	13,9	8	Золотой » . .	4,7
3	Синий » . .	11,6	9	Желтый » . .	4,7
4	Черный » . .	9,4	10	Остальные цвета .	6,9
5	Коричневый цвет .	9,3			
6	Серый » . .	9,3			100,0

Лозунги и знамена на красной материи были на 80% написаны белой краской и на 20% бронзой и золотом.

Все костюмы можно разделить на 4 следующие группы:

- 1) театральные,
- 2) бытовые,
- 3) спортивные,
- 4) импровизованные.

Костюм участников разнообразен, как разнообразно само их назначение. У рабочих демонстрантов своего производства всегда одета прозодежда или свой рабочий костюм. Если последний назвать бытовым костюмом, то, на ряду с рабочей одеждой, может существовать и праздничный костюм, если, конечно, хозяин его не выполняет грязную работу (напр. конференсе в инсценировках). Следующий вид костюма назовем импровизованным. В эту группу войдут костюмы всевозможных ряженных или, например, исполнителей инсценировки „1917 г.“ на броневике (Петрогр. район), упомянутые выше. Все они одеты „в стиле

эпохи", солдаты в фуражках без кокард, в австрийских рваных шинелях с красными лентами, матросы в старых бушлатах и т. д. Промежуточный формой между первым и вторым видом может быть костюм полубытовой, политеатральный импровизированного характера. Таковы, например, костюмы народностей СССР. Их носят их настоящие владельцы—калмыки, узбеки, горцы, но функция костюма театральная.

зрелищная, и составлен он часто по кускам: халат—татарина, а на голове модная кепка, и наконец, самым популярным видом костюма является—театральный костюм. Он в свою очередь может быть разделен на собственно-театральный и карнавальный.

Карнавальный костюм довольно редок в демонстрациях и встречается чаще в первые годы Революции. В описываемой демонстрации он проявился особенно ярко в группе аллегорических фигур акбалета. Среди них были пьеро—кукольно одетая женщина, какое то драконоподобное существо и проч. Но и здесь чистый костюм смешался с частями из палье-маше и механизмом. Чисто театральный костюм нашел себе верное пристанище в инсценировках на

международные и политические темы. Фашисты, лорды, и буржуи — обязательно во фраках, при чем в самых невозможных по виду. Фраки грязны и изорваны, рубашки и воротнички отсутствуют, все прочее подобрано „по случаю“. Цилиндры соответствуют фракам. Генеральский костюм (офицерский) несколько разнообразнее, но носит тот же случайный вид: жестяные ордена (редко настоящие), погоны, мундиры, штаны—все. Попы в коричневых и черных рясах, обязательно с толщинками на животе, редко в клобуках. Наконец, костюмы охранников-шпиков скорей относятся к театрально-бытовому, или импровизационному типу: „гороховое“ пальто, кепка, длинные штаны, очки. На прилагаемой табличке показано процентное соотношение видов костюма на учитываемой демонстрации.

№№ по порядку.	ВИД КОСТЮМА.	%, соотношение.
1	Театральный костюм	40
2	Прозодежда	40
3	Бытовой костюм	16
4	Импровизированный костюм	4

Грим исполнителей также подразделяется на несколько групп, определяемых приемами и содержанием грима. Две основных традиции грима: импровизированный и театральный, одинаково часто встречающиеся в инсценировках, исчерпывают общую характеристику приемов гримировки. По содержанию грим делится на подчеркивающий (данные лица), шаржевый и комическо-театральный. Первые два типа грима чрезвычайно просты: эффект достигается употреблением жженой пробки для усов и бровей и жирных румян на кончик носа и щек. Загримированы так обычно фашисты, неудачные дипломаты и прочие мелкие персонажи. Подчеркивающий грим кладется, следуя театральной традиции, на брови (черный) на глаза (серый), губы (красный), нос (белый), не определяя типа, а лишь выделяя естественные свойства лица загримированного. Более сложный (театральный) грим преобладает у ведущих персонажей—попа, по традиции с большой бородой (рыжей, седой, черной), длинными усами и шевелюрой; нос и щеки обязательно красные, брови обычно приподняты. Пишущему эти строки удалось видеть на описываемой демонстрации прекрасный грим одного

из генералов, как оказалось, целиком „списанный“ с грима Бадаева в „Лесе“ (пост. Вс. Мейерхольда),— для генералов, вообще, традиционные баки с подусниками, красный нас и злодейские брови. Лорды, аристократы, обычно, появлялись бритыми, с желтым лицом и в собственных волосах на пробор.

Описание содержания гримов нам пришлось свести на наиболее часто повторяемые шаблоны—взять, так сказать, средний тип. Интересными моментами в гриме являются случаи, когда рабочие, демонстрирующие производство, нарочно мажут себе лицо и руки сажей. Это особенно характерно в тех случаях, когда производство демонстрируется на бутафорских моделях. Использование костюма и грима для игры тесно связано с использованием атрибутов. В описываемой демонстрации театральные атрибуты встречались: бутафорские и реально-бытовые (реквизит). Чаще всего встречались ружья, деревянные кинжалы, цепи, плети, веревки, кресты, сабли, револьверы и пр. Персонажи с присвоенными им атрибутами, обращались легко и просто и даже злоупотребляли ими. У попа крест и кропило, у фашистов—ружья и деревянные ножи, цепи на заключенных, монокли у лордов. У каждого немного своих атрибутов и каждый старается использовать их возможно ярче и убедительнее. Атрибуты демонстрировавшихся производств и описание их использования не входят в задачу настоящей статьи.

3

Все наши революционные демонстрации необыкновенно богаты звуковым сопровождением. Оркестры, хоры, барабаны, гул голосов, речи, произносимые ораторами, приветствия, крики „ура“ и проч., дают богатейший материал для учета.

Классифицируя звуковые процессы, можно определить три группы по форме звучания. Звук вокальный, издаваемый человеческим голосом, охватывает целый ряд звуковых процессов. В учитываемой демонстрации их насчитывается четыре: хоровое пение, декламация, выступление ораторов и приветствия. Хоровое пение преобладает. Оно несется волной почти непрерывно с момента начала накопления демонстрантов в районах до конца демонстрации. Поют специальные хоры, организованных в клубной работе товарищей, поет вся колонна демонстрантов свои излюбленные песни. Поют под аккомпанемент оркестров и без аккомпанемента. Поют в продолжение всего пребывания в шествии. Количество хоров, зарегистрированных по районам, очень велико: оно превышает количество оркестров, барабанов и проч.

Количество поющих организаций зарегистрировано по районам в следующих соотношениях:

№№ по порядку.	Наименование районов.	Кол-во организаций.
1	Петроградский район	70
2	Василеостровский »	50
3	Володарский »	38
4	Выборгский »	38
5	Центральный »	23
6	Московско-Нарвский район	36

Точность подобного учета установить трудно, ибо охватить всю массу демонстраций при наличии сравнительно небольшого числа участвующих—чрезвычайно трудно. Случаи хорошей декламации более редки. Исполнителями ее обычно являются пионеры, школьники, редко взрослые. Читают стихи пролетарских поэтов, говорят хором лозунги, слова Ленина, хором кричат приветствия. Выступления ораторов зарегистрированы в среднем на каждый район Ленинграда по 6—7 случаев. Темой для ораторов служат: Праздник 8-ой годовщины Октября, укрепление мощи СССР, международное положение и т. д. Приветствия, обращенные к демонстрантам и от демонстраций, начинаются с момента начала шествия. Но своего апогея приветствия достигают на пл. Урицкого. Колонны демонстрантов приветствуют на полненную трибуну. Руководители партийных и общественных организаций приветствуют проходящих демонстрантов. Непрерывный возбужденный гул радостных криков потрясает воздух. Приветствующие с трибуны встречают каждую заметную организацию с особым приветствием.

Оркестры по преимуществу духовые струнные встречаются крайне редко и, обычно, демонстрируются большими клубами, имеются кружки великорусских оркестров. Еще реже появляются на автомобилях рояли и пианино, фигурируя в качестве предмета производства.

Оркестры в демонстрации участвуют местные от данного учреждения или наемные (военные оркестры). Общее количество оркестров на участвуемой демонстрации было следующим:

№№ по порядку	Наименование районов.	Колич. оркестров.	Колич. барабанов.	Колич. пр. ин-струм.
1	Петроградский район	26	16	—
2	Василеостровский »	25	12	—
3	Володарский »	22	19	6
4	Выборгский »	18	10	—
5	Центральный »	23	15	3
6	Московско-Нарвский район	53	13	3

Хоры и оркестры,—следовательно, всю совокупность музыкального звучания, можно объединить под определением—организованного звучания. Продуктом такого организованного звучания был целый ряд музыкальных номеров, сопровождавший демонстрацию. Номера эти, как оркестровые, так и вокальные были учтены на всем протяжении демонстрации, при чем получилась любопытная таблица количественного соотношения отдельных номеров по частоте их повторяемости. На помещенной ниже таблице показано это соотношение, при чем здесь даны лишь названия исполнившихся произведений без указания на способы исполнения:

№№ по порядку.	Названия музыкальн. произв.	0/00 отн. к общему колич.	№№ по порядку.	Названия музыкальн. произв.	0/00 отн. к общему колич.
1	Марш «Буденый» . . .	18,0	8	«По морям»	3,7
2	Песня «Проводы» . . .	9,0	9	«Смело в бой»	3,5
3	«Смело, товарищи, в ногу	7,4	10	«Интернационал»	2,0
4	«Комсомольская песня» .	6,8	11	«Кирпичики»	1,3
5	«Комсомолочка»	5,6	12	Остальные (до 40 номеров)	35,0
6	«Мы—кузнецы»	3,9			
7	«Хаз-Булат»	3,8		Итого	100,0

Таковы данные об излюбленнейших песнях и маршах демонстрации.

Несомненно, что хоровое пение и оркестры играют свою большую роль в демонстрации. Часто эта роль сводится только к ритмизации

движения демонстрантов, но в других случаях звук оркестра стараются подбодрить, поддержать праздничное настроение или повеселить участников. В общей сложности на эти три градации приходится следующее количество случаев:

№№ по порядку.	НАЗНАЧЕНИЕ ЗВУКА В ДЕМОНСТРАЦИИ.	В %/0/0.
1	Ритмизирующее (служебное)	40
2	Агитационное (бодрящее)	33
3	Увеселяющее	27,0

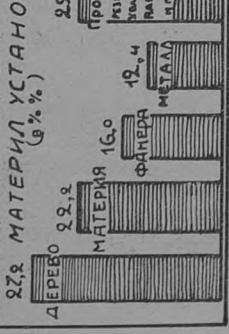
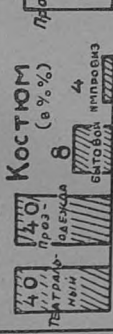
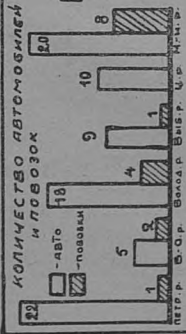
Следующее проявление звука в демонстрации носит неорганизованный характер—шумовой и может быть названо—звуковым фоном. К сожалению, на описываемом празднике он не был достаточно планомерно учтен.

В группу звукового фона входят все те неорганизованные звуки, которые врываются и сопровождают демонстрацию на всем ее пути. Сюда отнесем звонки трамваев, шум толпы, окрики распорядителей, гудки автомобилей, салюты, шум пропеллеров и т. д. Учет звукового фона интересен еще как материал, дающий картину параллельных звучаний и влияний постороннего звука.

Отметим один из моментов на площади Урицкого в этот день, когда одновременно звучали оркестры, слышался барабанный бой пионеров, доносились звуки хоров, „ура“, шум пропеллера аэроплана, стрельба орудий и наконец звон... колоколов ближайшей церкви.

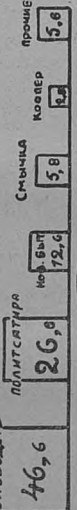
Световые эффекты дневной демонстрации чрезвычайно бедны. Зарегистрировано всего несколько случаев: выезд с факелами (напр. авто-броневик с инсценировкой — 1917 г.). Автомобиль, с демонстрацией автогенной сварки, яркий луч которой прорезал дневное освещение, ряд других случаев, в процессе демонстрации производства. Значительно чаще встречаются случаи освещения установок электрическим светом. Затем можно указать на ярко освещенные трамваи с бордюрами и вензелями из разноцветных электрических лампочек.

Зато вечером 7-го и 8-го ноября город принял совершенно сказочный—феерический вид. Каждый дом, в центре города, украшен световыми фигурами или лозунгами. Иногда свет только освещает, иногда он в замысловатых сочетаниях несет свою действительную роль

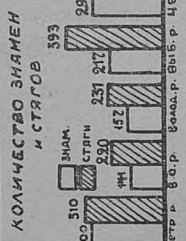
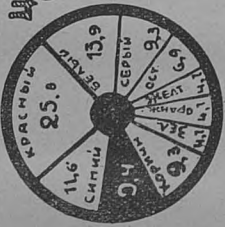

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПРАЗДНОВАНИЯ 8-ой ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЯ

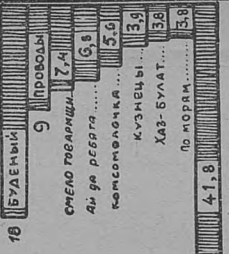
ТЕМЫ ИНСЦЕНИРОВОК (в %)

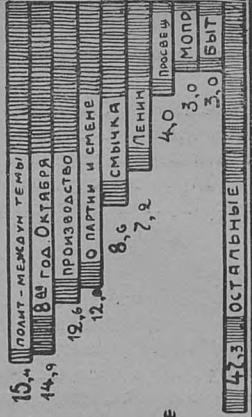
ЦВЕТА (в %)

ПЕСНИ (в %)

ПИСАННЫЕ ЛОЗУНГИ (в %)

„печатает“ огненные лозунги на стенах домов или зажигается эмблемами. Особенно грандиозно и художественно было освещено в эти вечера здание Фондовой Биржи.

Утром же скудное ноябрьское солнце одиноко освещает грандиозную картину демонстрации.

4

Содержание лозунгов ярко отражает внутреннее и внешнее положение страны и всю установку данного праздника.

Каждое учреждение выносит на демонстрацию несколько таких лозунгов, в которых отмечает моменты обще-государственного значения и детали, связанные с характером своей работы. Не имея возможности привести полное содержание наиболее часто встречающихся лозунгов, мы будем вынуждены и здесь применить условные группировки:

№№ по порядку.	Т Е М А Л О З У Н Г А.	0/0% соотношение.
1	Политические, международные темы	15,4
2	8-ая годовщина Октября	14,9
3	Производственные темы	12,6
4	Посвященные партии, КСМ и пионерам	12,0
5	Смычка города с деревней	8,6
6	Памяти тов. Ленина	7,2
7	Культ-просветительные темы	4,0
8	Темы МОПР'а	3,0
9	Темы нового быта	3,0
10	Темы профдвижения	2,1
11	Деревенское хозяйство и другие темы	12,0

Летучки, разбрасываемые аэропланами и автомобилями, носят характер или агитационный, по теме праздника, или производственный—рекламный, в тех случаях, когда они исходят от заводских или кооперативных учреждений (организаций). Сюда же можно отнести особо выпущенные программы торжественных спектаклей и настен-

ные плакаты. Затем следуют газетные отчеты и, наконец, многочисленные фото и кино-съемки. Наиболее монументальными памятниками праздника остались: трибуна на пл. Урицкого и временные украшения на зданиях города. Трибуна, построенная в форме корабля в центре площади вокруг колонны, с одной стороны дает возможность более быстрого прохождения демонстрации, а с другой—для наблюдателя возможность лучшего обозрения всей площади.

Ее боковые части представляют род диаграммы роста ВКП.

Украшения городских домов состояли из праздничных флагов, красной материи с лозунгами, портретов вождей Революции, зелени и иллюминации.

На отдельных зданиях иллюминация достигала грандиозных размеров в соединении с живописными полотнами и объемными декоративными установками.

На домах, занятых коммерческими предприятиями, красовались диаграммы, иллюстрирующие рост развития советской индустрии и торговли. Поперек некоторых больших улиц были развешены на канатах огромные полотнища красной материи с лозунгами и рисунками. К нашему сожалению, обстоятельства не позволяют уделить больше места описанию украшений города.

III

Восьмая годовщина в клубах

Фиксируя празднование 8-ой Октябрьской годовщины в клубах Бюро учета не стремилось охватить непременно все клубы Ленинграда. С одной стороны, надо было отметить только местные особенности каждого района, а с другой, прийти, благодаря этой работе, к наиболее пригодным методам учета клубного праздника вообще.

Поэтому было использовано несколько приемов работы. В некоторые клубы направлялись пикеты, которые вели детальную запись празднования по линиям Изо, Тео, Музо, Лито и учета зрителя, с точным хронометражем учитываемых событий.

В других клубах запись, производимая только одним учетником, носила хроникальный характер, без большой детализации, кроме того, во многих клубах, школах, предприятиях и учреждениях, не обследуемых в момент праздника, собирались только предварительные сведения о том, что и как готовится в каждой области клубной работы, какие суммы и кем ассигнованы на проведение вечера, сколько времени, и кем ведутся подготовительные работы и т. д.

Первый способ учета требует достаточно хорошей подготовки работников и специальных знаний, умения быстро ориентироваться среди множества разнородных и одновременных впечатлений, точно и ясно фиксировать их. Подобная запись дает возможность представить себе детальную картину отмечаемого события в данном клубе со всеми реакциями зрителя, непредвиденными эпизодами и т. д.

Но учесть таким образом все клубы было невозможно, так как это потребовало бы слишком большого числа хорошо подготовленных работников.

В этом случае удобной, для обследования наибольшего числа пунктов, оказалась анкета минимум, которую Бюро учета давало учетчикам-одиночкам, работавшим в клубах по хроникальному учету праздника. Эта анкета позволяла отметить все главнейшие моменты, во всех областях: и программу вечера, и украшения зала, и время, и общую реакцию зрителя.

Предварительное обследование, охватившее сравнительно большое количество организаций, дало возможность выявить особенности каждого района, что очень важно для учета будущих праздников.

Таким образом было обследовано всего 153 организации. Наибольшая цифра падает на Центральный район — 62 организации, в том числе 15 учреждений, 17 школ (из них один Дет. Дом и 2 школы, объединенные общим клубом), других учебных заведений, ученых учреждений и их клубов—15, объединенных клубов—3, национальных клубов—4, фабрик, заводов, мастерских—8, затем идет Петроградский район,—где из 30 обследованных пунктов: заводов и фабрик или их клубов—16, трудшкол—5, учреждений—3, Медицинский Техникум, Эстонский клуб, Домпросвет им. т. Ленина—и 3 других объединенных клуба; в Московско-Нарвском районе из 27, исключительно рабочих предприятий—16 клубов, в том числе 7 объединенных, остальные 11-ть организаций, прикрепленные к тем или иным клубам. В Василеостровском районе на 20 организаций приходится 10 рабочих клубов, из них 2 объединенных, 7 трудшкол, Ленинградский Государственный Университет, Военно-Морское Училище. В Выборгском районе обследовано 10 рабочих клубов, в Володарском 8 пунктов,— 6 клубов и 2 трудшколы.

Конечно, не всегда и не все сведения могли быть собраны в нужном количестве, но общая картина получилась вполне определенная.

Везде Октябрьская годовщина отмечалась торжественными заседаниями, или хотя бы докладами, лекциями, вечерами воспоминаний на темы „Октябрь“, достижений республики за 8 лет, или освещалось революционное движение за пределами СССР. За немногими исключениями, доклады сопровождались спектаклями, концертами, кинофильмами. Эти исключения надо отнести к тем случаям, когда в данном предприятии клуб находится в стадии организации или предприятие прикреплено к объединенному клубу.

К октябрьским торжествам были приурочены открытия Красного уголка, читален, комнат работницы, выставок достижений завода за год.

Спектакли и концерты обычно ставились кружками, объединенными Е. Х. К. Приглашенные исполнители отмечены всего 35 раз, при чем в большинстве случаев это были: студия Губпрофсовета, живая газета „Станок“, артисты актеатров в Центральном Районе, Институт Техники Речи и другие отдельные труппы или руководители.

Установлено несколько выездов клубных организаций со своими спектаклями в подшефные воинские части, в подшефную деревню или в предприятие, не имеющее своего клуба. Например, клуб 1-ой Электростанции Московско-Нарвского Района ставил в артиллерийской школе „Красный бунтарь“, „Земля зажглась“ и концерт; Ленинградский Педагогический Техникум выезжал в подшефную деревню. Домпросвет им. т. Ленина в Петроградском Районе выступал в клубе „Металлист“ со своим литмонтажем, а „Металлист“ с такой же

постановкой в Домпросвете. Кроме того, Домпросвет ставил спектакль в Нар. Доме для всего Петроградского Района.

Для детей рабочих, дет. домов, пионер-отрядов устраивались утренники с докладами, кино-фильмами, спектаклями и концертами. Исполнителями были сами дети, выступавшие и на клубных заводских вечерах в спортивных номерах и с небольшими инсценировками.

Особенным вниманием и одобрением зрителей пользовались постановки своих кружковцев, где каждое удачное выступление вызвало громкие аплодисменты и возгласы зрительного зала. Приглашенные исполнители встречали более сдержанное отношение. Кинофильмы смотрелись с большим интересом.

Несколько отдельных случаев неодобрения или равнодушного отношения было отмечено при неналаженности постановки, несвязности частей инсценировки, или неудачном подборе исполнителей. Хор и оркестр имели всегда наибольший успех.

Интересно сравнить некоторые районы с точки зрения ассигнования денег на проведение праздника. Наибольшие колебания дает Центральный Район—от 6 р. до 1000 рублей, здесь низшая сумма выделена трудшколой, а наивысшая Откомхозом. Среднее ассигнование от 100 р. до 300 рублей.

В Петроградском Районе разница значительно меньше от 25 р. до 300 рублей, при чем суммы выше 200 руб., обычно предназначаются на устройство или переоборудование Красного Уголка, расширение библиотеки и т. д. Организации Московско-Нарвского Района дают от 50 р. до 500 руб., Василеостровский—от 9 руб. до 350 руб. обычное ассигнование 25—100 руб. И здесь, как в Центральном Районе, 9 руб., выделены Трудшколой.

Общий характер клубных праздников по отдельным районам тоже представляет много своеобразного. Это сказывается и в предпочтении той или иной постановки, инсценировки, в количестве кино-сеансов и в других особенностях, объясняемых особыми условиями жизни каждого района.

Петроградский Район почти не пользовался услугами приглашенных артистов, отмечено только 4 случая, когда помимо своих исполнителей кружковцев, выступали приглашенные труппы.

Посещаемость вечеров в 10-ти клубах, обследованных непосредственно во время праздника, колебалась от 160 ч. (Клуб 5-ой годовщины Октября) до 1.250 чел. (Выступление Домпросвета в Народном Доме), при среднем количестве зрителей в 300—400 чел. в остальных клубах.

Литмонтаж „Октябрь“ был учтен в 5 клубах, 3 раза отмечена постановка „10 дней, которые потрясли мир“ и столько же раз „Живая

газета". Из остальных постановок можно указать „Противогаз“ в клубе им. т. Бадаева при заводе „Красная Бавария“, где в этот же вечер ставился литмонтаж, затем „Гвозди“, „То, что было бы“, „Земля зажглась“.

Интересный вечер, устроенный в 199-ой школе—иллюстрированный доклад об октябре, где все зрители—школьники 2-ой ст. вовлеклись в действие в сцене митинга. Отдельные фразы докладчицы являлись репликами для вводных эпизодов, как, например, запись в Красную Армию, бытовая сценка с комическими моментами. По ходу действия исполнялись революционные и народные песни, игра на балалайке и. т. д. Декорация состояла из небольшого павильона. Проход в зрительном зале изображал улицу. Во время телефонных разговоров выключался свет и лучи ручного-электрического фонаря направлялись то на одного, то на другого говорившего. Грима не было, костюмы только в намеке, платочки, шляпы, кепки, передники.

Необычна постановка „Историческое развитие Спартака“ в клубе имени т. Семашко, объединяющем учреждения Союза Всемедикосантруд Петроградского Района. Демонстрировались все исторические изменения спорта от античной Греции до наших дней, когда „Новый Спорт“ должен войти в рабочий быт, дать сильных строителей новой жизни.

Костюмы соответствовали изображаемым эпохам: туники, венки, древнее вооружение. Цвета: белый, синий, желтый. Аллегорическая фигура „Времени“, объясняющая действие, задрапирована красным. Освещение поочередно переходило с одной группы на другую, над портретом Ленина, на стене, периодически вспыхивала красная лампочка.

Очень эффектно освещалось одно выступление Спартака красными фонарями в руках участников, при полной темноте в зрительном зале и на сцене.

Вообще во всех клубах, чаще всего отмечались цвета: белый, синий, зеленый, красный, серый. Преобладание белого и синего объясняется выступлениями спартака в их обычных костюмах. Зеленые и серые полотна заменяли декорации, которые учтены только в постановке пьесы „Противогаз“. Часто отсутствовали даже полотна. Часто вовлекалась подлинная вещь, взамен декоративных и бутафорских сооружений: например, чтобы дать впечатление завода, ставили на передний план часть машинного станка.

Инсценировки и литмонтаж сопровождалась оркестром и хором. Кроме того, хор и оркестр выступали отдельно до 15 раз, декламация, коллективная и индивидуальная, дополняли вечер в 12 клубах, кино-

сеансы, по данным предварительного обследования, предполагались в 5 организациях.

По окончании спектаклей в школах устраивались игры.

В *Центральном Районе* картина несколько иная. Не говоря уже о более крупных ассигнованиях на устройство праздника, можно отметить некоторые другие специфические особенности этого района трестов, банков, административных учреждений. Здесь гораздо больше случаев приглашения руководителей из Сорабиса и Губпрофсовета, артистов академических и других театров. На 51 выступление своих кружковцев—12 случаев приглашения посторонних. Тогда как в Петроградском Районе, в каждом отдельном клубе, было по 1—2 выступления, в 3 клубах Центрального Района было по 3, и в 6 клубах больше 3-х. Много чаще кино-сеансы—29 раз, в том числе 5 детских. Самостоятельных выступлений хора было 43, оркестра 28, кроме участия в спектакле. „Спартак“ демонстрируется 13 раз. Концерт сопровождает спектакль 35 раз, торжественное заседание и кино 18 раз. Вечер Госбанка проходит в Филармонии. Его программа: Приветствия, концерт, танцы.

Ученные нами театральные выступления могут быть распределены следующим образом:

Пьесы, инсценировки—35 раз, литмонтаж—16, „Живая газета“ 1, декламация—16 раз.

В одной из школ доклад прерывался чтением соответствующих стихотворений Маяковского, Демьяна Бедного, Асеева, иллюстрирующих затронутые темы. В двух других школах были организованы вечера громкого чтения, и, как почти везде, детский праздник заканчивался общими играми.

Педагогический Институт им. Герцена после торжественного заседания устраивает театрализованные игры. В Госкартографии после вечера воспоминаний 6 ноября присутствующие слушали радиопередачу.

В *Василеостровском Районе* в клубах, взятых на учет, были исключительно свои исполнители. Излюбленная постановка „Джон Рид“, она встречается 5 раз, затем идет литмонтаж „Октябрь“—3 раза, „Красный корабль“—2 раза, „Живая газета“ отмечена 4 раза, и в одной из школ поставлена „Мистерия-Буфф“ Маяковского, конечно, в сокращенном виде. Дом Работников Просвещения Василеостровского Района после инсценировки и концерта организовал шахматный турнир и политлотерею, где выигрывает тот, кто дает правильный ответ на вопрос политического характера. Такой же политлотереей закончился вечер в Коммунистическом клубе им. т. Молотова, где, кроме

того, демонстрировалась световая газета так же, как и в военно-морском училище.

„Клуб памяти жертв 9 января“ при фабрике им. Желябова организовал две экскурсии в Петропавловскую крепость и одну—в Музей Революции.

В одной из школ праздник был отменен из за карантина. Это единственный случай встретившийся в работе Бюро за все праздники.

В Московско-Нарвском, Володарском, и Выборгском Районах работали, преимущественно, пикеты, детально зафиксировавшие праздник, отмечая каждый новый момент его, каждое изменение света, реплику, вызвавшую тот или другой отклик зрителя, наполнение зала и т. д. и т. д.

Это обследование дало, конечно, другой род материала, ценного в методическом отношении, для дальнейшей разработки анкет клубного праздника.

В *Московско-Нарвском*, исключительно рабочем, районе клубы объединяют огромные фабрично-заводские предприятия. Потому естественно, что удовлетворить всех, желающих попасть на клубный вечер, возможно только при повторении его в той же или несколько измененной программе. 3—4 вечера с торжественными заседаниями, концертами, кино—обычное явление Района, отмеченное не менее, чем в 10 клубах. Посещаемость вечеров в пределах от 100 до 750 чел.

Детские утренники и кино по особой программе устраивались заводами 11 раз (3 раза на „Красном Треугольнике“), при чем надо отметить, что в это число не попадают школы, которые устраивают сами детские праздники. Кроме своих исполнителей, были сравнительно часты приглашения: Агит-театр дает 3 выступления, „Станок“, „Живая газета“, студии Губпрофсовета—5, Институт Техники Речи—2 и даже 1 раз—балет. Мало самостоятельных спортивных выступлений—всего 9, зато 17 кино-сеансов на 10 предприятиях.

Из постановок—12 выступлений „Живой Газеты“, 7 раз литонтаж „Путь к Октябрю“—5 раз, „10 дней которые потрясли мир“ ставится 2 дня под ряд в клубе им. т. Дзержинского.

Клуб кожевников им. т. Самойлова 7 ноября слушал радио-передачу Торжественного Заседания в Маринском театре и передавал по радио же свои приветствия.

Оркестр и хор этого района не отличались от других ни по количеству участников, ни по качеству исполнения. Музыкальные номера в концертном отделении—революционные и народные старинные и современные песни. Наибольшей популярностью пользуются сейчас „Кирпичики“, оттеснившие на второй план даже „Буденого“. В анкетах по учету реакции зрителя постоянно встречаем против графы „оркестр“ или „хор“ пометку: Возгласы в публике: „Даешь кирпичики“... Ис

„бульжнички . . .“ После „Буденого“ идет „Смело, товарищи, в ногу“ и народная песня „Полянка“.

Из клубных вечеров можно отметить клуб им. т. Тимирязева при заводе „Красный Треугольник“, где весь спектакль принят с большим вниманием и сочувствием зрителя, особенно „Путь к Октябрю“ постановки Е. Х. К. Интерес к работе своего клуба чувствуется очень сильно, а подбор хороших сил и долгая добросовестная подготовка обеспечивают успех. Такие детали, как русские гусарские мундиры у французских офицеров в первом эпизоде, конечно несколько не ослабляют впечатления. Бал в доме богатого помещика накануне Октября привлекает особенное, несколько ироническое внимание. Танцы—вальс и фокстрот—вызывают свист и возгласы „Ишь ведь как“. Особенно воодушевляется публика во время приближения толпы рабочих из зрительного зала к сцене с пением Интернационала под ружейные выстрелы.

Первая постановка продолжается от 8 ч. 45 м. до 9 ч. 20 м. После 15-ти минутного перерыва студия Губпрофсовета выступает со своей газетой „Станок“, которая идет под аккомпанемент рояля, на мотивы оперетт и частушек. „Станок“ заканчивается в 10 ч. 45 м. В 11 ч. начинается концертное отделение. Хор исполняет марш, посвященный Ильичу, „Красный Звон“, „Комсомольский гимн“, „Смело мы в бой пойдем“, „Мы победим“ и по желанию публики „Буденого“. В 11 ч. 15 мин. Великорусский оркестр играет: „Песню пленных запорожцев“, „Марш сибирских каторжан“, „Кузнецы“. После этого номера часть публики уходит, не дожидаясь последнего выступления гуляров, которые заканчивают вечер. Оставшиеся не расходятся, ожидая фейерверка перед зданием клуба.

Освещение во время инсценировки и Живой газеты ровное, только во время сцены—тревоги на балу—гаснет свет и за окном видны лучи прожектора. Первый эпизод „Парижская Коммуна“ идет в сухих, бал у помещика—в декорации, за окном шпиль Петропавловской крепости.

Нет преобладания какого нибудь определенного цвета, костюмы соответствуют изображаемым персонажам. Во время антрактов духовой оркестр играет старые вальсы.

В *Володарском районе* пикеты обследовали Домпросвет им. Зиновьева, Домпросвет им. т. Крупской, Домпросвет им. Герцена. Остальные организации дали только общие сведения.

Литмонтаж поставили во всех четырех клубах, политмонтаж в клубе им. Герцена, Живая газета—2 раза, инсценировка—1 раз.

При полном отсутствии декораций, которые иногда заменяются

сукнами, щитами или панно,—большая доля эффекта падала на освещение. Так в Домпросвете им. Зиновьева свет менялся за весь вечер 18 раз (цвета: красный, зеленый, голубой, малиновый, лиловый, белый, вспышки магна), в клубе „Большевик“ 11 раз, в Домпросвете им. Герцена во время литмонтажа 20 раз, через промежутки от 30 секунд до 3 м. 38 сек. В политмонтаже эти смены происходили 10 раз. Наиболее быстрая смена света (синий) была через 5 секунд, самая продолжительная через 5 м. 27 сек. Сменялись белый, синий, сиреневый, красный оттенки света.

Очень торжественно прошел вечер 7 ноября в Домпросвете Октябрьской железной дороги им. Зиновьева, где происходило открытие клуба. Собрание было открыто в 7 ч. 12 мин. На праздник собралось до 500 человек, 80% рабочих. После вступительной речи председателя клуба, приветствий делегатов и работниц выступил т. Зиновьев с речью о значении клуба и других общественных организаций для страны, о необходимости дисциплины и работы над самим собой. После каждой речи оркестр играет туш и Интернационал.

В 10 часов, после антракта, „Живая газета“ „На рабочий карандаш“, состоящая из передовой статьи на тему Октябрьских событий, фельетон Мих. Кольцова „Чичеринские дни“. Следующий эпизод „Китайские события“, потом культурно-просветительные частушки и концовка.

Передовая с ее постоянной игрой света имела особый успех. Вторая газета, „Комсомольский листок“, начавшаяся в 11 час., разочаровала зрителей, прежде всего тем, что передовая показалась неудачной копией статьи предыдущей газеты. Юмористические номера все же смотрелись с одобрительным смехом. В 11 ч. 50 мин. выступление Спартака—70 чел., хора 60 чел. и Великорусский оркестр—59 человек. Вечер окончился в 1 ч. 20 мин.

Вечера клубов *Выборгского района* прошли приблизительно по тому же плану, как и в других рабочих районах с торжественными заседаниями, концертами, кино и инсценировками. Очень обширный был вечер Дома Коммунистического воспитания молодежи „Юный Ленинец“. После митинга—радио-концерт, затем инсценировка „Путь Октября“, концертное отделение, хор, кино-фильм „Палачи“.

Клубный праздник Октября является стихийным продолжением демонстрации, он часто не ограничивается одним вечером, повторяется на следующие дни у себя же или в соседнем предприятии, в воинской части, в подшефной деревне.

Зритель массового праздника

Прежде чем говорить о зрителе массового праздника, рассмотрим отличительные особенности его от зрителя театра, цирка и проч. Это необходимо для того, чтобы раз навсегда установить, что с вышеупомянутым, зритель массового праздника имеет очень мало общего. Самый привычный нам термин „зритель“ заставляет нас вспомнить море голов в темноте зрительного зала, аплодирующее, смеющееся или со вниманием прислушивающееся и смотрящее на происходящее на сцене или арене¹. Для каждого данного спектакля мы имеем количество зрителей, ограниченное число мест или проданных билетов. Мы знаем, что зритель театра только зритель, участвующий в спектакле, как таковой. В условиях современного нам профессионального театра—мы не мыслим себе зрителя, не отделенного рампой или чемнибудь иным от происходящего на сцене. В каком из театров можем мы наблюдать зрителя, вбегающим на сцену, вмешивающимся в толпу действующих лиц, даже просто вступающим в разговор сактерами? (Клубные театрализованные игры и случайные реакции подобного рода в счет не идут). Словом, до тех пор, пока зрелище ограничено стенами здания, зритель является лишь наблюдателем действия.

Совсем другое дело, когда зрелище выносится на улицу и принимает форму массового праздника, праздничной демонстрации. То, что в условиях театра для зрителя явление случайной реакции—здесь превращается в постоянное правило, неизбежный факт. Как и всякое двоякое событие—демонстрация—шествие привлекает массу охотников „посмотреть“.

В противовес театру здесь нет постоянной, однородной, чем либо ограниченной, толпы зрителей. Она то увеличивается, то уменьшается—одни уходят, их место занимают другие. Зритель постоянно (как мы это увидим дальше) меняется как в количестве, так и в составе. Ясно, что такой непостоянный, ничем не связанный в своем поведении, в значительной своей части случайный зритель, воспринимает

¹ Н. Извеков «Приемы изучения массового празднества» в сборнике Проблемы Социологии искусства, Ленинград 1926 г. «Academia».

зрелище несравненно активнее, непосредственнее и живее зрителя театрального. Сплошь да рядом, вливаясь в ряды демонстрантов, присоединяясь к их играм и развлечениям, подтягивая песню, отбивая такт, заговаривая и обмениваясь шутками с актерами передвижной площадки, он стирает грань между зрителем и действующим и превращается непосредственно в активного участника шествия. И обратно. Часто та или иная колонна, на продолжительной остановке расплывается и, глядя на проходящие колонны других организаций, с их повозками; хорами и оркестрами, воспринимает это шествие, проявляя себя уже самым настоящим зрителем. Таким образом, мы видим, что термин „зритель“, в его обычном для театра понимании, в массовом празднике может быть применен с очень и очень большой оговоркой.

Благодаря непостоянству в составе, большей подвижности зрителя массового праздника—учет его представляется особенно ответственной и сложной задачей. Фиксация его безусловно важна и необходима, так как в ней мы имеем возможность найти ответ на целый ряд существенных вопросов.

Восприятие зрителя обуславливается не только тем, что он видит, но и в значительной мере оно определяется следующими двумя фактами: 1) его составом и 2) условиями, в которых протекает массовый праздник.

Рассмотрим подробнее то и другое.

Восприятие зрителя складывается в зависимости от социального облика зрителя, его возраста, пола и т. д. Ясно, что партиец или комсомолец будут совершенно иначе реагировать на зрелище демонстрации, чем высококвалифицированный „спец“ или нэпман. Девушка в красном платочке—работница с фабрики „Скороход“, или шустрый малец с пионерским галстуком, побегут за авто, разбрасывающим листовки, прицепятся к раскрашенному трамваю, вмешаются в толпу играющих, поющих демонстрантов, в то время, как котиковое манто будет жаться к стенкам домов. Глаза этого зрителя закрываются в ужасе, когда девушка в красном платочке с визгом взлетит над десятками рук „качающих“ ее товарищей. Зритель, чуждый духу массового праздника, и останется только зрителем, он не замешается в яркую, живую толпу праздника. Эта категория включает наибольший процент случайного зрителя, вышедшего „пофланировать“ первого мая, а уж, кстати, и посмотреть на демонстрацию. Иное дело тот зритель, который еще с раннего утра толпится у места сбора и по углам маршрутных улиц.

Вся эта масса объединена одним—она, действительно, хочет все хорошо видеть. Все возвышенные места берутся с бою, на проспекте 25 Октября на подъездах, на лестнице бывш. Городской Думы—импровизированные трибуны. Заранее их занимают наиболее заинтересованные. Такой зритель наиболее активен, в особенности в молодой своей части. Он не только смотрит массовый праздник—он живет вместе с ним.

Зритель и его восприятие, как уже было упомянуто выше, в значительной мере зависят также и от общих условий, в которых протекает празднество. Прежде всего большую роль играют условия чисто метеорологического порядка. От погоды зависит многое, чтобы не сказать все. Если день солнечный, не ветренно и нет осадков, зритель идет особенно густо, праздничное настроение обеспечено. Смотреть будут долго и охотно. Активность в такие дни особенно повышенная. Хорошая погода бодрит, и в одно сливается—красочное шествие звуков оркестров и песен, и гам оживленной толпы. Поэтому особенно ярким бывает первомайское шествие, сопровождаемое в большинстве случаев хорошей погодой. Дождь, снег, сильный ветер, резкий сильный мороз—понижают настроение смотрящих, отпугивают их. И легко заметить, как с ухудшением или улучшением погоды масса зрителя то распыляется, то вновь густеет. (На последнем Октябре - 1925—можно было проследить, как поднявшийся ветер и снег часам к двум дня разогнал значительную часть собравшихся зрителей, но в то же время ни на одну минуту не приостановил движения колонн. Выводы из сравнения поведения „организованных“ колонн демонстрации и ее зрителей вполне очевидны).

Количество зрителей, его сгущение в различных пунктах, его передвижение—зависит также и от общей организации праздника. Если маршруты колонны и места сборов отдельных районов были широко известны, если они приходились на широкие улицы и площади—где было место и для зрителя, наконец, если улицы и места сборов были открыты для всех желающих (а не отделены цепью милиции)—в этом случае мы имеем условия благоприятные для массы зрителя.

Где, в каких местах обыкновенно скопляется зритель? Конечно, там, где удобнее всего смотреть, там, где больше всего можно увидеть. Особенно густа бывает толпа на перекрестках центральных улиц. Чем ближе к центральной площади, куда устремляется демонстрация, тем гуще и оживленнее масса зрителя. В районах зрители собираются у мостов, к которым стекаются колонны отдельных организаций, или у места сбора района. Здесь можно наблюдать зрителя, сплошной стеной теснящегося у играющих оркестров, у повозок

и автомобилей с различными установками. Начинают собираться задолго до означенного часа сбора колонн. По мере продвижения районных колонн волна зрителей, ранее стоявших у места сбора и главных пунктов прохождения колонн в районах, перебрасывается вместе с шествием к центру. Особенно интенсивно движение зрителя в момент вступления демонстрации в Центральный район. Еще до того, как головная колонна шествия вступает на центральную улицу, на

перекрестках, по панели, на высоких подъездах—всюду, где удобно стать, собираются зрители. По мере движения демонстрации, толпа то увеличивается, то, отхлынув, редет. Часть зрителей следует за колонной к центральной площади, на их место притекают новые толпы зрителей. Толпа движется по тротуарам и дороге, при чем преобладает движение по направлению движения шествия. Но вот приближается конец колонны. Движение зрителя становится особенно интенсивным и беспорядочным. Часть толпы сопровождающих хвост шествия продолжает двигаться по направлению ее движения, другая часть толпы, уже побывавшая у конца маршрута—центральной площади, идет навстречу шествию и, отхлынув от центра, разбредается по домам. Движение группами и беспорядочно. Перебегают, лавируют

в густой толпе. Иные вливаются в ряды демонстрантов и идут вместе с ними. Когда скопляется особенно много зрителей,—невольно формируются ряды, до четырех—пяти. Задние стараются выдвигаться вперед, проталкиваясь, выдвигают толпу с тротуара на мостовую, часто придвигая ряды смотрящих вплотную к демонстрантам. Кучками идут у оркестров и хоров (преобладает молодежь). Устремляются за автомобилями с инсценировками. Чем гуще толпа, тем усиленнее реагируют на происходящее, заражаются общим настроением. Градом сыплются шутки и замечания. Вслух обмениваются впечатлениями, переключаются со знакомыми демонстрантами. Главное внимание сосредоточено на авто и повозках, уличные установки вызывают бурю восторга, аплодисменты. Аплодируют лозунгам, удачным знаменам и плакатам. Жадно ловятся реплики актеров, поднимаются на смех сидящие в автомобилях „Штреземаны и Чемберлены“. Шутка даже самая незамысловатая вызывает громкий и дружный смех. Смеются вообще много и охотно каждой мелочи. Разговоры с актерами не прекращаются. Сплошь да рядом особенно бойкие зрители забираются в авто и повозки. Всегда интересуются технической стороной (что и как сделано). Там, где разбрасывают листовки,—всегда давка и суматоха. Листовки забираются охапками, каждый хочет захватить, как можно больше. На остановках зритель и участник демонстрации часто перемешиваются между собой. Вокруг праздничного шествия группируется уличная жизнь — и в ней активный зритель играет видную роль ¹.

Но как же организовать учет такого зрителя. Ясно, что эта работа требует особенной внимательности и тщательного подбора работников. В остальных пунктах учета (Тео, Изо, Лито и Музо) мы имеем дело с конкретными и совершенно определенными предметами, здесь же налицо постоянно меняющаяся, трудно поддающаяся учету, шумная движущаяся масса. От работника «пикета» по учету зрителя требуется максимум подвижности, энергии и сообразительности. Необходимо умение на лету ловить и записать реплику, замечание. Быстро определять, что вызвало ту или иную реакцию, какова эта реакция. Кто, на что и как реагирует. При всем этом необходимо действовать, не обращая на себя внимания, дабы не вызвать эксцессов со стороны чересчур мнительных и недоверчивых зрителей. Пикет по учету зрителя разбивается на группы, распределяя работу в зависимости от мест наибольшего скопления зрителя, как на протяжении маршрута демонстрации, так и в пунктах районных сборов.

¹ Автором здесь делается опора на „праздничную“ сторону дня.

Весь учет можно распределить на 5 частей.

1) *Хронометраж*. Здесь задачей учитывающего, является фиксация постепенного накопления зрителя, дающая возможность точно определить время, в которое зритель идет и скопляется особенно густо, когда начинают собираться и когда расходятся. В заключение можно сделать выводы, в какой промежуток времени праздник был особенно оживлен.

Хронометраж входит как необходимая принадлежность и в деталильные части учета.

2) *Движение зрителя*. Здесь необходимо учесть место движения (тротуар, мостовая и проч.) Расположение двигающегося зрителя (по направлению движения колонн, против течения, перебег через мостовую и т. д.); быстроту и интенсивность движения, густоту движущейся массы зрителя на протяжении всего времени прохождения демонстрации. (См. Хронометраж). Указать промежуток времени, в который движение особенно интенсивно.

3) *Густота зрителя*. Места особого скопления в зависимости от территориальных условий. Места особого скопления в зависимости от объекта восприятия зрителей (автомобиль, оркестр и т. д.). Густота в зависимости от территориальных условий, в зависимости от времени.

4) *Участие в действии*. Формы участия. Виды реакций (смех, аплодисменты, вмешательство в действие и т. д.). Степень активности зрителя, что вызывает особенное внимание, на что и как реагируют. Учитывая эту часть, необходимо опираться на данные состава зрителя по полу, возрасту и социальному облику (кто, на что и как реагирует). Особенное внимание обращается на реплики, замечания, обмен мнениями и разговоры, которые необходимо, по мере возможности записывать.

5) *Состав зрителя*. Ясно, что этот пункт возможно учесть лишь, приблизительно, в виду постоянной текучести массы зрителя. Здесь важно отметить, где, в какое время и кто преобладает, по социальным возрастным и др. признакам.

А. С. Гушин

Листовка

Листовка, как плакат, есть один из видов специального искусства, рассчитанного на быстрое воздействие. Она должна чем то привлечь к себе внимание (проходящего зрителя), на минуту остановить это внимание и кратко и ярко передать ему свое содержание. Соответственно с этой ролью листовки должны быть построены и методы изучения ее, распадающиеся на три основных момента: средства привлечения зрителя, внешность и содержание листовки и, наконец, результат воздействия, т. е. реакция зрителя. Если плакат является вполне самодовлеющей, цельной вещью и сам своей величиной, красками, построением и т. д., привлекает к себе внимание зрителя, то листовка на это рассчитывать не может и поэтому нуждается в каких то дополнительных факторах, которые заставили бы обратить на нее внимание масс. Следовательно, при учете массового празднества нужно обращать самое серьезное внимание на то, каким образом листовка проникает в массы, и точно фиксировать этот момент. Наше Бюро Учета имеет в этом направлении несколько очень любопытных наблюдений, но они все таки недостаточны и неполны, и только теперь, после полуторагодового опыта по учету, мы сможем достаточно точно наладить и эту сторону дела.

Листовки просто раздают люди, замешивающиеся в толпу, бросают их из окон домов, с балконов, аэропланов и, наконец, устраивают для этой цели специальные приспособления, часто устанавливаемые на грузовиках. Обычно это типографская машина, тут же печатающая их и разбрасывающая; вращающееся колесо и т. п.

Один из заводов начинал своими рекламами изображение земного шара, которое взрывается во время прецессии и раскидывает их во все стороны. Но пока у нас нет достаточно точных материалов для этой стороны дела, приходится временно этот необычайно важный вопрос оставить открытым и перейти к самим листовкам.

У меня под рукой имеются для изучения листовки Ленинграда, собранные за 1925 год и принадлежащие музею-архиву Секции Искусства Октября Г. И. И. И. Материала из других городов, который

можно было бы привлечь для сравнения, у нас, к сожалению, пока нет и поэтому придется ограничиться, главным образом, описанием внешности листовок, сравнивая два праздника—Майское и Октябрьское. И даже и этот незначительный материал дает много, в высшей степени, интересных данных для этой, никем не изученной области изобразительного искусства.

Прежде всего надо отметить бедность цветов бумаги. Самым обычным является белый, затем идет зеленый, реже красный и синий, еще реже желтый и коричневый. Черный цвет совсем отсутствует. Вообще цветные листовки—редкое явление, при чем в Октябрьских торжествах они встречаются гораздо чаще, чем в первомайских. Затем внешность листовки представляется очень своеобразной. Чаще всего—это лозунг, отпечатанный очень крупными буквами и без всяких украшений. Изредка лозунг взят в треугольную или четырехугольную рамку того же цвета, как и буквы, имеющего своею целью подчеркнуть содержание или особенно фиксировать внимание зрителя на каком нибудь определенном моменте. Иногда это достигается самим расположением букв или слов, разной величиной их, примером чего могут служить листовки „Красной Газеты“ или „Ленинградской Правды“.

Обычным типом листовки 1925 г. в Ленинграде является лозунг, отпечатанный на одной стороне, и какое нибудь объявление на другой стороне. Учреждения, выпускающие такие листовки, используют таким образом два момента—агитационно-политический и рекламный. Последний момент вообще очень характерен, именно, для последних годов Нэпа.

Наши хозорганы прекрасно учитывают огромную агитационную роль праздничной листовки, но, к сожалению, иногда это стремление к саморекламе заставляет забывать все остальное и, повидимому, во вред себе же. Мы имеем от таких учреждений, как Гиз, Трудсоюз, Безбожник, Сберегательная касса и др. целый ряд листовок, выпущенных в массовые празднества, но которые не отличишь от обыкновенных каждодневных объявлений. Ни малейшего намека на праздник, ни лозунга, ни приветствия—одна только реклама.

Приходилось наблюдать нераз, как какой нибудь товарищ, схватив подобную листовку, читает ее с каким то недоумением, не находя ничего, что подходило бы к моменту праздника, быстро ее выкидывает, тогда, как настоящие „праздничные“ любовно прячутся почти всеми.

Из рекламных—очень интересны листовки изд. „Прибой“, сложенные пополам, как страницы книги. На первой и второй странице под праздничным лозунгом, взятым в черную рамку, помещено какое

нибудь революционное стихотворение по теме праздника, а на последних двух объявления о продающихся книгах в издательстве. В стороне от этих рекламных листовок стоят листовки библиотечных объединений Василеостровского, Московско-Нарвского и Володарского районов, на которых, помимо праздничного лозунга и приветствия, помещены рекомендательные списки книг и указаны адреса библиотек данного района.

Значительно реже встречаются листовки, носящие производственный характер или иллюстрирующие рост работы предприятия за последние годы. Последнее явление представляется очень странным, особенно при сравнении с остальными моментами праздника—плакатами, декоративными автомобилями и т. д., носящими ярко производственный характер. Объясняется это тем, повидимому, что на листовку обращено слишком мало внимания, и до сих пор не использована ее огромная агитационная роль в празднестве. Только газеты и издательства ввели сравнительную таблицу роста своего тиража или изданий в листовку. „Ленинградская Правда“ даже поместила полный заголовок своей газеты в уменьшенном виде под листовку, с помещаемыми ниже ростом тиража и приветствиями.

Так же редка в листовке сатира на злобу дня. Вообще, политическая сатира, судя по чисто театральным моментам праздника, встречается массой с большим сочувствием и интересом, и листовка в этом направлении могла бы сделать очень многое. Мне известна пока только одна первомайская листовка дома Коммунистического воспитания молодежи им. т. Майорова, в которой раешником дана расшифровка подложного письма Коминтерна.

Если теперь взять изобразительную сторону листовки, то можно сразу же заключить, что здесь еще ничего определенного не выработалось. Каждый в этом направлении идет по мере своих сил и способностей. Задача листовки, повидимому, заключается в том, чтобы как то объединить шрифт лозунга с изображением, которое должно дополнять, подчеркивать, фиксировать внимание зрителя на отпечатанных словах. Листовка, в противоположность плакату, у которого центр агитационного воздействия сосредоточен, именно, на изображении, на его содержании, форме, красках и т. д., а шрифт только дополняет сказанное, уже по своим размерам должна сосредоточиться, именно, на отпечатанных на ней словах. Изобразительным элементом нужно дополнить их, принять все меры к тому, чтобы лозунг врезался ярко и надолго в уме читающего.

В листовке нужно как то оформить самую букву, и в этом направлении очень интересна первомайская листовка, сделанная в виде листка отрывного календаря, с помещенными по бокам лозунгами.

Но в огромном большинстве листовок этот момент изобразительного оформления буквы отсутствует. Обычно помещаемое изображение связано с лозунгом не формально, а по содержанию. Например, одна из листовок газеты „Ленинские Искры“ имеет в левой части изображение трех деревенских ребят, стоящих группой и читающих газету. На фоне вдали несколько крестьянских изб и группа играющих детей. В правой половине крупным шрифтом: „Ты выписал для деревни Ленинские Искры“ и более мелким внизу: „В них ты найдешь широкое освещение жизни детей деревни“.

В этом же роде и остальные листовки этой газеты.

В первомайской листовке Государственной литографии имени т. Томского сделана попытка перенести технику и принципы построения плаката на листовку. Надпись „1-ое мая 1925 г.“ делит ее вдоль на две половины. В правой—дана картина праздника у нас в СССР, с рядом символов свободного труда. Слева картинка стоит на страже красноармеец. В первой половине изображение расстрела первомайской демонстрации, помещенное в ромб, вокруг которого расположены фигуры капиталистов и священника, окно тюрьмы, виселица, рука с нагайкой, пушки и т. д. Все это размещено на листовке размером в страницу книги. Получилась масса мелких подробностей, которые замечаешь только после долгого рассматривания; смысл листовки не улавливается сразу, и в результате цели своей листовка не достигает, а стоила она, видимо, дорого, так как дана в красках. Следовательно, строить листовку на тех же принципах, что и плакат—нельзя. Листовка имеет свои особенности и свою специфическую агитационную роль, и это нужно всегда помнить при выпуске праздничных листовок.

Вообще же листовки с изобразительными картинками, заполняющими текст, крайне редки—не более 10% всей массы выпускаемых листовок и из них большая часть падает на рекламные.

Вот, приблизительно, все, что можно пока сказать о нашей праздничной листовке. Дальнейший сбор материала даст возможность углубить этот первый опыт разбора и позволит присоединить к искусству нашей революции еще одну очень интересную область. Уже сейчас, на основании такого, пока незначительного материала, можно сделать вывод, что в листовке мы имеем своеобразный вид революционного агитационного искусства, имеющий свои законы построения, свой метод воздействия на массу и т. д.

Наша праздничная листовка стоит того, чтобы ей уделили большую долю внимания для ее исследования.

В. Я. Бродский

Внешний быт массового празднества

Наш революционный праздник — ясное отражение момента той ступени завоеваний, на которой находится в данный момент пролетариат.

В общей картине празднества особенно хорошо можно проследить эту зависимость по внешнему быту праздника.

Художественное оформление внешнего быта, пусть даже мало организованное само по себе, определяет момент, дает ему яркую свою окраску.

Все, что включает в себя понятие внешнего быта массового празднества, можно разделить на две части: во первых — вещь (дом, трамвай, автомобиль), украшенная ради праздника или даже специально для него сооруженная (арка, трибуна); во вторых — масса людей и каждый отдельный человек в этой массе. Масса эта в празднике наших дней тесно переплетена с массой демонстрантов, участвующих в том или ином действии и театральном представлении, так тесно, что часто очень трудно определить, где кончается одна, и где начинается другая.

Способы этого оформления постоянно изменяются в зависимости от целого ряда причин. Очень простые и примитивные вначале, они уже теперь достигли значительного своего развития.

Самой значительной силой, которой внешнее оформление заставляет нас воспринимать настроение, присущее характеру того или иного события, является безусловно необычная, по сравнению с буднями, красочность торжественных дней.

Один из учетчиков бюро, описывая общую картину празднования 1-го мая в 1925 году на площади Урицкого, пишет в начале отчета: „От всего празднества осталось впечатление красочного моря плакатов, красные платки женщин, красные галстуки пионеров, красные цветы, банты, значки...“ Момент красочности праздника яркой чертой проходит через весь отчет: „Трибуна убрана елками и красным большим плакатом... Севпечать бросает прокламации с балкона — они первые белые птицы, летящие в воздухе... и, как волны огромного будущего моря, плакаты красные с белыми и черными буквами...“

В воздухе мелькают красные воздушные шары⁶. И, действительно, 1 мая было очень много красного и оно давило собой все остальные краски.

Чем дальше, тем больше проявляются краски в целом, и менее заметным становится обособление красного.

Каждый праздник или день общего траура имеет свою задачу и вследствие этого выражается иначе, чем другой. 21 января весь город и всякий дом одевает черное с красным и так сильно действие этого сочетания, что, как бы не отвлекался человек, он все время помнит о великой потере, и даже уличный шум кажется тише, чем обыкновенно.

Этот день носит траур.

И так сильна ассоциативная связь у нас черного цвета с печалью, что если бы не было даже в этот день ничего другого, а только черно-красные розетки и повязки на рукавах некоторых из нас,—это достаточно бы создавало атмосферу траура.

В день демонстрации силы и мощи пролетариата, когда каждая колонна, — боевая колонна и каждая шеренга демонстрации — взвод, в день Октября — не может быть такой цветистости, как в день 1-го мая — праздника строительства и пролетарской солидарности. Но цветистей всех детский праздник 31-го мая. Несмотря на относительную бедность школ, детдомов и пионерских отрядов (эта сторона дела всегда играет важную роль, как тормозящий фактор) в этом празднике больше яркости и пестроты, чем даже в мае.

Сама масса людей по яркости и украшенности одежды, конечно, очень отлична в мае, например, от Октябрьской.

В первую голову это обусловлено погодой. Массы детей, особенно многочисленные в весенние праздники, также придают празднеству более яркий вид и большее оживление.

Очень большое значение имеют для внешнего быта праздника украшенные вещи. Особенно сильно украшаются дома в мае и в Октябре, а наиболее украшенным местом в городе являются пути, по которым общая масса демонстрантов движется на площадь Урицкого, т. е. проспект 25 Октября. Всего на нем 1-го мая 1925 года был украшен 101 дом между Адмиралтейством и Октябрьским вокзалом.

Кроме того, к этому дню были поставлены табачные ларьки Лен-торгина—10 ларьков на протяжении Проспекта 25-го Октября, ларьки ЛСПО (7) и один ларек Латрабпо, все ярко раскрашенные, вносили новый интересный элемент в украшение города. В этот же день появилось несколько отремонтированных трамваев, блестящих свежей краской, на некоторых были надписи и даже целые агитационные плакаты Доброхима. Все трамваи были украшены флагами и лозунгами,

маленькие флажки были и на автомобилях. Я видел даже несколько извозчиков, лошади которых были обвешены лентами.

В Октябре 1925 года украшения были еще более многочисленны и более искусно сделаны.

Интересен был опыт трибуны на площади Урицкого, совершенно изменивший облик площади и придавший ей праздничную необычность.

В домах украшаются витрины магазинов, являющиеся благодарным материалом для совмещения задач праздничного украшения с задачами рекламы. В окне Ленгиз'а 1 мая была модель здания Ленгиз'а, из двери которого вытекала струя книг, изданных Ленгизом; в витрине Госметра— звезда из метров и надпись из гирь; в витрине Севзапгосторга была показана машина на ходу, пламя в которой изображалось освещенными из глубины красными лентами, развевающимися под ветром вентилятора. Как реклама, отчасти, были употреблены автомобили ЛСПО и различных издательств, которые до глубокой ночи разъезжали по улицам города. Вечером, кроме освещения украшений и зажигания транспарантов, прибавлялись еще два элемента: демонстрирование на улице кино-фильм и фейерверки.

Если прибавить еще сюда прожекторы и иллюминацию стоящих на Неве судов, то все виды украшения города будут исчерпаны, не считая триумфальных арок, очень употребительных прежде, и почти исчезнувших, по крайней мере в Ленинграде, теперь.

С того времени цветистость будней повысилась, обилие плакатов, свето-реклам, транспарантов и большая украшенность витрин принудят ближайший праздник так или иначе быть более ярким.

Несомненно, разными глазами глядят на жизнь и по разному ее воспринимают советский служащий, интеллигент или заводский рабочий. В зависимости от классового состава района изменяется его лицо — его внешний быт. Красные одинаково повязанные платочки, почти у каждого, темная кепка, стремление маршировать в ногу и окружающая толпа, сияющая слиться с демонстрацией, вот картина рабочего района. Как будто строгая, почти военная, дисциплина заставляя рабочий район смыкаться рядами и отыскивать общий ритм движения.

Совсем иначе обстоит дело, например, в Центральном районе. Прежде всего, существует резкая грань между демонстрацией и публикой. Хотя музыка иногда и увлекает толпу на тротуаре, но, в общем, она совершенно анархична и спутанна в своем движении, здесь нельзя наблюдать картину превращения улицы в поток с единым течением—здесь всегда друг сквозь друга прорываются группы людей, нерешительно кружатся, останавливаются поглазеть.

Демонстрация здесь идет толпою, ряды путаются, не могут идти в ногу, и вообще демонстрация имеет мало организованный вид. 1-го Мая в рядах одной из демонстраций Центр. р. был раскрыт большой дождевой зонт: трудно придумать вещь, появление которой больше бы диссонировало с маршем колонны демонстрантов.

В восприятии цвета также существует некоторая зависимость от социальных условий, выражающаяся в постоянстве отношений между различными районами.

В украшениях демонстрации 31 мая в Центральном районе встречались 13 различных красок, а в Петроградском—только 10.

В демонстрации Октября 1925 г.—в Центральном районе встречались 17 красок, а в Петроградском—12. Произошел общий рост, но соотношение осталось почти неизменным. Внутри каждого района существуют некоторые отношения между частотой встречаемости различных красок, изменяющиеся в соответствии с общей изменчивостью отношений: так, 31 мая в Центральном районе красная краска встречалась в 25% общего количества красок, а в Октябре, к которому общее отношение красной краски уменьшилось, оказалось в том же Центральном районе в 20,3% всех красок. Такие же отношения соответственно происходят в разных районах, не нарушая в то же время существующих между ними соотношений.

Конечно, нет твердых статистических данных о красочности прежних праздников, но, если просмотреть старые газеты и дополнить их личными воспоминаниями, становится ясно, что эти изменения начались не теперь, а идут, закономерно развиваясь от первых наших праздников, когда, кроме красной, никакой краской и не были украшены демонстрации.

В начале военного коммунизма никакого украшения не могло быть у демонстрации, кроме красного знамени или лозунга, да и сами демонстрации походили на военные парады.

С течением времени появились агит-плакаты, посвященные, главным образом, политической сатире; затем с каждым праздником расширялись темы, вопросы внутреннего строительства; выступили на первый план и диаграммы достижений производства, образцы этого производства стали занимать первое место во внешнем быте массового праздника.

Даже полит-сатира отступила на второй план перед новыми задачами момента.

Каждое производство отчитывается теперь перед глазами тысячных масс в дни революционных демонстраций диаграммами на стенах своих зданий, на своих автомобилях, участвующих в шествии. Процесс производства выносится на улицу в виде машин, установленных на грузовиках и проводящих все производство тут же на улице.

Часто ставились триумфальные арки, обыкновенно из очень непрочного материала, который не убранный превращался очень скоро в печальный остов. Но в дни праздников арки выглядели торжественно и очень хорошо украшали улицы. Вообще украшения происходили не только в дни канонизированных, так сказать, революционных празднеств, но и по случаю различных торжеств более случайного и местного характера. Так, по всему пути автомобильного пробега прошлого года сооружались арки и украшались места въезда в город.

Очень интересной попыткой праздничного сооружения, сочетающего декоративное значение с наибольшим удобством для прохождения перед ним демонстрирующих колонн, была трибуна, построенная для празднования VIII годовщины Октября на площади Урицкого. Использование Александровской колонны в качестве флагштока надо признать, было очень интересным и удачным.

Правильно была использована старая трибуна на площади Урицкого, которую к каждому торжественному событию украшали соответствующими лозунгами и плакатами.

Постоянно изменяясь, она действовала каждый раз, как свежий новый элемент в празднестве, что было, конечно, лучше любой неизменяющейся декоративной установки.

Такой же сдвиг мы видим и у самих демонстрантов. Еще Первого Мая грузчики вышли на улицу в прозодежде, а в Октябре уже целый ряд организаций постарался ярко выделить своих членов из общей массы демонстрантов. Табачницы одной из фабрик имели, например, значки довольно значительного размера, символизирующие их производство и выделяющие их (с прибавлением к общей картине еще одинаковых красных платков) в отдельную группу.

В этом отношении на первом месте, конечно, „Спартак“, все отряды которого в цветных майках, со значками на груди—самые стройные колонны и самые яркие цветные пятна демонстраций.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
Массовые Празднества на Западе <i>А. А. Гвоздев</i>	5
Хроника Ленинградских Празднеств 1919-22 г. <i>А. И. Пиот- ровский</i>	53
Массовые Празднества Ленинграда 1924-25 г.	
Предисловие <i>Н. Е. Извеков</i>	85
„Октябрь 1924 г.“ <i>А. Д. Авдеев</i>	96
„1 мая“ 1925 г. <i>Н. П. Извеков</i>	106
„День просвещения“ 31 мая 1925 г. <i>Б. Н. Кильпио</i>	131
„XI МЮД“ 6 сентября 1925 г. <i>С. Э. Паллерштейн</i>	137
8-я годовщина Октября—1925 г.	149
I. Площадь Урицкого и путь демонстрации <i>А. Д. Диев</i>	—
II. Художественное оформление праздника <i>Н. А. Ласточкин</i>	162
III. Восьмая годовщина в клубах <i>О. М. Лежова</i>	182
Зритель Массового Праздника <i>Р. Р. Сусловичь</i>	190
Листовка <i>А. С. Гуцин</i>	196
Внешний быт Массового Праздника <i>В. Я. Бродский</i>	203

0
Цена 2 р. 50 к.

СКЛАД ИЗДАНИИ:

Магазины «АСАДЕМІА»

Ленинград, пр. Володарского, 40. Тел. 138-98
Москва, Тверская, 29. Тел. 545-13.